

Баронъ Иванъ фонъ Нолькенъ.

ВЪ
КУРЯНДСКОМЪ
ЗАМКѢ

РОМАНЪ.

T. Davidsъ.

Баронъ Иванъ фонъ Нолькенъ.

Въ Курляндскомъ замкѣ.

РОМАНЪ.

1928 г.

Складъ изданія: Jean de Nolcken. Lettonie,
Riga, Dzirnau ielā, № 5, dz. 18.

Эта книга напечатана
въ типографіи
Акц. Общ. Печатнаго Дѣла
„САЛАМАНДРА“,
Рига, б. Кузнечная № 43.

Всѣ права сохранены
за авторомъ.

I.

Шесть часовъ утра. Иванъ Петровичъ Вѣринъ проснулся. Большая комната, вдоль стѣнъ которой стояли дешевыя желѣзныя кровати, тонула въ полумракѣ осенняго разсвѣта.

Вѣринъ не сразу сообразилъ, гдѣ онъ находится. А когда вспомнилъ, облегченно вздохнулъ.

— Спасень, — промелькнуло въ его мозгу, — безусловно спасень. Волшебный сонъ! Еще вчера я былъ рабомъ, ничтожествомъ, бывшимъ генераломъ, стоящимъ внѣ закона, котораго каждую минуту могли лишить свободы, замучить, пристрѣлить, а сейчасъ я опять человѣкъ, я опять гражданинъ, я опять могу жить и дышать... Хорошо, до жути хорошо и чудесно!

При этихъ мысляхъ Вѣринъ сладко потянулся и сталъ напряженно думать о пережитомъ, о будущемъ. Спать ему уже больше не хотѣлось, но и подниматься съ постели онъ также не чувствовалъ охоты.

Ему вспомнились послѣдніе дни, проведенные имъ въ Москвѣ. Такъ ярко, такъ живо передъ его мысленнымъ взоромъ носились образы жены, дочери, друзей. Въ августѣ 1918 года Вѣринъ послѣ ареста, которому его подвергли съ другими офицерами Московскаго гарнизона, опасно заболѣлъ. Какъ только онъ нѣсколько поправился, на общемъ семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что Иванъ Петровичъ тайнымъ путемъ переберется за границу. Предполагалось, что генералъ переѣдетъ одинъ, а затѣмъ, если переѣздъ совершится благополучно, къ нему присоединится семья его.

Послѣ ряда приключеній въ началѣ октября Вѣринъ очутился въ ***. Всѣхъ русскихъ, попавшихъ въ этотъ городокъ, оккупированный нѣмецкими войсками, сажали на двѣ недѣли въ карантинъ. Попалъ въ карантинъ и Вѣринъ.

Въ комнатѣ, въ которой его помѣстили, находилось пятнадцать человѣкъ, преимущественно латышей и эстонцевъ.

Карантинъ нѣмецкое командованіе оборудовало въ новыхъ баракахъ на краю города, возведенныхъ во время войны русскими властями для раненыхъ и больныхъ.

Около семи часовъ Вѣринъ всталъ. Начали подниматься и остальные его спутники. Въ восемь часовъ двѣ мрачнаго вида старыя эстонки принесли въ коридоръ, превращенный въ столовую, чайники, наполненные горячей черной жидкостью. Это пошло замѣняло кофе. Кромѣ того, каждый получилъ по тарелочкѣ яблочнаго мармелада и около фунта солдатскаго хлѣба на весь день. Хлѣбъ, сѣроватаго цвѣта и съ большой примѣсью картофельной муки, Вѣрину понравился.

Вообще все ему здѣсь нравилось: и типичный военный нѣмецкій докторъ, похожій больше на строевого офицера, нежели на врача, и привившій ему оспу и брюшной тифъ, и краснощекая сестра милосердія, эстонка, помогавшая врачу и наблюдавшая за порядкомъ въ баракахъ, и солдатъ-вѣстовой, аккуратно и добросовѣстно весь день покупающій для находящихся въ карантинѣ съѣстные припасы, и все остальное.

Послѣ обѣда, который былъ принесенъ мрачными эстонками въ 12 часовъ дня и состоялъ изъ похлебки, показавшейся Вѣрину очень вкусной, обитатели карантина разбились на группы. Нѣкоторыя группы занялись чаепитіемъ.

За однимъ изъ столовъ, отдѣльно отъ другихъ, расположилась парочка, обратившая на себя вниманіе Ивана Петровича. Онъ, совсѣмъ юный и очень красивый блондинъ, производилъ впечатлѣніе офицера, хотя стройное тѣло его облакалъ плохенькій сѣрый штатскій костюмчикъ. Она же, далеко не первой молодости, бросалась въ глаза своимъ аристократическимъ обликомъ. И такъ заразительно дѣйствовала ея смѣхъ, смѣхъ не громкій, сдержанный, но удивительно сочный и пріятный. Оба имѣли въ высшей степени счастливый видъ. Ихъ можно было принять за влюбленныхъ.

— Интересные люди, — подумалъ Вѣринъ, — какъ бы съ ними познакомиться, а то скучно все время играть въ молчанку.

Случай, какъ это часто бываетъ, пришелъ ему на помощь. Дама уронила свой носовой платокъ. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ поднять платокъ и, возвращая его собственницѣ, съ улыбкой сказалъ:

— Вѣроятно, какъ и я, спасаетесь отъ большевиковъ? Удираете изъ совѣтскаго рая?

Дама очень любезно отвѣтила, и черезъ нѣсколько

минуть экспансивный генераль оживленно бесѣдовалъ со своими новыми знакомыми. Молодой человекъ назвался мичманомъ Августомъ Борисовичемъ Девъенномъ, а спутницу свою онъ представилъ Вѣрину, какъ свою невѣсту. Юлія Александровна, видимо, привыкла къ обществу и оказалась очень разговорчивой.

— А вы, ваше превосходительство, — спросилъ мичманъ, — легко перебрались черезъ границу?

— Удалось вамъ перевезти свои вещи и деньги? — поинтересовалась Юлія Александровна.

— Проѣхалъ я вполне благополучно, — отвѣтилъ генераль, — и, представьте себѣ, даже сундукъ съ вещами перевезъ и около двадцати тысячъ.

— Да, все случайность, — замѣтила Юлія Александровна. — Насъ тоже пропустили безъ придиорокъ, а вотъ одного еврея на нашихъ глазахъ на таможенѣ обобрали до чиста. Все отняли — и вещи, и нѣсколько сотъ тысячъ, а самого еврея арестовали подъ предлогомъ, что черезъ границу разрѣшается провозить всего одну тысячу рублей.

— А куда вы теперь? — спросилъ Вѣринъ, — въ Германію?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Девъень, — мы направляемся въ Финляндію къ моему дядѣ; тамъ у него имѣніе. А вы?

— А я ѣду въ Курляндію къ моему родственнику. Буду поджидать тамъ семью. Какъ дальше устроимся, не знаю.

Разговоръ продолжался, при чемъ, видимо, обѣ стороны были довольны случаю обмѣняться впечатлѣніями. У Вѣрина и Девъена оказались общіе московскіе знакомые. Девъень раньше служилъ въ гвардейскомъ экипажѣ и участвовалъ въ февралѣ 1917 года въ оборонѣ царскосельскаго дворца, гдѣ проживала императрица Александра Теодоровна съ дочерьми и наследникомъ. Объ этой оборонѣ мичманъ рассказывалъ съ большимъ воодушевленіемъ, отзываясь съ восторгомъ о хладнокровіи и самоотверженіи императрицы и великихъ княженъ.

Юлія Александровна словоохотливо сообщила о себѣ, что она уже была замужемъ, но развелась, что отецъ ея одно время командовалъ въ Варшавѣ корпусомъ, а въ октябрѣ 1917 года его звѣрски замучили большевики, не взирая на то, что онъ былъ пять разъ раненъ во время японской и послѣдней войны, имѣлъ два Георгія и отъ ранъ, старости и болѣзней едва ходилъ.

— Его убили за то, — со вздохомъ сказала Юлія Александровна, — что онъ въ 1905 году былъ одно время во главѣ карательныхъ отрядовъ, водворявшихъ порядокъ въ Эстоніи. Вспомнили, поставили ему это въ вину и замучили самымъ страшнымъ образомъ.

— Ты лучше расскажи генералу, — постарался переменить разговоръ мичманъ, — какъ ты въ Варшавѣ ходила по Уяздовской аллеѣ съ маленькимъ слономъ и спала съ двумя молодыми удавами.

— Неужели? — счель долгомъ удивиться Вѣринъ.

— Правда, — съ улыбкой отвѣтила Юлія Александровна. — Видите ли, отецъ мой былъ вдовъ, очень богатъ, страшно баловаль меня и ни въ чемъ никогда мнѣ не отказываль. А я съ дѣтства питала особое пристрастіе къ экзотическимъ животнымъ. Вотъ я и упросила отца выписать слона и удавовъ. Прелестнаго слона - лилипута и двухъ молодыхъ очень симпатичныхъ удавовъ для меня и выписали изъ Гамбурга отъ Гагенбека. Я слона очень любила и, дѣйствительно, гуляла съ нимъ иногда по Уяздовской аллеѣ.

— И полиція не препятствовала? — спросилъ Вѣринъ.

— Ничуть. Папу всѣ такъ хорошо знали. Однажды самъ генераль-губернаторъ встрѣтился со мною и моимъ слоникомъ и очень смѣялся.

— А какъ удавы? — поинтересовался Вѣринъ.

— Удавы жили у меня нѣсколько мѣсяцевъ. Вели они себя прилично, но въ концѣ концовъ папа убѣдилъ меня подарить ихъ зоологическому саду... Да, судьба играетъ человѣкомъ. Все у меня было: богатство, связи, дивная вилла въ Ниццѣ, которую я продала всего три года тому назадъ, а сейчасъ... только онъ и остается, — кончила Юлія Александровна, бросивъ нѣжный взглядъ на мичмана.

— Все было, сейчасъ ничего нѣтъ, а потомъ опять все будетъ, — весело замѣтилъ Девьень. — Вотъ отвезу ее къ дядѣ, у него мы обвѣнчаемся, а затѣмъ я поѣду на югъ и буду сражаться въ рядахъ бѣлой арміи.

— Не пушу, — полушутя уронила Юлія Александровна.

— Пустишь! Сама снарядишь въ путь. Если я уклонюсь отъ борьбы съ большевиками, ты первая будешь меня презирать.

Юлія Александровна вздохнула и ничего не возразила.

Къ разговаривающимъ подошла сестра милосердія и передала имъ, что только-что въ карантинъ прибылъ русскій офицеръ, у котораго нѣтъ ни бѣлья, ни пальто, ни денегъ.

— Я знаю, господа, что вы сами офицеры, — сказала сестра, — а потому и обращаюсь къ вамъ. Да не хотите ли взглянуть на него? Онъ въ отдѣльной комнатѣ пока, такъ какъ страшно грязенъ.

Вѣринъ и его новые знакомые пошли за сестрой. Она ввела ихъ въ маленькую комнату, въ которой на стулѣ сидѣло подобіе человѣка. Одѣтъ былъ человѣкъ въ лохмотья. На лицѣ его была написана безконечная подавленность. вмѣсто лѣваго глаза виднѣлся сплошной красный рубецъ.

— Мнѣ сказали, что вы офицеръ, — тихо проговорилъ Иванъ Петровичъ, — откуда вы? Я — генераль Вѣринъ.

При этихъ словахъ человѣкъ всталъ и усталымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Я, ваше превосходительство, поручикъ Янсонъ. Родомъ я изъ Ревеля. Во время войны сражался на кавказскомъ фронтѣ. Тамъ и глазъ потерялъ, шесть разъ былъ раненъ. Послѣ революціи рѣшилъ пробраться на родину. Нѣсколько разъ большевики меня задерживали, и два раза я былъ на волосокъ отъ разстрѣла. Шелъ гдѣ пѣшкомъ, а гдѣ ѣхалъ зайцемъ. Никакихъ документовъ при себѣ у меня не было и нѣтъ. А потому нѣмцы не хотѣли пропустить сюда. Тогда я легъ у колючей проволоки и заявилъ, что пусть меня убьютъ, но къ большевикамъ я не вернусь. Сжалились въ концѣ концовъ, взяли и привели сюда.

Вѣринъ задалъ поручику нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ, дѣйствительно, офицеръ и сражался на Кавказѣ. На всѣ эти вопросы Янсонъ отвѣтилъ вполне удовлетворительно.

— Что - жъ, господа, — обратился Иванъ Петровичъ къ Девьену и его невѣстѣ, когда они опять очутились въ коридорѣ, — надо устроить въ пользу несчастнаго поручика сборъ. Поможемъ ему!

Немедленно приступили къ подпискѣ, въ которой приняли участіе почти всѣ обитатели карантинныхъ барачковъ. Путешественника снабдили и деньгами, и бѣльемъ, и одеждой.

II.

Не взирая на то, что жизнь въ карантинѣ протекала въ высшей степени однообразно, Вѣринъ не скучалъ. Онъ чувствовалъ себя точно въ санаторіи: отлично спалъ, много

ѣлъ и съ любопытствомъ приглядывался къ окружающимъ его лицамъ.

Особенно интересовали его нѣмецкіе военные. Онъ часто вступалъ въ длинныя бесѣды и съ караульными солдатами, и съ писарями, собиравшими въ баракахъ разныя справки. Говорилъ Вѣринъ по-нѣмецки съ ужаснымъ русскимъ акцентомъ, но все же достаточно свободно. Его понимали.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія Иванъ Петровичъ познакомился съ нѣмецкимъ лейтенантомъ Шунке. Шунке отлично владѣлъ русскимъ языкомъ, и, видимо, служба его заключалась въ собираніи свѣдѣній о Россіи, о большевикахъ и о русской арміи.

— Скажите, генераль, — какъ-то разъ обратился Шунке къ Вѣрину, гуляя съ нимъ по обширному двору карантина, — какъ у васъ тамъ орудуютъ большевики? Долго-ли они еще поцарствуютъ?

Вѣринъ подробно объяснилъ лейтенанту, что терроръ большевиковъ въ Россіи продолжается во всю, что конца этому террору не видно, что русскіе собственными силами свергнуть большевиковъ не въ состояніи и что многіе патріоты всю свою надежду возлагаютъ на Германію: если бѣ императоръ Вильгельмъ послалъ два корпуса въ Москву, то сверженіе большевицкой власти превратилось бы въ шутку. Лейтенантъ внимательно выслушалъ Вѣрина, далъ ему возможность вполнѣ высказаться и, когда тотъ умолкъ, сталъ возражать:

— Видите ли, генераль, сейчасъ мы такъ заняты войной, что выдѣлить два корпуса для борьбы съ вашими большевиками мы физически не въ состояніи. Мы, конечно, отлично понимаемъ, что большевики представляютъ опасность для всей Европы, но приходится потерпѣть. Подождите немного, дайте намъ передохнуть, и тогда мы васъ освободимъ отъ большевиковъ.

— Но почему-же, — не удержался Вѣринъ, — вы къ намъ пропустили этихъ разбойниковъ Ленина и Троцкаго? Вѣдь вашъ генеральный штабъ отправилъ ихъ къ намъ?

— Ну, знаете, — замѣтилъ Шунке, — въ политикѣ часто приходится поступать... какъ бы это сказать, ну, не вполнѣ корректно. Впрочемъ, по этому поводу я предпочелъ бы не распространяться.

— А вы не боитесь, — продолжалъ Иванъ Петровичъ, — что и у васъ вспыхнетъ революція? Дурной примѣръ все-

гда заразителенъ. Вѣдь наши большевики, увѣренъ, ведутъ въ вашихъ войскахъ усиленную агитацію.

— Конечно, конечно, — согласился лейтенантъ, — ваши большевики имѣютъ своихъ агитаторовъ и въ нашихъ войскахъ. Мы это отлично знаемъ и принимаемъ противъ этого мѣры. Напримѣръ, этотъ карантинъ созданъ главнымъ образомъ по политическимъ соображеніямъ. О каждомъ русскомъ бѣженцѣ мы собираемъ точныя справки и пропускаемъ его только тогда, когда получимъ благопріятные отзывы. Вотъ и относительно васъ послана телеграмма въ Курляндію. Вѣдь вы, какъ я знаю, ѣдете туда въ имѣніе къ своимъ родственникамъ. Ну-съ, а что касается возможности революціи въ Германіи, то эта возможность совершенно исключается. Мы, нѣмцы, слишкомъ культурны, чтобы не понимать, что во время войны никакихъ переворотовъ совершать нельзя. Это слишкомъ опасная игра! А кромѣ того, и въ войскахъ, и въ народѣ имя нашего императора пользуется такимъ обаяніемъ, такимъ престижемъ, что противъ него, конечно, ни одинъ нѣмецъ не пойдетъ. Революція у насъ въ настоящее время вещь невыслышанная.

Лейтенантъ ушелъ, а Вѣринъ направился къ нѣмецкому солдату, стоявшему въ качествѣ часового около колочей проволоки, окружавшей бараки, и вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Генераль зналъ, конечно, что часовые не имѣютъ права разговаривать, но онъ давно уже замѣтилъ, что правило это не соблюдалось: часовые, видимо, скучали и рады были поболтать.

— Вѣроятно, и у нѣмцевъ дисциплина поколебалась, — подумалъ Иванъ Петровичъ, начиная разговоръ съ довольно пожилымъ часовымъ, уныло стоявшимъ съ винтовкой у ноги.

— Вы откуда родомъ? — началъ Вѣринъ.

— Я изъ Дрездена, — охотно отвѣтилъ солдатъ. — Саксонецъ. Знаете Дрезденъ?

— Отлично! Я тамъ бывалъ. Эльба, Прагеръ-штрассе, Цвингеръ!.. Чудесный и красивѣйшій городъ!

— Именно чудесный, — подхватилъ часовой, — я живу въ Нейштадтѣ. Тамъ у меня мелочная лавочка; теперь жена и дочь торгуютъ... А какъ вы думаете, господинъ, скоро война кончится? Пора бы уже!

Иванъ Петровичъ сдѣлалъ глубокомысленное лицо и медленно прощѣдилъ, подбирая съ нѣкоторымъ трудомъ подходящія нѣмецкія выраженія:

— Знаете ли, это очень трудно сказать. Если бы въ Россіи не было большевиковъ, тогда, конечно, война кончилась бы раньше. Вы вѣдь, вѣроятно, слышали, что нашъ покойный императоръ, замученный коммунистами, мечталъ о заключеніи мира съ Германіей. Не будь революціи, думаю, наше императорское правительство не только бы заключило миръ съ Германіей, но побудило бы къ этому англичанъ и французовъ. Революція всему этому помѣшала.

— Такъ, такъ, — одобрительно закивалъ головой чашовой, — я объ этомъ уже слыхалъ.

— А вамъ, должно быть, страстно хочется опять очутиться въ вашемъ великолѣпномъ Дрезденѣ?

— Еще бы, — горячо подхватилъ нѣмецъ, — я вѣдь почти два года провелъ на французскомъ фронтѣ; меня три раза ранили. Жена и дочь не въ состояніи безъ меня справиться съ лавкой. И эти постоянныя разочарованія!.. Вотъ всѣ думали, что послѣ Брестъ-Литовскаго мира война кончится, а ей и конца нѣтъ. Нервы не выдерживаютъ!..

III.

На десятый день пребыванія Вѣрина въ карантинѣ нѣмецкій унтеръ-офицеръ объявилъ генералу, что всѣ нужны справки о немъ получены, и онъ можетъ ѣхать. Иванъ Петровичъ предполагалъ, что его выпустятъ на свободу и разрѣшатъ ѣхать на всѣ четыре стороны. Но его ожидало нѣкоторое разочарованіе.

Оказалось, что всѣхъ бѣженцевъ водворяли на мѣсто ихъ жительства по этапу. Съ партией „реэмигрантовъ“ Вѣринъ подѣ командой браваго унтеръ-офицера конвоира долженъ былъ отправиться въ Ревель, а уже оттуда его должны были доставить въ Курляндію.

— Осторожный народъ, — подумалъ Иванъ Петровичъ, усаживаясь поздно вечеромъ со своими спутниками въ переполненный вагонъ третьяго класса, — прямо отпустить не рѣшаются, все дѣлаютъ систематично.

Вагонъ не освѣщался и не отапливался. Вѣринъ, укутавъ ноги пледомъ, забился въ уголъ жесткой скамьи, куда его усадилъ конвоиръ, величавшій его все время „господиномъ генераломъ“ и заботившійся о немъ, какъ о безпомощномъ ребенкѣ.

Бхали преимущественно прибалтійскіе нѣмцы, эстонцы и евреи. Женщины преобладали.

Когда поѣздъ тронулся, унтеръ - офицеръ довольно пріятнымъ голосомъ заплѣлъ какой - то чувствительный романсъ. Молоденькая дѣвушка начала ему вторить тихимъ голосомъ. Кончивъ свой романсъ, нѣмецъ принялся забавлять публику разными рассказами „видами“ и прибаутками. Въ скоромъ времени онъ овладѣлъ вниманіемъ всего вагона, и каждая шутка, каждое слово его сопровождались общимъ взрывомъ дружнаго смѣха. Особенно сильно реагировали женщины, на которыхъ красивый, развязный Цумплацъ, — такую любопытную фамилію носилъ конвоирь, — производилъ, видимо, неотразимое впечатлѣніе.

— Остроумный паренъ, — подумалъ Иванъ Петровичъ, прислушиваясь къ тому, что говорилъ унтеръ-офицеръ, — и какой неизсякаемый источникъ всякихъ забавныхъ исторій, остротъ и подчасъ плоскихъ, но все же смѣшныхъ, чисто - нѣмецкихъ „видовъ“! И сразу сдѣлался душой общества въ нашемъ вагонѣ. Занятно!

— Я вамъ расскажу, господа, — началъ между тѣмъ Цумплацъ новый рассказъ, — какъ я выигралъ одно очень оригинальное пари. Передъ самой войной гулялъ я однажды въ обществѣ одной очень симпатичной дамочки по Берлинскому зоологическому саду. Ходили мы это ходили, смотрѣли мы это смотрѣли, и вдругъ передъ нами яма съ медвѣдями. И вотъ вдругъ моя дамочка говоритъ мнѣ: — „а вы, господинъ Цумплацъ, не побоялись бы спуститься къ медвѣдямъ?“ „Не побоялся бы!“ — отвѣчаю. — „Такъ лѣзьте въ яму!“ — „Зачѣмъ?“ — „Чтобы доказать свою любовь.“ А надо вамъ сказать, господа, что я, дѣйствительно, былъ безъ ума влюбленъ въ свою спутницу, и она это знала. Что тутъ было дѣлать?

— Ну, что же вы сдѣлали?... Дальше! — слышалось изъ всѣхъ угловъ вагона.

Конвоирь сдѣлалъ большую паузу и затѣмъ со смакомъ продолжалъ свое повѣствованіе:

— Вотъ что я сдѣлалъ. Я говорю моей дамочкѣ: — „Хотите на пари, что я спущусь къ мишкамъ?“ А она расхохоталась и отвѣчаетъ: — „Хорошо, если вы спуститесь къ медвѣдямъ, я васъ поцѣлую, а если нѣтъ, то вы мнѣ купите новый зонтикъ. Идетъ?“ — „Идетъ!“ Надо сознаться, что танцовать польку съ мишками я, конечно, не собирався, но пари все же выигралъ...

— Какъ, какъ?... Не тяните!..

— А вотъ какъ! я зналъ, что у моей дамочки доброе сердце, не такое, какъ у той красавицы, которая заставила одного храбраго рыцаря поднять ея перчатку, брошенную...

— Это у Шиллера описано, — воскликнула миловидная нѣмочка, съ особымъ вниманіемъ слушавшая рассказчика, — я это знаю. Рыцарь спустился ко львамъ и...

— Именно, именно, барышня, — вѣжливо, но твердо перебилъ нѣмочку конвоирь, — видимъ, что вы отлично знакомы съ литературой. Отъ всей души радуюсь этому. Какое счастье ожидаетъ вашего супруга! Какая у него будетъ умная и образованная женашка!.. Но я продолжаю и извиняюсь за отклоненіе въ сторону. Вижу, господа, что ваше вниманіе дошло до своего апогея. Итакъ, вотъ что я сдѣлалъ: я перебросилъ одну ногу черезъ ограду и сдѣлалъ видъ, что собираюсь прыгнуть къ медвѣдямъ, которые смотрѣли на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но довольно дружелюбно. Дамочка моя этого не ожидала. Она, конечно, страшно перепугалась, обхватила меня своими нѣжными ручками за шею и энергично старалась помѣшать мнѣ привести свое намѣреніе въ исполненіе. Я вырывался, но прелестныя руки обхватывали меня все сильнѣе и сильнѣе... Наконецъ я заявилъ трагическимъ голосомъ, что она должна признать, что пари ею проиграно, или же я брошусь въ яму къ медвѣдямъ вмѣстѣ съ нею. И... (тутъ Цумплацъ для большаго эффекта сдѣлалъ особенно длинную остановку) ей пришлось уступить, она признала себя побѣжденной.

Дружный хохотъ и одобрительные возгласы вознаградили рассказчика. Онъ немного помолчалъ и затѣмъ затаилъ какую-то народную нѣмецкую пѣсню.

Въ вагонѣ было такъ тѣсно сидѣть, что не только спать, но и дремать было трудно, а потому выступленія Цумплацъ пришлись очень кстати. Почти всю ночь напролетъ онъ развлекалъ своихъ спутниковъ, обнаруживъ неутомимость и изобрѣтательность.

Раннимъ утромъ поѣздъ подошелъ къ Ревелю, гдѣ въ канцеляріи мѣстнаго коменданта двое нѣмецкихъ офицеровъ подробно опросили Вѣрина. Нѣмецкіе офицеры познакомили Ивана Петровича съ однимъ русскимъ полковникомъ, организующимъ, съ согласія германскихъ властей, въ прибалтійскомъ краѣ добровольческіе отряды изъ бывшихъ русскихъ военныхъ для борьбы съ большевиками въ Россіи.

Полковникъ предложилъ Вѣрину записаться добровольцемъ, но тотъ отвѣтилъ, что онъ сначала долженъ осно-

вательно отдохнуть и полѣчиться, такъ какъ чувствуетъ себя совершенно больнымъ и никуда не годнымъ.

Изъ Ревеля подъ конвоемъ Цумплаэ Иванъ Петровичъ отправился къ мѣсту своего назначенія. Въ видѣ особой любезности германскіе офицеры снабдили генерала и его спутника казенными билетами не третьяго класса, какъ это полагалось, а второго.

Въ переполненномъ вагонѣ Вѣринъ и Цумплаэ заняли два отдѣльныхъ кресла, расположенныхъ другъ противъ друга. Генераль не узнавалъ конвоира. Онъ совершенно преобразился. Изъ шутника, балагура и зубоскала онъ вдругъ превратился въ серьезнаго, сосредоточеннаго и скромнаго молодого человѣка.

Всю дорогу бесѣдовалъ Иванъ Петровичъ со своимъ конвоиромъ. Онъ ему положительно нравился. Цумплаэ словоохотливо сообщилъ генералу, что родомъ онъ изъ Вестфалии, что тамъ у него имѣются жена и двѣ дѣвочки, что получаетъ онъ жалованья 80 марокъ, изъ коихъ 50 отправляетъ семьѣ, что жена получаетъ отъ правительства ежемѣсячное пособіе въ 100 марокъ, что по профессіи онъ кузнецъ, что, какъ всѣ нѣмцы, съ шести до четырнадцати лѣтъ онъ посѣщаль народную школу, — однимъ словомъ, къ вечеру Вѣринъ зналъ подробную біографію своего спутника.

— Скорѣй бы ужъ эта война кончилась, — въ концѣ бесѣды заявилъ унтеръ-офицеръ, — очень ужъ всѣ мы устали! А жизнь все дорожаетъ и дорожаетъ. Положимъ, мы должны, мы обязаны побѣдить и побѣдимъ. У насъ другого выхода нѣтъ. Иначе Германія погибнетъ. Надо терпѣть!

— А вы не боитесь, — задалъ Иванъ Петровичъ свой любимый вопросъ, — что и у васъ, какъ и у насъ, вспыхнетъ революція? Вѣдь агитація въ вашихъ войскахъ, вѣроятно, идетъ во всю.

Генерала удивило, что Цумплаэ на этотъ вопросъ отвѣтила далеко не такъ увѣренно, какъ лейтенантъ Шунке и другіе германскіе офицеры.

— Ну, не думаю. Кажется, народъ понимаетъ, что никакихъ революцій во время войны устраивать нельзя. И нашего императора мы любимъ. Впрочемъ, кто это знаетъ...

Тутъ тактичный нижній чинъ замолчалъ и перевелъ разговоръ на другое. На слѣдующій день они прибыли въ Ригу. Въ Ригѣ всѣ гостиницы оказались переполненными,

и Вѣринъ рѣшилъ безъ ночевки продолжать свой путь. Въ Туккумѣ Иванъ Петровичъ и Цумплацэ остановились въ вполнѣ чистомъ номерѣ единственной въ городѣ гостиницы.

— Какъ странно, — подумалъ генералъ рано утромъ, отправляясь въ дальнѣйшій путь, — ни клопы ночью не кусали, ни блохъ не было; чисто, опрятно. На нашу матушку Русь, гдѣ даже въ губернскомъ городѣ рѣдко можно найти номеръ въ гостиницѣ безъ наѣкомыхъ, не похоже. И гостиница называется „Дейчеръ гофъ“. Окраины наши, видимо, восприняли внѣшнія формы европейской цивилизаціи, а центръ продолжаетъ тяготѣть къ азіатскимъ порядкамъ.

Послѣднія тридцать верстъ пришлось сдѣлать по узкоколейкѣ. Въ крошечномъ уѣздномъ городѣ, Дальсенѣ, Вѣринъ представился мѣстному уѣздному начальнику. Тотъ просмотрѣлъ его бумаги, зарегистрировалъ, далъ ему новый видъ на жительство и разрѣшилъ слѣдовать въ имѣніе Людгофъ, гдѣ проживали родственники генерала.

Городъ былъ соединенъ съ имѣніемъ телефономъ, и Цумплацэ протелефонировалъ въ Людгофъ, чтобы для Ивана Петровича прислали въ Дальсенъ лошадей.

На прощаніе Вѣринъ сдѣлалъ унтеръ-офицеру денежный подарокъ, который тотъ принялъ послѣ нѣкоторыхъ отнѣкиваній, видимо, очень довольный щедростью русскаго генерала. Разстались оба спутника вполнѣ довольные другъ другомъ.

IV.

— Хотя и холодновато, а какая дивная ночь! — думалъ Вѣринъ, сидя на гигантскихъ размѣровъ „охотничьей“ линейкѣ, которую за нимъ прислали изъ имѣнія.

Дѣйствительно, ночь выдалась дивная. И мѣсяцъ на ущербѣ, и звѣзды свѣтили какъ-то особенно ярко, таинственно-заманчиво. Совершенно чистое, безоблачное небо иногда прорѣзала стремительно падающая звѣзда. Вѣтеръ, который яростно дулъ весь день, къ вечеру совершенно стихъ. Дорога, мѣстами покрытая незасохшими послѣ послѣдняго дождя лужами, шла мимо лѣсовъ и убранныхъ уже полей. Лошади, не спѣша, бѣжали мелкой рысью. Кучеръ съ стоическимъ спокойствіемъ, какъ истуканъ, сидѣлъ

молча на козлахъ, давая полную волю своимъ конямъ двигаться „по способности“. Вѣринъ попытался вступить съ нимъ въ разговоръ, но, оказалось, возница зналъ лишь латышскій языкъ, который генералу былъ совершенно незнакомъ.

— Что-жь, удовлетворюсь своимъ собственнымъ обществомъ, — утѣшилъ себя Иванъ Петровичъ, стараясь сосредоточить мысли на пріятныхъ предметахъ. Онъ любилъ помечтать, фантазія у него съ дѣтства была богатая, а потому въ большинствѣ случаевъ онъ не скучалъ и въ одиночествѣ.

— Какъ-то меня Жоржъ приметъ, — началъ мысленно разсуждать Вѣринъ, — вѣдь мы не видѣлись болѣе пяти лѣтъ. Интересно будетъ встрѣтиться и съ нимъ, и съ Павликомъ.

Графъ Георгій Карловичъ Людгаръ и его братъ, Павелъ, приходились Ивану Петровичу по матери двоюродными братьями. Вѣринъ очень рано лишился родителей и свое дѣтство и свою юность провелъ въ семьѣ Людгаровъ. Жоржъ Людгаръ былъ на восемь лѣтъ моложе своего кузена, а Павликъ почти на двадцать. Съ Жоржемъ у Вѣрина никогда особой близости не было, хотя онъ всегда считалъ его вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ.

Совсѣмъ иначе относился Иванъ Петровичъ къ Павлику. Одно время, какъ ему казалось, онъ любилъ его больше всѣхъ на свѣтѣ. Случалось, однако, что кузены ссорились и долго дулись другъ на друга. Но послѣ періода ссоры всегда слѣдовалъ періодъ полного примиренія. Эти періодическія ссоры лишь укрѣпляли дружбу, которая, впрочемъ, носила нѣсколько односторонній характеръ.

Дѣло въ томъ, что Павликъ только позволялъ себя любить, но самъ особенной симпатіи къ своему кузену не питалъ. Иванъ Петровичъ же временами положительно боготворилъ кузена.

Когда Вѣринъ рѣшилъ покинуть Москву, онъ написалъ Жоржу въ Курляндію, прося пріютить его у себя въ имѣніи. Людгаръ отвѣтилъ очень сердечнымъ поиглашеніемъ, которое страшно тронуло и обрадовало генерала.

— Какъ я несправедливо къ нему относился, — говорилъ онъ, читая письмо женѣ, — считалъ его всегда нѣсколько черствымъ и большимъ эгоистомъ, а вотъ этотъ „эгоистъ“ теперь выручаетъ меня изъ бѣды. Какъ мы часто ошибаемся въ людяхъ!

Предки Людгаровъ когда-то жили въ Курляндіи, но уже дѣдъ Людгаровъ обосновался въ Витебской губерніи, гдѣ Вѣринъ и провелъ свои молодые годы. Имѣніе Людгофъ Георгій Людгаръ купилъ въ 1910 году. По женѣ, которая умерла, оставивъ ему двухъ дѣтей, онъ былъ очень богатъ. Революція застала братьевъ Людгаровъ въ Крыму, откуда имъ удалось выбраться съ неимовѣрными трудностями только лѣтомъ въ 1918 году. Въ Людгофъ Людгары надѣялись быть внѣ досягаемости большевиковъ, такъ какъ Прибалтійскій край оккупировали нѣмцы.

— Скоро-ли, наконецъ, мы пріѣдемъ? — началъ безпокоиться Вѣринъ, чувствуя, что ноги его коченѣютъ отъ холода, — уже болѣе двухъ часовъ мы въ пути, а всего, говорили, восемнадцать верстъ. Впрочемъ, кажется, у меня осталось еще немного божественной влаги. Согрѣмся!

Иванъ Петровичъ досталъ изъ корзиночки свою походную флягу, которую жена его еще въ Москвѣ наполнила старой мадерой, и прямо изъ горлышка началъ тянуть крѣпкое и вкусное вино. Оно подбодрило его, онъ сразу почувствовалъ приливъ силъ и бодрости и даже чуть слышно затынулъ: „На воздушномъ океанѣ безъ руля и безъ вѣтриль“...

— Какъ хорошо, — мелькнуло у него въ головѣ, — что я сохранилъ это вино! Теперь другимъ человѣкомъ сталъ и сразу сдѣлалось тепло!... А что-то теперь дѣлаютъ мои ненаглядныя Марихень и Наточка? Думаютъ ли онѣ обо мнѣ? Спать, вѣроятно, безмятежно, мои дорогія!..

И отъ вина, и отъ мыслей о близкихъ Иванъ Петровичъ размякъ и впалъ въ слезливое состояніе. Слезы затуманили его глаза, но это были не горькія слезы, а слезы сладостныя и благодатныя.

Вѣринъ часто стыдился той легкости, съ которой на глазахъ у него выступали слезы, но владѣть своими нервами въ послѣдніе годы онъ совершенно не былъ въ состояніи. А когда ему удавалось поплакать, конечно, въ полномъ одиночествѣ, онъ чувствовалъ неизъяснимое облегченіе.

Тѣмъ временемъ линейка вѣхала въ березовую аллею, которая показалась генералу безконечной. Въ концѣ аллеи въ неясномъ сумракѣ ночи бѣлѣло какое-то большое зданіе. Около бѣлой громады слышались голоса. Лошади остановились. Къ Ивану Петровичу подскочилъ Павликъ и

горячо обнялъ его, а затѣмъ степенно подошелъ Жоржъ, который, цѣлуя прибывшаго, привѣтливо произнесъ:

— Добро пожаловать, Ваня! Какъ доѣхалъ? Очень радъ. Ты, должно быть, замерзъ? Пойдемъ скорѣй въ комнаты.

Въ огромной столовой вошедшихъ встрѣтила особа неопредѣленнаго возраста, страшно худая, но чрезвычайно подвижная и оживленная. Лицо ея до смѣшнаго было похоже на лицо покойнаго папы Льва XIII.

— Mademoiselle Susanne d'Eperville, — на французскомъ языкѣ сказала Жоржъ, знакомя гостя съ живымъ портретомъ Льва XIII, — воспитательница моихъ дѣтей. Говоритъ только по-французски, по-нѣмецки и по-английски, хотя прожила въ Россіи болѣе десяти лѣтъ.

Посрединѣ обширной столовой, уставленной старинной мебелью краснаго дерева, стоялъ круглый столъ. На бѣлоснѣжной скатерти яркимъ пятномъ выдѣлялась дорогая хрустальная ваза съ поздними осенними астрами и стоялъ одинъ приборъ. Прибывшаго усадили за столъ, предложили ему чашку бульону, одно яйцо всмятку и два ломтика ветчины.

— Мы нарочно, — замѣтилъ Павликъ, — заказали для тебя самый легкій ужинъ.

— На ночь страшно вредно наѣдаться, — отозвался Жоржъ, — а сейчасъ уже десять минутъ второго.

Вѣринъ вполнѣ съ этимъ согласился. Къ тому же, онъ такъ волновался, что совершенно не чувствовалъ голода. По разсѣянности во время ужина онъ взялъ ломтикъ ветчины вилкой, которая лежала около его прибора, а не той, которая была для этого предназначена. При этой непротитительной оплошности генерала m-elle d'Eperville бросила многозначительный взглядъ въ сторону Павлика. Вѣринъ уловилъ этотъ взглядъ, сконфузился и подумалъ:

— Оскандалился, старикъ! Возьми себя въ руки. Тутъ, видимо, вся жизнь построена на строгомъ этикетѣ, и ты этотъ этикетъ нарушаешь. Подтянись, Ванюша!

— Вы откуда пріѣхали въ Россію? — съ самой любезной улыбкой обратился онъ по-французски къ д'Эпервиль.

— Изъ Берна, — живо и словоохотливо отвѣтила барышня, — это моя родина.

— Сусанночка, — весело замѣтилъ Павликъ, — уже десять лѣтъ въ Россіи, а по-русски ни звука. Прямо феноменъ какой-то! Въ домѣ она у насъ единственная дама,

такъ какъ Вѣрочка пока въ счетъ не идетъ... А какъ ты сюда пробрался? Какъ въ Москвѣ? Какъ твои? Что тамъ у васъ дѣлается?

Иванъ Петровичъ съ увлеченіемъ принялся разсказывать о своихъ мытарствахъ, не замѣчая, что всѣмъ очень хотѣлось спать.

Наконецъ, Жоржъ зѣвнулъ и мягко проговорилъ:

— Мы, Ваня, сегодня весь день охотились и страшно устали. Уже пять минутъ третьяго. Надо и тебѣ послѣ дороги хорошенько отдохнуть. Пойдемъ въ твою комнату.

Вѣринъ заторопился, сконфузился и мысленно выругалъ себя:

— Осель ты, Ванюша, совсѣмъ осель! Заморилъ своихъ собесѣдниковъ безконечными разсказами. Нѣтъ у тебя свѣтскаго такта, глупый!

Всѣ поднялись. Комната Ивана Петровича находилась въ верхнемъ этажѣ. Этажъ весь состоялъ изъ длиннѣйшаго коридора, по обѣ стороны котораго были расположены комнаты. На дверяхъ каждой красовался номеръ.

— Мы тебя устроили въ пятомъ номерѣ, — обратился Жоржъ къ Вѣрину, вводя его въ просторную комнату въ два окна, — это одна изъ лучшихъ комнатъ.

— А я, — подхватила Павликъ, — твой визави въ номерѣ десятомъ. Тебѣ будетъ прислуживать мой татаринъ. Я привезъ его изъ Ялты. Отличный мальчикъ!... Азаматъ, иди сюда! Чего ты тамъ спрятался?! Услуживай его превосходительству.

Въ комнату мягкими шагами вошелъ юноша пріятнаго вида, одѣтый такъ, какъ татары-проводники одѣваются въ Крыму. Онъ по-восточному привѣтствовалъ Вѣрина и произнесъ длинную тираду на татарскомъ языкѣ.

— А по-русски онъ не говоритъ? — обезпокоился Иванъ Петровичъ.

Павликъ расхохотался, а Азаматъ на довольно правильное русское слово съсерьезно отвѣтилъ:

— Говорю, ваше превосходительство, но графъ Павелъ приказали мнѣ встрѣтить васъ по обычаямъ моей родины.

— Онъ и пѣсни отлично пѣетъ, и танцуетъ восхитительно, — сталъ Павликъ хвалить своего слугу, — когда соскучишься, Азаматъ будетъ развлекать тебя...

Спокойной ночи, Ваня, — прервалъ Жоржъ брата.

Заявивъ, что онъ всегда самъ раздѣвается и услуги татарина ему не нужны, Вѣринъ обмѣнялся со своими кузенами рукопожатіями. Они вышли изъ комнаты.

— Итакъ, начинается новый періодъ моей жизни, — подумалъ Иванъ Петровичъ, ложась въ прекрасную постель съ бѣлоснѣжнымъ тонкимъ бѣльемъ. — Долго-ли мнѣ придется здѣсь пробыть? Скоро ли мои выберутся изъ Москвы? Что-то сулитъ мнѣ будущее?... Но какъ и Жоржъ, и особенно Павликъ сердечно и хорошо меня встрѣтили. Славные! А эта костлявая швейцарка съ лицомъ Льва XIII!... Она, видимо, вся на этикетѣ помѣшана!... Какъ хорошо, какъ безконечно хорошо, что мнѣ удалось вырваться изъ совѣтскаго рая и добраться сюда!

До четырехъ часовъ ночи Вѣрину не спалось. Мысли о прошломъ, настоящемъ и будущемъ неудержимо тѣснились въ его мозгу. Долго ворочался онъ съ боку на бокъ. Когда же, наконецъ, благодѣтельный сонъ закрылъ его глаза, то спалъ онъ тревожно и нѣсколько разъ просыпался.

V.

Проснулся Вѣринъ, какъ всегда, въ семь часовъ утра. Солнце только-что взошло, и въ комнатѣ господствовалъ полумракъ. Генераль не выспался, чувствовалъ въ головѣ тяжесть, но спать больше не могъ.

Онъ всталъ и началъ медленно одѣваться, осматривая свою комнату. Она ему понравилась. Надъ солиднымъ письменнымъ столомъ висѣлъ небольшой рисунокъ тушью Сверчкова, изображающій тарантасъ, который съ трудомъ тащила по непролазной грязи тройка заморенныхъ лошадей, а надъ диваномъ красовалась гравюра — какая-то дѣвица восточнаго типа съ кувшиномъ въ рукахъ.

Генераль взглянулъ на дѣвицу и подумалъ:

— Хорошенькая! Куда-то она воду тащить? Охъ, грѣхи, грѣхи!... А комната славная! Изъ оконъ открывается дивный видъ!

Иванъ Петровичъ залюбовался открывшимся передъ нимъ пейзажемъ. Шагахъ въ трехстахъ отъ замка въ низинѣ виднѣлось довольно большое озеро. По берегамъ его стояли гигантскіе вѣковые дубы, вѣтвистыя липы, а кое-гдѣ и березы. Листья деревьевъ, особенно березъ, отливали золотомъ.

— Сегодня 15-ое октября, — промелькнуло въ головѣ Вѣрина, — и здѣсь наступила уже глубокая осень. Во время я пріѣхалъ: скоро нагрянутъ морозы, пожалуй!

За дверьми въ коридорѣ кто-то зашевелился. Иванъ Петровичъ распахнулъ двери и увидѣлъ передъ собою красивое лицо Азамата.

— Вы уже встали, — привѣтливо проговорилъ слуга, — я вамъ горячую воду принесъ, но боялся войти, думалъ, что вы еще спите.

Татаринъ вошелъ въ комнату съ кувшиномъ и торжественно провозгласилъ:

— Мой господинъ, графъ Павелъ, шлетъ вашему превосходительству свой привѣтъ и спрашиваетъ, какъ вы изволили почивать?

— Спасибо, Азаматъ. А въ которомъ часу у васъ кофе?

— Ровно въ восемь съ половиною. Всѣ собираются въ столовую по звонку. Времени у васъ еще много.

Ровно въ восемь съ половиною часовъ раздался рѣзкій звонокъ. Вѣринъ спустился въ столовую. Тамъ онъ уже засталъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Сусанну, дѣтей, главнаго лѣсничаго, управляющаго и учителя. Хозяинъ представилъ генералу своихъ домочадцевъ:

— Господинъ Дорнъ, главный лѣсничій нашъ, господинъ Ватманъ, главноуправляющій Людгофа, господинъ Штернъ, профессоръ моихъ дѣтей, а вотъ Саша и Вѣра.

Графъ сказалъ это по-нѣмецки.

Всѣ усѣлись. Вѣрину указали мѣсто по правую руку хозяина. Разговоръ за столомъ велся на нѣмецкомъ языкѣ. Вѣринъ этимъ языкомъ владѣлъ плоховато, а потому на первыхъ порахъ чувствовалъ себя неловко.

— Намъ приходится говорить по-нѣмецки, — объяснилъ Жоржъ своему кузену, — потому-что по-русски *m-elle d'Ererville* не понимаетъ ни слова, а французскимъ языкомъ не владѣютъ Дорнъ и Ватманъ. А тебѣ трудно?

— Ничего, — отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, — я когда-то зналъ нѣмецкій языкъ недурно, ну, и въ плѣну приходилось говорить... Вспомню!

Вѣрина очень заинтересовали дѣти. Онъ видѣлъ ихъ впервые. Саша и Вѣрочка сидѣли по обѣ стороны своей воспитательницы. Сидѣли они очень чинно, серьезно, прекрасно ѣли, хранили глубокое молчаніе и отъ времени до времени бросали боязливые взгляды въ сторону *m-elle d'Эпервилъ*, которая неусыпно слѣдила за ними и иногда въ полголоса роняла рѣзкія замѣчанія, касающіяся обращенія съ вилокъ или ножомъ.

— Хочешь еще масла, Вѣрочка? — спросил Павликъ дѣвочку, замѣтивъ, что та ѣсть хлѣбъ безъ масла.

— Графъ Поль, умоляю, — энергично запротестовала швейцарка, — Вѣра и такъ слишкомъ полная, ей много ѣсть вредно, она по ночамъ не спитъ, такъ какъ переѣдаетъ.

— Пустяки, — нетерпѣливо замѣтилъ Павликъ, кладя масло на тарелку своей сосѣдки. — Дѣвочка двѣнадцати лѣтъ должна ѣсть вволю.

Сусанна недовольно повела своими худыми плечами, хозяинъ улыбнулся, а Вѣрочка съ большимъ аппетитомъ принялась за свой хлѣбъ съ масломъ.

— Однако, — подумалъ Иванъ Петровичъ, — швейцарка, видимо, терроризируетъ дѣтей. А они пресимпатичные! Какая Вѣрочка хорошенькая, на папеньку похожа!

Вѣринъ сразу почувствовалъ къ племяннику и племянницѣ большую симпатію и рѣшилъ при первой возможности съ ними ближе сойтись.

Во время завтрака общій разговоръ поддерживали хозяинъ, братъ его и отчасти Дорнъ. Всѣ остальные хранили глубокое молчаніе. И Дорнъ, и Ватманъ произвели на генерала пріятное впечатлѣніе. Дорнъ, судя по отношенію къ нему владѣльца Людгофа и окружающихъ, пользовался въ домѣ особымъ почетомъ и большимъ уваженіемъ. Усадьба, гдѣ онъ жилъ, была расположена въ лѣсу, а въ имѣніи онъ пріѣзжалъ раза два въ недѣлю.

Ватманъ, красивый мужчина среднихъ лѣтъ съ великолѣпнымъ цвѣтомъ лица и ослѣпительно-бѣлыми зубами, поражалъ своею скромностью, застѣнчивостью и молчаливостью. Ёль онъ съ удивительной разсѣянностью и, казалось, мыслями виталъ гдѣ-то далеко, далеко.

Что же касается учителя, которому можно было на видъ дать лѣтъ двадцать, то онъ держалъ себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, ёль чрезвычайно много, но съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ этикета, внимательно прислушивался къ тому, что говорилось за столомъ, и при шуткахъ Павлика одобрительно улыбался, а при какой-либо глубокомысленной сентенціи хозяина, — подобными сентенціями Жоржъ, видимо, любилъ уснащать свою рѣчь, — лицо Штерна становилось особенно серьезнымъ, и брови его, какъ-бы въ знакъ сочувствія, поднимались вверхъ.

Послѣ кофе Вѣрину предложили осмотрѣть замокъ. Онъ состоялъ изъ трехъ этажей. Внизу помѣщались кухня, кладовыя и комнаты для прислуги, въ среднемъ этажѣ находились парадныя комнаты, кабинетъ, библіотека и

спальня хозяина, а верхній этажъ занимали дѣти и прочіе обитатели замка.

— Еще до войны я перевезъ изъ Петербурга сюда всю мою обстановку, семейные портреты и нѣсколько картинъ, — сталь объяснять Жоржъ Ивану Петровичу, — къ сожалѣнію, серебро и драгоценности покойной жены находились на храненіи въ ссудной казнѣ и, видимо, безвозвратно для меня погибли.

Особенно понравилась Вѣрину, такъ называемая, „Зеленая гостиная“. Здѣсь на почетномъ мѣстѣ красовался большой портретъ Петра I, остальные стѣны украшали портретъ завоевателя Сибири, Ермака Тимофеевича, и огромный прекрасно написанный портретъ древняго старика.

— Этотъ старикъ, — замѣтилъ хозяинъ, — дѣдъ моей жены. Славился своими причудами! Отличался онъ необыкновенной физической силой и на этомъ портретѣ приказалъ художнику изобразить эмблемы своей мускульной силы: колоду картъ, разорванную пополамъ, согнутую мѣдную монету и яблоко, которое расплющилъ двумя пальцами. Всѣ эти фокусы богатырь не разъ продѣлывалъ въ присутствіи императора Николая I, который его очень жаловалъ. Да, были люди, не то, что нынѣшнее племя!

Въ парадномъ бѣломъ просторномъ залѣ висѣло много великолѣпныхъ портретовъ и картинъ. Ивана Петровича заинтересовала большая картина, на которой былъ изображенъ генералъ-адъютантъ въ парадной формѣ съ большимъ знаменемъ въ рукахъ.

— Князь Меньшиковъ, — пояснилъ Людгаръ, — съ государственнымъ стягомъ, который онъ несъ во время коронаціи Александра III. Въ назиданіе потомству князь пожелалъ, чтобы его написали въ такомъ видѣ.

Въ будуарѣ гостю показали чудные семейные портреты, написанные извѣстной художницей Виже-Лебрень, и письменный столъ-бюро съ множествомъ ящичковъ, тайниками и выдвижными досками. Этотъ столъ-бюро когда-то принадлежалъ Екатеринѣ II, которая подарила его графу Ланскому. Портреты Ланского и его жены, кисти Боровиковскаго, висѣли тутъ-же.

— Какимъ образомъ все это уцѣлѣло? — удивился генералъ. — Вѣдь здѣсь долгое время хозяйничали нѣмецкія войска.

— Прямо поразительно, какое-то чудо, — подхватилъ Павликъ, — во время войны здѣсь стоялъ штабъ какой-то нѣмецкой части. И вотъ начальникъ этой части, пре-

почтенный генераль, никому не позволилъ отсюда что-нибудь увезти. Все почти сохранилось, даже богатая библіотека. Вотъ тебѣ наглядный образчикъ высокой нѣмецкой культуры!

— Да, — подтвердилъ хозяинъ, — нѣмцы все время вели себя у насъ удивительно корректно. Положимъ, много помогли также Дорнъ и Ватманъ. Они вѣдь имѣнія не покинули и все время слѣдили за тѣмъ, чтобы достояніе мое сохранить въ цѣлости.

Вся громадная спальня хозяина, къ которой примыкалъ зимній садъ, была наполнена образами въ богатыхъ ризахъ. Замѣтивъ на лицѣ кузена недоумѣніе, Жоржъ сказалъ:

— Это образа моей жены. Есть очень цѣнные экземпляры. Напримѣръ, этотъ! Посмотри — съ какимъ мастерствомъ написана Богородица. Итальянская школа, хотя образъ православный. Вотъ я и собралъ эти образа у себя въ спальнѣ, какъ художественныя произведенія, хотя самъ и лютеранинъ.

Постепенно братья Людгары обошли съ Вѣринымъ весь замокъ. Въ немъ было болѣе сорока комнатъ. Древностью онъ не отличался, такъ какъ былъ построенъ во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Изъ зала двери вели на обширную веранду, гдѣ лѣтомъ пили кофе и ужинали. Къ этой верандѣ примыкалъ паркъ. Въ паркѣ имѣлось три довольно обширныхъ озера, а по другую сторону дома раскинулись еще четыре озера.

— Римъ построенъ на семи холмахъ, — пошутилъ хозяинъ, показывая своему гостю паркъ, — а Людгофъ расположенъ среди семи озеръ.

— Удивительно красивое имѣніе, — искренно заявилъ Вѣринъ, — а главное, какъ оно хорошо сохранилось! Какъ это его пощадили во время войны! Это, дѣйствительно, удивительно.

VI.

Послѣ обѣда, который былъ поданъ въ часъ дня, и прошелъ еще болѣе чинно, нежели утренній завтракъ, Вѣринъ обратился къ Павлику съ вопросомъ:

— Можно, Павликъ, зайти къ тебѣ на полчаса? Послѣ обѣда ты, кажется, не спишь? Я хочу съ тобой поболтать.

— Конечно, конечно, очень буду радъ, — учтиво отвѣтилъ Павликъ, думая въ то-же время:

— И зачѣмъ ему понадобилось у меня сидѣть? Успѣемъ еще вмѣстѣ и насидѣться, и наговориться.

Младшій Людгаръ очень не любилъ принимать въ своихъ комнатахъ гостей. Онъ необыкновенно дорожилъ чистотой воздуха и считалъ, что всякій лишній человѣкъ въ комнатѣ только портитъ воздухъ. Чуть ли не каждый часъ онъ открывалъ у себя на нѣсколько минутъ форточку, а Азамату было приказано топить печи своего барина особенно усердно.

Помѣщеніе, которое занималъ Павликъ, носило номеръ десятый. Состояло оно изъ двухъ комнатъ — небольшой очень изящной гостиной и просторной спальни.

— Какъ у тебя хорошо и красиво! — вырвалось у Ивана Петровича, когда они вошли въ номеръ.

— Да, недурно! — отвѣтилъ Павликъ, усаживая гостя на мягкій, удобный диванъ.

— Я хотѣлъ попросить тебя, — началъ Вѣринъ, съ интересомъ разсматривая красивыя англійскія гравюры, украшавшія стѣны, — познакомить меня въ краткихъ чертахъ съ обитателями этого волшебнаго по своему великолѣпію замка. Кто всѣ эти господа — Дорнъ, Ватманъ и Штернъ? Что за птица эта швейцарка? Познакомь меня со всей этой компаніей.

— Дорнъ, — отозвался Павликъ, — главноуправляющій и главный лѣсничій Людгофа. Умнѣйшій, достойнѣйшій и отличный человѣкъ! Это правая рука Жоржа. Я тоже его очень люблю и цѣню. Вотъ Ватманъ номеромъ ниже. Онъ очень хорошій человѣкъ, отлично знаетъ агрономію, такъ какъ кончилъ въ Германіи земледѣльческую академію, но отличается удивительной разсѣянностью, необыкновенно молчаливъ и очень непрактиченъ въ жизни. Штернъ недавно кончилъ въ Ригѣ гимназію и мечтаетъ о продолженіи своего образованія въ Германіи. Онъ прекрасно обучаетъ дѣтей всѣмъ наукамъ и тоже вполне достойная личность.

— Я вижу, — улыбнулся Вѣринъ, — что у васъ здѣсь собрались все люди самой высокой марки. Ну, а швейцарка?

— О, это существо совершенно своеобразное. У всѣхъ мужчинъ нашихъ характеры прекрасные и уживчивые, но у Сусанны не характеръ, а что-то чертовское. Въ основѣ своей это добрая, замѣчательно сердечная и отзыв-

чивая женщина, но подчасъ она невыносима. Бѣдныхъ дѣтей, особенно Вѣрочку, грызеть безъ передышки цѣлые дни.

— Откуда она у васъ? — поинтересовался Иванъ Петровичъ.

— Прямо изъ Потсдама. Три года она состояла при дѣтяхъ одного изъ сыновей Вильгельма II. Помѣшана поэтому на этикетѣ. Жоржъ ею дорожить, такъ какъ на нее можно положиться, но жить съ нею трудно.

Въ эту минуту вдругъ ручка дверей повернулась, дверь распахнулась, и въ комнату влетѣла собака, поразительно похожая на волка.

— А, Ракеръ, — воскликнулъ Павликъ, — здравствуй, здравствуй! Ты ищешь, видимо, своего хозяина? Его здѣсь нѣтъ.

Собака дружелюбно оскалила зубы, озабоченно понюхала воздухъ и затѣмъ однимъ прыжкомъ выскочила изъ комнаты и помчалась по коридору.

— Эта собаченція, — пояснилъ Павликъ, — принадлежитъ Ватману. Удивительное животное! Ракеръ понимаетъ человѣческую рѣчь. По приказанію своего хозяина, онъ приноситъ ему изъ другой комнаты шапку, или перчатки, или хлысть, что потребуютъ. Даже двери выучился открывать. Ты сейчасъ видѣлъ, какъ онъ повернулъ ручку и вскочилъ въ комнату. Вотъ сынъ его, Тирасъ, уже не такъ породистъ и не такъ уменъ.

— Изумительная собака, — согласился Вѣринъ, — это типъ полицейской собаки.

— Нашъ Ватманъ, — продолжалъ Павликъ, — страстно любить животныхъ и дѣтей. Онъ цѣлыми часами разговариваетъ у себя въ комнатѣ съ Ракеромъ и дрессируетъ его. А съ дѣтьми онъ играетъ, какъ настоящій ребенокъ. Чистая душа, однимъ словомъ! Это ясно!

— А гдѣ вы пережили большевизмъ? — спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Въ Ялтѣ. Жоржъ во время войны, какъ ты знаешь, служилъ на фронтѣ въ Красномъ Крестѣ, ну, а я, какъ отставной гвардіи ротмистръ, вышедшій въ отставку по болѣзни, нигдѣ не служилъ и большую часть войны провелъ въ Крыму съ дѣтьми Жоржа и m-elle д'Эпервиль. Послѣ войны Жоржъ бросилъ свою службу и присоединился къ намъ. Вотъ вмѣстѣ мы и пережили большевиковъ въ Ялтѣ и нѣмецкую затѣмъ оккупацию Крыма. Съ большими трудами намъ удалось перебраться сюда. Сейчасъ ни у Жоржа, ни у меня денегъ почти нѣтъ. Во время

войны у Жоржа реквизировали очень много скота и лошадей. Счастье еще, что отняли не весь живой инвентарь. Вообще, дорогой, будущее наше страшно темно. Быть можетъ, выручатъ насъ наши польскія акціи, которыя находятся въ Варшавѣ.

Кто-то постучался.

— Войдите, — крикнулъ Павликъ.

Въ комнату вошла полная особа неопредѣленныхъ лѣтъ. Одѣта она была съ нѣкоторой претензіей. Лицо ея было свѣжо, а блестящіе темные глаза смотрѣли молодо и придавали всему лицу пріятное выраженіе.

— Я вамъ, графъ, ваши носки принесла, заштопала; вотъ извольте!

— А, панна Ванда, — весело проговорилъ Павликъ, беря изъ рукъ толстухи нѣсколько паръ носковъ. — Вотъ, Ваня, рекомендую тебѣ: это нашъ главный интендантъ — Ванда Адамовна Зеньковская, чистокровная полька, хотя по-польски говоритъ отвратительно, такъ какъ большую часть своей жизни провела въ Бѣлоруссіи. А по-русски говоритъ еще хуже. Можетъ вести „комнатный“ разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ, которому выучилась здѣсь уже во время нѣмецкой оккупации. Вандочка — воплощенная скромность, и ни одному нѣмецкому лейтенанту не удалось поцѣловать кончика ея толстенькаго пальчика. Положимъ, все время на стражѣ ея добродѣтели стоялъ нашъ добрый Ватманъ.

— Ну, графъ, — хихикнула полька, кокетливо поводя глазами, — вы все насмѣшки строите. Ужъ такой шутникъ, право!

— А вы опять ругались въ коридорѣ съ швейцаркой, — спросилъ Павликъ. — Кажется, у васъ скоро до волосъ дойдетъ.

— Она сумасшедшая, — начала жаловаться Ванда, — въ домѣ отъ нея, графъ, никому житья нѣтъ: всѣхъ преслѣдуетъ, ко всѣмъ пристаеетъ.

— Что вы, что вы! — началъ возражать Павликъ. — Она предобрая, у нея золотое сердце! А какая образованная!

— Образованной считается, — не унималась Ванда, — при императорскихъ дѣтяхъ служила три года, а ведетъ себя хуже худшаго! Если она образованная и интеллектная, то и держи себя въ струнѣ, будь со всѣми учтива, а то все фыръ, фыръ и фыр! Это же не модель! Хотя я, соб-

ственно говоря, въ дворцахъ императорскихъ и не жила, а въ хорошихъ домахъ бывала и тонко все понимаю, не хуже ея. Если ей здѣсь все не ндравится, ну, такъ и уѣзжай себѣ въ свою Швейцарію. Скатертью дорога!.. Однако, надо исти! Сколько работы, сколько работы! И минутки поболтать нельзя. Будьте здоровы....

Съ этими словами толстуха выплыла изъ комнаты и лѣнливой, вялой походкой, слегка переваливаясь, пошла по коридору.

— Какъ тебѣ нравится этотъ типъ? — спросилъ Павликъ Вѣрина, когда они остались одни. — Въ общемъ, это добродушное, уютное и даже пріятное существо, но наивность нашей Вандочки безграничная, феноменальная даже. Ну, и лѣнлива очень!

— Неужели, дѣйствительно, д'Эпервиль такая... темпераментная? — поинтересовался Иванъ Петровичъ.

— О, да! У нашей Сусаночки боевая натура. Вѣчная, неустанная борьба — ея стихія. Цѣлые дни она сражается съ дѣтьми, съ прислугой и даже съ нами. Не можетъ жить безъ постоянныхъ схватокъ. Съ утра до вечера она мечется по всему дому, на всѣхъ набрасывается, всѣхъ пушить, вездѣ наводитъ порядокъ и никому не даетъ покоя.

— Но вѣдь это же невыносимо! — съ ужасомъ воскликнулъ генераль. — Какъ вы терпите?!

— Привыкли, — вздохнулъ Павликъ, — обстрѣлялись! Меня лично она страшно допекаетъ своей маніей устраивать сквозняки, которыхъ я не переношу. Она все время бѣгаетъ по комнатамъ и открываетъ вездѣ окна, а я бѣгаю за нею и окна закрываю... Развлекаемься!.. И все же, въ сущности, это прекраснѣйшій человекъ! Съ какимъ самоотверженіемъ она ухаживаетъ дни и ночи за дѣтьми, когда они болѣютъ. Какъ она безкорыстна, какъ цѣломудренно-нравственна, какъ привязана къ Жоржу, къ дѣтямъ, къ дому..... Да, сердце у нея рѣдко! Работаетъ она безъ усталости съ утра до глубокой ночи. Любопытно, что Сусанна учить дѣтей не любитъ, но хотѣла бы вести въ домѣ все хозяйство. Подчинить ей, однако, Ванду и прислугу невозможно: всѣ сбѣжали бы! Вотъ и выходить ни то, ни се!.. Но, дорогой, не пойти ли намъ гулять?

Передъ тѣмъ, какъ покинуть комнату, Павликъ открылъ у себя форточку и подумалъ:

— Надѣюсь, что часто заглядывать ко мнѣ онъ не будетъ. Долженъ же онъ понять, что мы можемъ встрѣ-

заться на нейтральной почвѣ въ зеленой гостиной, а ходить другъ къ другу совершенно лишнее. Хорошій онъ и почтенный человекъ, но невыносимо скучный и нѣсколько пазойливый.

VII.

Въ послѣднихъ числахъ октября графъ Георгій Карловичъ Людгаръ около двухъ часовъ дня сидѣлъ передъ туалетнымъ столомъ въ своей спальнѣ и съ сосредоточеннымъ лицомъ при помощи маленькаго напильника подчищалъ свои ногти. Онъ только-что пообѣдалъ и, посидѣвъ нѣсколько минутъ въ гостиной, удалился въ свои „внутренніе апартаменты“, какъ онъ любилъ выражаться.

Графъ любилъ въ теченіе дня нѣсколько часовъ пребывать въ полномъ одиночествѣ. Отдѣлявая съ большимъ тщаніемъ свои ногти, онъ съ чувствомъ удовольствія по временамъ оглядывалъ богатую обстановку спальни, оставившая особенно долго свой взоръ на иконѣ Богоматери итальянскаго письма, висѣвшей на почетномъ мѣстѣ.

Въ дверяхъ спальни послышался стукъ, и въ то-же мгновеніе въ комнату стремительно влетѣлъ младшій Людгаръ.

— А, это ты, — дружелюбно уронилъ Жоржъ, аккуратно складывая въ красивый ящичекъ напильникъ и остальные принадлежности, — что скажешь?

Павликъ сначала сѣлъ на мягкій пуфъ, потомъ вскочилъ и сталъ ходить по спальнѣ, заложивъ руки въ карманы. Оба брата мало походили другъ на друга. Павликъ былъ весь порывъ, вдохновеніе, увлеченіе, тогда какъ Жоржъ отличался холоднымъ резонерствомъ и предварительно обдумывалъ каждый свой шагъ. Не взирая, однако, на различіе характеровъ, братья находились съ раннихъ лѣтъ въ большой дружбѣ, которая рѣдко омрачалась даже мелкими размолвками.

— А что нашъ старикъ дѣлаетъ? — спросилъ Жоржъ.

— Ваня сидитъ у себя въ комнатѣ и, вѣроятно, плачетъ. Онъ такой слезливый. Не мужчина, а тряпка. Хорошій онъ, но изумительно скучный.

Старшій Людгаръ брезгливо поморщился и, медленно процѣживая слова сквозь зубы, замѣтилъ:

— Знаешь, я не могу сказать, чтобы питаль къ нему особенную симпатію. Это какая-то ходячая истерія. Онъ такъ легко возбуждается, такъ легко обижается, все принимаетъ близко къ сердцу, каждую мелочь, каждый пустякъ.... И эта глупая его женитьба на какой-то гувернанткѣ! Хорошо, что мы только двоюродные, и онъ не носить нашей фамиліи! Пожалуй, дорогой, тяжело намъ будетъ съ нимъ? Только лишняя обуза!

— Ну, ничего, — отозвался Павликъ, — мы должны такъ устроиться, чтобы онъ насъ не стѣснялъ. Одно время онъ повадился ходить ко мнѣ въ комнату, чтобы излить свою душу и говорить о своихъ горестяхъ. Но я быстро отучилъ его отъ этой глупой привычки: деликатно даль понять ему, что не люблю, когда ко мнѣ часто заходятъ, такъ какъ я очень занятъ писаніемъ моихъ мемуаровъ.

— Такъ, такъ, — задумчиво прощѣдилъ Жоржъ, — старикъ нашъ, надо откровенно признать это, отличается удивительнымъ отсутствіемъ такта. Наша Сусанна отъ его слишкомъ простыхъ манеръ въ полномъ ужасѣ. Она боится за дѣтей: дурной примѣръ такъ заразительно дѣйствуетъ!

— Ну, чепуха, — примирительно проговорилъ Павликъ, — Сусанночка все преувеличиваетъ. У него ужъ не такія плохія манеры, а просто нервы еще не въ порядкѣ. Подтянется! Въ хорошемъ обществѣ онъ вѣдь часто бывалъ и знаетъ, какъ надо вести себя. Все обойдется! Мы будемъ за нимъ слѣдить и въ деликатной формѣ исправлять всѣ его „гафы“... Но довольно о немъ. Пойдемъ гулять. Хочешь?

Братъ надѣли теплыя элегантныя пальто и вышли на дворъ. Павликъ порывался пройти къ лѣсу, но Жоржъ убѣдилъ его зайти сначала „на минутку“ на скотный дворъ.

Павликъ поморщился, такъ какъ терпѣть не могъ прогулокъ „по хозяйству“, но согласился.

— Мы только на одну секунду сначала зайдемъ къ моимъ свинкамъ, а потомъ къ коровамъ, — весело сталъ успокаивать старшій братъ младшаго, — а оттуда направимся въ лѣсъ и совершимъ длинную прогулку. Я долго не задержусь: одну секунду!

— Хорошо, хорошо, — меланхолично отвѣтилъ Павликъ, — обойдемъ твое хозяйство, но только, дорогой, если ты застрянешь у свиней, какъ всегда, то я тебя брошу, право, брошу и пойду гулять одинъ.

— Не бойся, не бойся, на одинъ только мигъ, — началъ увѣрять Жоржъ, входя съ братомъ въ просторный свинятникъ.

Въ бетонныхъ стойлахъ помѣщались свиньи разныхъ размѣровъ. Всѣ онѣ отличались породистостью. Красивая еще не старая латышка и молоденькая дѣвушка съ задорно вздернутымъ носикомъ и лукавыми карими глазками раздавали свиньямъ кормъ.

— Славная парочка, — подумалъ Павликъ, — это мать и дочь, кажется.

— Посмотри, посмотри, что за прелесть, — обратился Жоржъ къ брату, указывая глазами на огромную съ розовой кожей свинью, которую онъ усиленно чесалъ своей палкой за ухомъ.

Свинья съ полнымъ удовлетвореніемъ хрюкала, а затѣмъ растянулась во всю длину свою на соломѣ. Хозяинъ принялся палкой щекотать колыхающееся розовое брюхо своей любимицы, которая вся млѣла и таяла отъ удовольствія, издавая рулады самыхъ одобрительныхъ звуковъ.

— Идемъ-же дальше, — нетерпѣливо сказалъ Павликъ, которому надоѣло смотрѣть на хрюкающихъ свиней.

Но Жоржъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ воизвѣстивать съ свиньей. Тутъ къ нему подошла старшая латышка и на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ задала ему какой-то вопросъ по поводу недавно опоросившейся свиньи. Жоржъ подошелъ къ родильницѣ и сталъ любоваться счастливой матерью, къ соскамъ которой прилипла цѣлая серія маленькихъ поросятъ.

Отъ этого зрѣлища онъ не могъ оторваться, а потому, когда Павликъ, тронувъ брата за рукавъ, недовольно проворчалъ, — я одинъ уйду, — старшій Людгаръ отмахнулся и отвѣтилъ:

— Иди, иди, дорогой!; [Я не могу. Мнѣ] надо еще здѣсь побыть.

Павликъ недовольно проворчалъ что-то по поводу „идіотскаго увлеченія свиньями“ и, бросивъ взглядъ по направленію курносой дѣвушки, быстрыми, мелкими шажками, слегка переваливаясь, какъ бы катясь, помчался по дорогѣ, идущей въ лѣсъ.

VIII.

Фруктовый садъ въ Людгофѣ раскинулся нѣсколько въ сторонѣ отъ парка. У входа его стояла большая деревянная клѣтка. Въ клѣткѣ сидѣлъ огромный филинъ. Находился онъ въ неволѣ болѣе десяти лѣтъ. Кормили птицу крысами, мышами, бѣлками и кроликами.

Вѣринъ почувствовалъ особенную симпатію къ старому филину. Онъ часто подходилъ къ клѣткѣ и долго, долго смотрѣлъ на одинокую птицу, которая въ глубинѣ клѣтки на жердочкѣ проводила большую часть времени.

Если въ клѣтку бросали что-нибудь съѣдобное, то филинъ не притрагивался къ пищѣ до тѣхъ поръ, пока около клѣтки находились люди.

— Ну, что, старый другъ, — обратился Ивачъ Петровичъ къ филину, въ ясный осенній день приблизившись къ клѣткѣ, — скучно тебѣ, тоскуешь, хотѣлось бы на волю?

Филинъ повернулъ по направленію къ генералу свои неподвижные громадные желтые глаза, и изъ глотки его послышались своеобразные монотонные звуки:

— У-у!.. У-у!

— Говори, говори, — задумчиво уронилъ Вѣринъ, — что означаетъ твое „у-у“? Что ты, дружище, хочешь сказать мнѣ? Или ты просто радъ, что я стою около тебя, и привѣтствуешь меня? Да?..

— У-у, у-у! — съ еще большей энергіей повторилъ филинъ.

— Славная птица, хорошая птица, — началъ изливать свои чувства генералъ, — между нами большое сходство. Ты, филинъ, оторванъ отъ родныхъ лѣсовъ, отъ своихъ, и я также оторванъ отъ всего того, что мнѣ дорого. Вѣроятно, ты и летать разучился? Ты сейчасъ жалкая бывшая птица, какъ я сейчасъ жалкій бывший человѣкъ!

Иванъ Петровичъ вздохнулъ и пошелъ домой, а филинъ заволновался, захлопалъ крыльями и пронзительно сталъ выкрикивать свое „у-у“!

Вѣринъ вошелъ къ себѣ въ комнату и посмотрѣлъ на часы, стоявшіе на письменномъ столѣ. Стрѣлка приближалась къ тремъ. Послѣдніе дни онъ находился въ особенно угнетенномъ настроеніи. Отъ жены имъ была получена всего одна открытка, и въ ней ничего не говорилось объ

отъездъ ея и Наты изъ Москвы. Онъ начиналъ опасаться, что женѣ и дочери не удастся выбратъся изъ Россіи, и эта мысль приводила его въ ужась.

По природѣ своей Иванъ Петровичъ отличался большой общительностью. Онъ любилъ находиться среди людей, любилъ „душевные“ разговоры и безконечные чисторусскіе споры на отвлеченныя темы. Здѣсь же въ этомъ великолѣпнои, но холодномъ замкѣ онъ чувствовалъ себя выбитымъ изъ колеи. Братъя Людгары, особенно Павликъ, относились къ нему съ внѣшней стороны хорошо, но генералу казалось, что кузены его нѣсколько чуждаются. Вообще Иванъ Петровичъ отличался болѣзненной мнительностью. Обстановка, въ которой онъ очутился, способствовала развитію этой мнительности. Стѣсняло его и то, что въ домѣ господствовалъ нѣмецкій языкъ, на которомъ онъ изъяснялся довольно неважно. И тутъ ему часто вспоминался полковникъ фонъ Хартенъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, съ которыми онъ въ дни своей юности служилъ въ одномъ полку. Этотъ полковникъ получилъ образованіе въ Германіи и русскому языку никакъ не могъ выучиться. Командовалъ, напримѣръ, „шпицъ впередъ“ вмѣсто „авангардъ впередъ“, говорилъ „гречневый каша“, „шолдатъ“ и т. п. Въ полку фонъ Хартена считали идиотомъ, и офицеры потѣшались надъ нимъ. Но тѣ, которые говорили по-нѣмецки и бесѣдовали съ прибалтійцемъ на его родномъ языкѣ, утверждали, что это очень умный и многосторонне образованный человѣкъ. Такимъ образомъ, въ русскомъ обществѣ полковника считали дуракомъ, а въ нѣмецкомъ — умницей.

— Вотъ и я, — думалъ Вѣринъ, — произвожу здѣсь на всѣхъ впечатлѣніе идиота, какъ этотъ фонъ Хартенъ у насъ въ полку..... Зайти развѣ къ дѣтямъ? Посажу съ ними, они, должно быть, въ учебной комнатѣ.

Дѣти, дѣйствительно, сидѣли въ комнатѣ и перелистывали какія-то книги съ картинками. На вошедшаго къ нимъ дядю они посмотрѣли съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Генераль заговорилъ съ ними по-русски. Саша на родномъ языкѣ говорилъ бѣгло и правильно, Вѣрочка же часто дѣлала ошибки и затруднялась въ выборѣ выраженій.

— Ты, Саша, любишь русскій языкъ? — спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Очень, а вотъ Вѣра совсѣмъ нѣмка и все русское не любитъ. Она не понимаетъ, что ничего въ мірѣ нѣтъ

лучше русскаго языка. А скажи, дядя, могу я себя считать русскимъ?

Вѣринъ сочувственно посмотрѣлъ на мальчика, нѣжно провелъ рукой по его волосамъ и мягко отвѣтилъ:

— Если ты самъ себя считаешь русскимъ, то, конечно, этимъ вопросъ и разрѣшается. У тебя въ жилахъ вѣдь больше всего русской крови. Фамилія у тебя, правда, нѣмецкая, но не въ этомъ главное. Вѣдь фонъ Визинъ, баронъ Дельвигъ, Александръ Блокъ, хотя и носили нѣмецкія фамиліи, но всѣ всегда считали ихъ русскими. И такихъ много! Меня очень радуешь, что ты любишь все русское и самъ себя считаешь русскимъ.

Въ это время по коридору раздались поспѣшные шаги. Дверь съ шумомъ распахнулась, и въ комнату влѣтъ Сусанна. Увидя генерала, бесѣдующаго съ дѣтьми, она, не скрывая своего глубокаго изумленія, воскликнула:

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Да вотъ, — миролюбиво отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, — я хотѣлъ ближе познакомиться съ вашими питомцами.

— Да, — недовольно протянула д'Эпервиль, — вы простите, но они должны заняться приготовленіемъ уроковъ на завтрашній день.

Во время этого діалога дѣти какъ-то съжились и пугливо посматривали то на свою воспитательницу, то на дядю.

Вѣринъ вышелъ изъ комнаты, глубоко разобитый. Онъ направился къ Павлику, чтобы рассказать ему о происшедшемъ. Павликъ лежалъ у себя на кушеткѣ и читалъ какой-то нѣмецкій романъ. Онъ учтиво встрѣтилъ кузена, усадилъ его, но чувствовалось, что посѣщеніе удовольствія ему не доставляло.

Вѣринъ принялся рассказывать о томъ, какъ д'Эпервиль выпроводила его изъ комнаты, когда онъ зашелъ къ дѣтямъ, чтобы поговорить съ ними. Павликъ съ улыбкой выслушалъ генерала и, когда тотъ кончилъ, весело замѣтилъ:

— Узнаю мою Сусанночку. Она вся тутъ. Ты, Ваня, не обижайся на нее. Дѣтей она ревнуетъ рѣшительно ко всѣмъ, даже къ ихъ отцу. И Вѣрочку, и особенно Сашу она, видимо, любитъ, заботится о нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тиранитъ и не терпитъ, если кто-либо съ ними разговариваетъ и вообще ими занимается. Съ учителями дѣтей она всегда враждуетъ. Не можетъ переварить даже бѣднаго

Штерна, хотя это деликатнѣйшій и воспитаннѣйшій молодой человѣкъ. Сердце у Сусанны отличное, но характеръ тяжелый.

— Ну, я пойду, — со вздохомъ проговорилъ генералъ, замѣтивъ, что кузень съ нетерпѣніемъ поглядываетъ на свою книгу.

Онъ ушелъ. Въ комнату неслышными шагами вошелъ Азамать.

— Ну, что скажешь, Азаматушка, — ласково проговорилъ Павликъ, бросая книгу на столъ, — рассказывай, что узналъ новаго, кого видѣлъ, гдѣ леталъ?

— Ничего новаго, ваше сіятельство, я не узналъ, — отвѣтилъ Азамать, прислонясь лѣниво къ стѣнѣ и скользя своими блестящими красивыми глазами по гравюрамъ, украшавшимъ стѣны, — все по старому. Вотъ только ходитъ слухъ, что нѣмцы скоро отсюда уйдутъ.

— Какой вздоръ, — горячо началъ возражать Павликъ, — нѣмцы никогда, никогда, слышишь, отсюда не уйдутъ. Этотъ край будетъ присоединенъ къ Германіи.

— Люди говорятъ, — продолжалъ упорствовать Азамать, — что уйдутъ и сюда придутъ большевики.

— Да кто это говорилъ? Что за чепуха!

— Многие говорятъ. Мнѣ одинъ нѣмецкій солдатъ сказалъ, съ которымъ я сегодня говорилъ.

— Ну, объ этомъ и говорить не стоитъ, — недовольно замѣтилъ Павликъ, — однѣ глупыя сплетни... Уходи! Я буду читать...

IX.

Третьяго декабря въ лѣсахъ Людгофа состоялась большая охота. На эту охоту съѣхались всѣ ближайшіе сосѣди, причемъ многіе приглашенные пріѣхали даже накануне.

Съ восходомъ солнца послѣ плотнаго завтрака охотники и нѣсколько дамъ въ качествѣ зрительницъ тронулись въ путь. Изъ мужчинъ дома остался одинъ Павликъ, никогда не увлекавшійся охотой. Охотниковъ со своими набралось человѣкъ двадцать.

Ивана Петровича усадили въ шестимѣстный экипажъ-линейку. Рядомъ съ нимъ сѣла баронесса Брэдэ, эффектная

блондинка лѣтъ тридцати пяти. Мужъ баронессы, человекъ лѣтъ за пятьдесятъ, помѣстился противъ генерала.

— Да, — проговорилъ со вздохомъ баронъ, когда ланейка тронулась въ путь, — мы вотъ здѣсь устраиваемъ охоты, а надъ нами уже занесенъ Дамокловъ мечъ.

— А какія новости? — спросилъ юный графъ Дошкуль, единственный сынъ очень богатаго помѣщика.

— А зачѣмъ вамъ знать послѣднія новости? — насмѣшливо уронилъ красивый старикъ съ великолѣпными зубами и здоровымъ румянцемъ во всю щеку.

— Какъ зачѣмъ, — удивился Дошкуль, — я васъ, баронъ Ферзе, не понимаю.

— Пожалуй, — вмѣшался Брэдэ, — лучше не интересоваться послѣдними новостями. Онѣ вѣдь очень неутѣшительны: въ Германіи Вильгельмъ окончательно свергнутъ, и тамъ объявлена республика, Антанта предлагаетъ Германіи заключить миръ на позорнѣйшихъ условіяхъ, нѣмецкія войска отсюда уходятъ, бросая насъ на произволь судьбы, Псковъ, говорятъ, уже въ рукахъ русской большевицкой арміи, скоро доберутся и до насъ... Словомъ, одна печаль!..

— Скажите пожалуйста, — обратился Вѣринъ къ Брэдэ, — что насъ здѣсь ожидаетъ, когда прекратится нѣмецкая оккупация?

— Плохо будетъ, очень плохо! Или большевики явятся сюда изъ Россіи и заведутъ у насъ свои порядки, или же мѣстные коммунисты возьмутся за насъ, какъ это было въ 1905 году.

— Значитъ, всѣмъ намъ придется отсюда уѣхать?

— Ну, пока еще рано говорить о бѣгствѣ, — проговорилъ задумчиво Дошкуль, — я надѣюсь на англичанъ. Они никогда не допустятъ, чтобы въ этомъ краѣ водворились большевики. Увѣренъ, что они высадятъ свои войска въ Либавѣ и Ригѣ и будутъ поддерживать здѣсь порядокъ. Увидите!

— Положимъ, — угрюмо возразилъ Брэдэ, — на англичанъ надежда плоха. Они любятъ только чужими руками жаръ загребать. Что имъ за дѣло, если въ Прибалтикѣ уничтожатъ нѣкоторое количество нѣмцевъ. Заступиться за насъ они и не подумаютъ. Скажу больше: англичане считаютъ прибалтійскихъ нѣмцевъ германофилами и рады будутъ, если ихъ начнутъ уничтожать.

— Какъ все это ужасно, — съ тоскою подумалъ Иванъ Петровичъ, — давно-ли я пріѣхалъ сюда, а уже

приходится думать о новыхъ мытарствахъ, о новомъ путешествіи. Впрочемъ, я сдѣлаю такъ, какъ Людгары. Они говорили, что отсюда никуда не тронутся, такъ какъ у нихъ сейчасъ нѣтъ денегъ. Останусь и я съ ними.

Экипажъ остановился на опушкѣ вѣкового лѣса, тянущагося на много десятковъ верстъ. Здѣсь охотниковъ ожидали главный лѣсничій Дорнъ и десятокъ лѣсниковъ въ форменномъ одѣяніи. Тутъ расположились загонщики изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Вѣрину дали двухстволку одного изъ лѣсниковъ и пачку патроновъ. Дорнъ со своими помощниками повелъ гостей - охотниковъ и началъ разставлять ихъ по дугообразной линіи. Лѣсникъ Вурмъ сѣлъ верхомъ на свою маленькую сѣрую лошадку и направился съ загонщиками на указанное Дорномъ мѣсто.

— Вы, ваше превосходительство, станьте здѣсь, — обратился къ Вѣрину помощникъ главнаго лѣсничаго, добродушнаго вида латышъ съ пронизательными маленькими глазками, — смотрите въ ту сторону. Стрѣлятъ разрѣшается и козловъ, и козъ; все, однимъ словомъ.

Латышъ пошелъ дальше по линіи огня съ остальными охотниками, а Иванъ Петровичъ занялъ указанное ему мѣсто. По правую руку его, шагахъ въ пятидесяти, стоялъ Людгаръ, а лѣвѣе — Дошкуль.

Когда Жоржъ Людгаръ водворился на свое мѣсто, къ нему подошла баронесса Брэдэ, страстная спортсменка, и сказала:

— Графъ, позвольте стать за вами. Я шевелиться не буду. Можно?

— Пожалуйста, мнѣ будетъ очень пріятно! — любезно отвѣтилъ Жоржъ.

Въ это время далеко, далеко прозвучалъ охотничій рогъ. Послѣ этого сигнала цѣпь загонщиковъ начала медленно двигаться на линію стрѣлковъ. Загонщики переключались между собою, стучали палкой о палку и покрикивали на собакъ. Вѣринъ удивлялся тому, что загонщики идутъ такъ вяло и производятъ такъ мало шума. Онъ не зналъ, что дѣлается это для того, чтобы вспугнутая дичь въ паникѣ не металась, а постепенно медленно продвигалась къ линіи огня.

Иванъ Петровичъ въ юности очень любилъ охоту, но на охотѣ ему всегда не везло, такъ какъ онъ слишкомъ горячился, спѣшилъ и въ большинствѣ случаевъ давалъ промахи. Тѣмъ не менѣе, когда ему случалось охотиться,

все его существо охватывала особенный пылъ, сердце его начинало учащенно биться и ему страстно хотѣлось совершить смертоубійство.

— Атавизмъ во мнѣ говоритъ,—думала онъ въ такія минуты, — прямо удивительно, какъ вдругъ ни съ того, ни съ сего во мнѣ пробуждается жажда крови.

Графъ Людгаръ неподвижно, какъ статуя, стоялъ за кустомъ и напряженно всматривался въ лѣсную чащу. Въ двухъ шагахъ за нимъ стояла баронесса Брэдъ. Онъ слышалъ ея прерывистое короткое дыханіе. Кругомъ царил мертвая тишина. Лишь издалека доносились возгласы загонщиковъ.

Сначала появилась какая-то крупная птица съ быстрымъ опереньемъ, которая, шумно хлопая крыльями, перелетѣла черезъ линію охотниковъ. За первой птицей начали пролетать другія, разной величины и разныхъ породъ. Затѣмъ начали выскакивать зайцы. Кое-гдѣ по линіи огня раздались сухіе, короткіе выстрѣлы.

— Моя дама должна принести мнѣ счастье, — мелькнуло въ головѣ Жоржа,—навѣрное сейчасъ прямо на меня выскочитъ козель. Какъ это ожиданіе томительно! Только бы не оскандалиться, не промахнуться!

— Смотрите... лисица!—прозвучала вдругъ за нимъ чуть слышный взволнованный шопотъ, — прямо противъ васъ!..

Въ шагахъ шестидесяти, дѣйствительно, мелькнуло въ кустахъ что-то желтое, и на мгновеніе показалась острая хитрая мордочка и блеснули живые, пронизывающіе глазки.

Людгаръ выстрѣлилъ и подумалъ:

— Чуть не прозѣвалъ! Если бъ не она, пропустилъ бы. Кажется, прочемъ, пропудеялъ.

А въ это время баронесса сердилась на себя за то, что она нарушила молчаніе:

— Чего я сунулась? Вѣроятно, онъ и самъ замѣтилъ бы. Я только помѣшала ему. Какая досада! Очевидно, онъ погорячился и далъ промахъ.

Въ это время изъ кустовъ выскочилъ громадный заяцъ, который, налетѣвъ почти на охотника, метнулся въ сторону.

Людгаръ выстрѣлилъ, животное высоко подпрыгнуло и, тяжело упавъ на землю, забилось въ предсмертныхъ судорогахъ.

— Bravo, bravo!—прошептала баронесса.

Жоржъ оглянулся и, встрѣтившись съ глазами молодой женщины, весело улыбнулся.

Между тѣмъ, Вѣринъ съ бьющимся отъ волненія сердцемъ лихорадочно сжималъ свое ружье и пристально всматривался въ пространство между деревьями. Стоялъ онъ около громадной сосны, передъ которой росла группа молоденькихъ елочекъ. Въ этомъ мѣстѣ лѣсъ не отличался густотой. За своими елочками Иванъ Петровичъ былъ хорошо замаскированъ, и сквозь рѣдкій лѣсъ онъ видѣлъ передъ собою порядочное пространство. По всей линіи охотниковъ загремѣли выстрѣлы.

— Всѣ стрѣляютъ, — началъ сокрушаться генераль, — только мнѣ не везетъ, какъ всегда. Очевидно, меня поставили на самое плохое мѣсто... Но... но что тамъ?.. Кажется, коза?..

Вѣринъ, почти не цѣлясь, выстрѣлилъ въ козла, который шагахъ въ пятидесяти отъ него красивыми прыжками пробирался между деревьями вдоль линіи охотниковъ.

— Очевидно промахъ, — подумалъ Иванъ Петровичъ, вкладывая новый патронъ въ двухстволку, — а вдругъ попалъ! Я все же прицѣлился, хотя и погорячился!.. Нѣтъ, вѣроятно, оскандалился, позорно оскандалился!..

Загонщики подошли вплотную къ линіи охотниковъ. Вурмъ затрубилъ „сборъ“. Людгаръ сошелъ со своего номера и направился къ той елочкѣ, около которой промелькнула лисица. Баронесса Брэдэ молча слѣдовала за графомъ.

— Вотъ она, — вдругъ радостно воскликнула баронесса, указывая на лисицу, лежащую въ пяти шагахъ отъ елочки, — а я, графъ, думала уже, что вы промахнулись. Вѣдь лисичка только промелькнула, была видна лишь одно мгновеніе. Вы, дѣйствительно, рѣдкій стрѣлокъ!

— Это ваша заслуга, баронесса, — галантно отвѣтилъ Жоржъ, поднимая за пушистый длинный хвостъ лисицу, — я вѣдь чуть не прозѣвалъ эту прелесть. Вы мнѣ во-время на нее указали.

Стали подходить остальные охотники.

— Вы, кажется, стрѣляли? — обратился Дорнъ къ Вѣрину, — въ зайца или козла?

— Я стрѣлялъ въ козла, — уныло отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, — но, вѣроятно, промахнулся.

Въ это время прозвучалъ какой-то охотничій сигналъ.

— Это Вурмъ даетъ знать, что онъ нашель убитаго козла, — поясниль Дорнъ, — не ваша ли это добыча, генераль?

— Это безусловно козелъ генерала, — замѣтилъ подошедшій Ферзе, — въ него сначала выстрѣлили графъ Дошкуль, но промахнулся, а потомъ, видѣль я это совершенно ясно, когда выстрѣлили генераль, козелъ сразу осѣль и не могъ больше двигаться. Поздравляю васъ!

— Позвольте, — недовольно началъ возражать Дошкуль, — это не такъ, вы ошибаетесь, я попалъ въ козла, а не генераль.

Завязался общій споръ. Въ немъ приняли участіе всѣ охотники. Подѣхалъ Вурмъ съ убитымъ козломъ, котораго начали осматривать. Послѣ экспертизы попавшихъ въ животное дробинъ охотники единогласно рѣшили, что козла убилъ Вѣринъ.

Иванъ Петровичъ очень обрадовался этому рѣшенію, а графъ Дошкуль надулся и продолжалъ увѣрять, что промахнуться въ козла онъ не могъ!

— Успокойтесь, пылкій Немвродъ, — саркастически замѣтилъ Ферзе, — въ слѣдующемъ загонѣ вы однимъ выстрѣломъ убьете сразу двухъ козловъ и трехъ козъ, а этого козла вы позорно пропуделяли.

Охота продолжалась. До завтрака успѣли сдѣлать еще три „загона“. Дошкулю удалось убить двухъ зайцевъ и одного козла. Онъ повеселѣль и сталъ трунить надъ барономъ Ферзе, который далъ промахъ по лисицѣ.

Иванъ Петровичъ стрѣляль нѣсколько разъ по зайцамъ, но все время давалъ промахи.

Завтракали во дворѣ лѣсника, который вынесъ изъ своего домика столъ и скамейки. Азамать и другой лакей, Павелъ, пріѣхавшій также изъ Крыма, вынули изъ громадныхъ корзинъ хлѣбъ, котлеты, пирожки, ветчину и другія закуски.

— А водочки-то и нѣтъ, — съ сокрушеніемъ проговорилъ Ферзе, уплетая съ аппетитомъ сочный кусокъ домашней ветчины.

— Да, теперь достать спиртные напитки не такъ-то легко, — замѣтилъ баронъ Брэдъ.

Вѣринъ подсѣль къ баронессѣ Штейнбокъ, очень веселой и хорошо сохранившейся женщинѣ, которой на видъ можно было дать не болѣе тридцати лѣтъ. Мужъ ея, отличавшійся рѣдкой молчаливостью, также находился въ числѣ гостей.

— А вы гдѣ были во время охоты, баронесса? — спросилъ Иванъ Петровичъ свою сосѣдку.

— Я все время ходила съ мужемъ. Но намъ не везло: козъ мы не видѣли, а зайца удалось убить только одного.

Сказавъ эту фразу, баронесса заразительно расхохоталась.

— Вотъ хохотунья, — подумалъ генераль, — скажетъ самую обыкновенную вещь и сейчасъ же заляется смѣхомъ. Преуморительная! У нея удивительно красивые зубы. Вѣроятно, она потому постоянно и смѣется: хочетъ, чтобы полюбовались ея зубами. Всякое явленіе имѣетъ свое объясненіе.

Послѣ завтрака охотники переѣхали на другой участокъ лѣса, гдѣ охота продолжалась до наступленія сумерекъ. Вернулись домой уже въ темноту.

M-elle д'Эпервиль очень красиво убрала обѣденный столъ цвѣтами. Она съ раннего утра, какъ угорѣлая, металась по всему дому, всѣхъ ругая, на всѣхъ нападая и стараясь всѣмъ дать почувствовать, что безъ нея весь Людгофъ провалился бы. Прислуга ворчала и посылала швейцарку ко всѣмъ чертямъ.

— Павелъ, Азаматъ, Иза, Лина! — ежеминутно кричала Сусанна, — куда стаканъ несъ, гдѣ кристаллъ посуду? Лѣнь нѣтъ, лѣнь стыдъ, работать надо! Ви большевикъ, совсѣмъ большевикъ!... Не слушайте меня. Я графъ жаловать!...

— Вотъ чертовка, — громко, не стѣсняясь, огрызнулся Павелъ, зная, что швейцарка его не пойметъ, — чего мутить народъ, подлая, зачѣмъ терзаешь насъ, пакость заграничная! Все безъ тебя сдѣлаемъ, только бы не мѣшала!

— Чучело, прямо чучело, — подхватилъ Азаматъ слова Павла, — вѣдьма настоящая!

— Что ви дѣлать? — завопила вдругъ истошнымъ голосомъ д'Эпервиль, замѣтивъ, что Павелъ передвинулъ на столъ вазу съ цвѣтами, — не надо цвѣтъ трогать, я цвѣтъ трогать, ви все испортъ, ви большевикъ!..

— Выдрать тебя надо хорошенько, — громко проговорилъ Павелъ, выходя изъ столовой, — единственное лѣкарство!

Около восьми часовъ сѣли за обѣдъ. Всего набралось за столомъ человѣкъ сорокъ. Послѣ удачной охоты настроеніе у всѣхъ было приподнятое. Прекрасное вино способствовало въ значительной степени общему оживленію.

— А амфитріонъ-то нашъ разошелся, — лукаво замѣтилъ Ферзе своей сосѣдкѣ, баронессѣ Штейнбокъ, пригубляя рюмку съ виномъ, — отмѣнная мадера, рѣдкая мадера!

— А кто попалъ въ короли охоты?

— Баронъ Брэдъ. Онъ убилъ трехъ козловъ и четырехъ зайцевъ. Какъ король, по принятому обычаю, онъ долженъ угостить насъ застольной рѣчью. Послушаемъ, что-то онъ скажетъ. Ораторскія способности у него замѣчательныя.

— Везетъ же этому барону Брэдъ, — отозвался Дошкуль, сидѣвшій по другую сторону Штейнбокъ, — и стрѣлокъ онъ отличный, и ораторъ превосходный, и жена у него красавица!.. Въ сорочкѣ родился, однимъ словомъ!

— А вамъ, юноша, завидно? — иронически проговорилъ Ферзе, показывая Азамату глазами на свою пустую рюмку, — зависть, милый мой, самое нехорошее чувство. Никогда никому не завидуйте, добрый юноша!

Дошкуль недовольно фыркнулъ и хотѣлъ отвѣтить въ рѣзкомъ тонѣ, но въ это время баронъ Брэдъ, сидѣвшій на другомъ концѣ стола, всталъ во весь свой богатырскій ростъ съ рюмкой вина въ рукѣ и медленно обвелъ глазами присутствующихъ. Кто-то постучалъ вилокъ о рюмку. Разговоры смолкли, и въ обширной столовой воцарилась полная тишина.

— Милостивыя государыни, милостивые государи! — началъ Брэдъ яснымъ мягкимъ голосомъ, — что мнѣ вамъ сказать, что мнѣ вамъ пожелать? Хотя мы стараемся быть веселыми, бодрыми, но на душѣ у всѣхъ, увѣренъ въ этомъ, очень тяжело. Что готовить намъ завтрашній день? Вотъ вопросъ, который съ тревогой каждый изъ насъ задаетъ себѣ. Будемъ надѣяться, что гроза, если и разразится надъ нашими головами, скоро пройдетъ, и опять выглянетъ солнце, солнце все возрождающее, все оживляющее. Позвольте же пожелать вамъ — всѣмъ, всѣмъ, кто сидитъ за этимъ гостепріимнымъ столомъ, — благополучно вполне пережить эти черные дни, которые съ такой стихійной стремительностью надвигаются на нашу бѣдную страну. А милаго хозяина отъ лица всѣхъ гостей сердечно благодарю за радушный пріемъ. Пожелаемъ ему и его дѣтямъ много, много счастья. Ура!

Послѣ рѣчи „Короля охоты“ Жоржъ провозгласилъ тостъ за дорогихъ гостей, почтившихъ его домъ своимъ присутствіемъ.

На Вѣрина слова Брэдэ произвели глубокое впечатлѣніе. Ораторъ говорилъ такъ медленно, ясно и вразумительно, что Иванъ Петровичъ, не взирая на свое слабоватое знаніе нѣмецкаго языка, понялъ рѣшительно все отъ слова до слова.

— Онъ намъ прямо отходную пропѣлъ, — подумалъ генераль, задумчиво отпивая глотокъ вина, — и слова его звучали такъ проникновенно! Неужели онъ окажется пророкомъ? И думать страшно объ этомъ!

— Вѣра, — злобно зашипѣла Сусанна, бросая грозный взглядъ на свою маленькую сосѣдку, — какъ вы держите вилку? Я вышлю васъ изъ-за стола, если вы будете такъ отвратительно ѣсть. Стыдь!

Дѣвочка испуганно покосилась на гувернантку и невольно стала искать глазами своего постоянного защитника, дядю Павлика.

Но тотъ сидѣлъ далеко и вель оживленный разговоръ съ худой старой дамой, которая все время сладко, сладко улыбалась своему собесѣднику и одобрительно хихикала.

— А я убѣжденъ, — громко заявилъ Дошкуль, возбужденный выпитымъ виномъ, — что ничего съ нами не случится. Антанта никогда не допуститъ, чтобы здѣсь водворились большевики. Я даже знаю изъ достовѣрнаго источника, что въ Ригѣ и Либавѣ, какъ только нѣмецкія войска уйдутъ, начнутъ высаживаться англійскіе солдаты.

— Плюньте, юноша, на свой достовѣрный источникъ, — принялся острить Ферзе, — а главное, не думайте о такихъ серьезныхъ вещахъ; это вамъ не къ лицу!

— Что вы хотите сказать? — вспыхнулъ графъ.

— Ничего, ничего, милый молодой пѣтушокъ! Ваше здоровье и здоровье вашей будущей половины! — добродушно отвѣтилъ Ферзе, допивая свое вино.

Только поздно вечеромъ гости разъѣхались.

— Вѣдь хорошо было? — спросилъ Жоржъ брата, желая ему покойной ночи.

— Превосходно, восхитительно! — отозвался Павликъ, — все удалось на славу: столъ былъ убранъ на диво; вѣроятно, всю твою оранжерею опустошили. Сусанночка отличилась!... Спокойной ночи, дорогой!

X.

Съ Россіей прекратилось всякое почтовое сообщеніе, и Вѣринъ чувствовалъ себя очень несчастнымъ. Большую часть дня онъ проводилъ въ своей комнатѣ. Собирались всѣ вмѣстѣ только въ столовой во время принятія пищи и вечеромъ въ гостиной.

Газеты получались въ Людгофѣ очень нерегулярно, а во второй половинѣ декабря онъ и совсѣмъ перестали доходить. Приходилось питаться слухами, при чемъ слухи передавались самые невѣроятные и сенсаціонные. То рассказывали, что Англія взяла подъ свое покровительство Прибалтійскій край и займетъ его своими войсками, то передавали, что красные совѣтскіе отряды заняли уже Ригу и другіе важные центры.

Одно было несомнѣнно: нѣмецкія войска стремительно возвращались въ Германію, и ближайшее будущее рисовалось въ самыхъ неопредѣленныхъ контурахъ.

Иванъ Петровичъ цѣлые дни читалъ, при чемъ иногда, когда въ книгѣ попадались чувствительныя мѣста, онъ плакалъ.

— Ну, и нервы же у меня, — думалъ онъ, читая старинный нѣмецкій романъ Штифтера „Der Nachsommer“, — не все даже хорошо понимаю, а попадетъ какое-нибудь трогательное мѣсто, и я заливаюсь слезами. Смѣхъ и горе!

Гулялъ генераль въ большинствѣ случаевъ одинъ, такъ какъ замѣтилъ, что Людгары не стремились находить въ его обществѣ. Но какъ-то разъ Павликъ предложилъ ему совершить совмѣстную прогулку. Иванъ Петровичъ очень обрадовался, и послѣ обѣда Людгары и онъ направились въ лѣсъ. Противъ обыкновенія въ этотъ день и солнце не пряталось за облака, и вѣтеръ затихъ.

— А хорошо здѣсь, — весело проговорилъ Павликъ, обводя глазами обсыпанныя пушистымъ снѣгомъ сосны и елки, — и солнышко насъ порадовало, и тишина полная кругомъ, таинственная тишина. Прямо восхитительно!

— Хорошо, хорошо тутъ сейчасъ, — уныло отозвался Вѣринъ, — а гдѣ то мы завтра очутимся?

— Я окончательно рѣшилъ, — замѣтилъ Жоржъ, — Людгофа ни въ коемъ случаѣ не покидать. Пусть будетъ, что будетъ!

— И я останусь, — присоединился къ брату Павликъ, — но ты, Ваня, конечно, можешь уѣхать въ Либаву, гдѣ, думаю, будетъ безопаснѣе.

— Никуда рѣшительно я не поѣду, — твердо возразилъ Иванъ Петровичъ, — я и такъ начинаю сожалѣть о томъ, что уѣхалъ изъ Москвы. У меня всего около десяти тысячъ думскихъ денегъ и три тысячи „остъ“. Съ такимъ капиталомъ далеко не уѣдешь, а главное, я хочу раздѣлить вашу участь. Погибать, такъ погибать вмѣстѣ, — попытался онъ пошутить, — на людяхъ и смерть красна.

— По моему, — началъ разсуждать Павликъ, — ты правъ: ѣхать почти безъ денегъ въ зимнюю стужу въ незнакомый городъ нѣтъ смысла.

Въ это время далеко, далеко прозвучалъ пушечный выстрѣлъ.

— Что это такое? — встрепенулся Павликъ, — стрѣляютъ будто? Или это просто у меня галлюцинація слуха?

— Нѣтъ, дѣйствительно, гдѣ-то грохнула пушка или произошелъ взрывъ, — подтвердилъ Вѣринъ, — возможно, что это у Либавы или Риги англійскій флотъ пускаетъ большевиковъ. Что за пакостное существо въ общемъ человѣкъ, — пустился онъ философствовать, — только и стремится къ тому, чтобы испортить свою жизнь. Вѣдь какъ хорошо, какъ красиво могло бы человѣчество существовать, если бъ оно было разумнѣе...

— И слѣдовало завѣтамъ Христа, — добавилъ Павликъ.

— Да, — согласился генераль, — ученіе Христа до сихъ поръ является на землѣ высшей человѣческой этикой.

Въ лѣсу вдругъ послышались дѣтскіе голоса, смѣхъ, и на дорогѣ появились Саша и Вѣрочка. Ихъ сопровождалъ Штернъ. Вѣрочка подбѣжала къ отцу и оживленно заговорила:

— Вообрази себѣ, папа, Сусанна ни за что не хотѣла пускать насъ. Она кричала, что мы можемъ гулять около замка, а въ лѣсъ ходить нечего.

— Я же просилъ m-elle д'Эпервиль, — недовольно проворчалъ Жоржъ, — чтобы она васъ всегда пускала гулять съ господиномъ Штерномъ. И сейчасъ здѣсь восхитительно!

— Мнѣ удалось, — солидно принялся объяснять учитель, — съ большимъ трудомъ уговорить m-elle д'Эпервиль. Я, графъ, даже на васъ сослался. Она такъ не любить, чтобы дѣти со мной гуляли.

— Скажи, Жоржъ, — спросилъ Вѣринъ, когда дѣти и Штернъ исчезли въ лѣсной чащѣ, — ты ничего не будешь имѣть противъ того, если я съ дѣтьми разучу нѣсколько стихотвореній, и во время Рождества мы устроимъ литературно-музыкальный вечеръ. Быть можетъ, и Павликъ приметъ въ нашемъ вечерѣ участіе? Я могу что-нибудь продекламировать подь музыку.

И Жоржъ, и Павликъ ничего противъ идеи Ивана Петровича не имѣли, и въ тотъ же день онъ началъ готовить дѣтей къ предстоящему вечеру.

Саша и Вѣрочка къ затѣѣ своего дяди отнеслись сочувственно. Одна только Сусанна рвала и метала, недовольная проектомъ генерала и его интересомъ къ дѣтямъ.

XI.

24-го декабря въ Людгофѣ торжественно отпраздновали Сочельникъ. Празднество это началось съ елки, которую зажгли въ пять часовъ дня, какъ только стемнѣло.

Большой бѣлый залъ замка принялъ необычайный видъ. Посрединѣ его красовалось стройное дерево, которое лѣсники тщательно въ теченіе чуть ли не двухъ недѣль выбирали по всему лѣсу... Отъ прежнихъ годовъ осталось много елочныхъ украшеній, которыя и въ этотъ разъ пошли въ ходъ. По стѣнамъ стояли столики съ подарками. Столики, предназначенные дѣтямъ, отличались обиліемъ разложенныхъ на нихъ подарковъ.

Елку освѣтили и въ залъ пригласили дѣтей и всю прислугу. Павликъ сѣлъ за рояль, и подь его аккомпаниментъ присутствующіе спѣли хоромъ „Stille Nacht“ („Тихая ночь“).

— Что-то мои, бѣдные, дѣлаютъ въ эту минуту? — думалъ Иванъ Петровичъ, любуясь елкой, — есть ли у Наточки сейчасъ кусокъ чернаго хлѣба? Да и живы ли онѣ еще?

Эти печальныя мысли до того расчувствовали генерала, что на глазахъ у него навернулись слезы.

— Дядечка, — оживленно заговорилъ Саша, подбѣгая къ Вѣрину, — а ты видѣлъ мои подарки? Благодарю тебя очень и за твой подарокъ... А свой столикъ ты видѣлъ?

Саша потащилъ дядю сначала къ своему столику, а затѣмъ привелъ его къ столу, на которомъ лежали теплая пара носковъ, стѣнной календаръ и поздравительные стихи на нѣмецкомъ языкѣ.

— Видишь, дядя, — сталъ объяснять мальчикъ, — эти носки тебѣ положилъ папа, а календаръ — дядя Павликъ. Вѣрочка же и я переписали для тебя стихи. Я хотѣлъ подарить тебѣ стихи на русскомъ языкѣ, но не нашель. Ты ужъ извини меня!

— Благодарю, дядя, за деньги, — сказала Вѣрочка, подходя къ Ивану Петровичу. — Отчего ты такой грустный?

— Вѣра, Саша, — раздался пронзительный голосъ гувернантки, — почему вы надоедаете своему дядѣ, оставьте его въ покоѣ, идите сюда!

— Язва, — съ раздраженіемъ подумалъ генераль, — ревнуетъ меня къ дѣтямъ, старается отъ всѣхъ огородить ихъ китайской стѣной.

— Очень, очень, баронъ Жоржъ, благодарна вамъ за подарки, — съ чувствомъ проговорила m-elle д'Эпервиль, пожимая руку Людгара, — вы меня, право, балуете.

— Вы вѣдь наша единственная дама, — началъ шутить Павликъ, сверкая своими бѣлыми зубами, которыми онъ гордился, — какъ же васъ не баловать!

Людгары числились лютеранами по отцу; мать же ихъ была католичкой. Въ домѣ родителей Людгаровъ соблюдались многіе польско-католическіе обычаи. Нѣкоторые изъ нихъ Жоржъ ввелъ въ своемъ домѣ. Къ этимъ обычаямъ слѣдовало отнести празднованіе Сочельника. Въ Людгофѣ вечеръ Сочельника проводили такъ, какъ его проводили въ Бѣлоруссіи польскіе помѣщики.

Раздался звонокъ. Елку начали тушить, и всѣ разошлись по комнатамъ, чтобы привести себя въ порядокъ передъ ужиномъ. По обычаю полагалось сѣсть за столъ съ появленіемъ на небѣ первой звѣзды, но Ванда опоздала, и потому къ „кутьѣ“ оказалось возможнымъ приступить только около восьми часовъ вечера.

Стараніями швейцарки столовая въ этотъ день приняла особенно нарядный видъ. Подъ бѣлоснѣжной скатертью разостлали слой душистаго сѣна. Весь столъ устали блюдами съ рыбой, рисомъ, ламанцами, кашами разныхъ сортовъ, оладьями и компотами. Всего блюдъ было двѣнадцать. По числу апостоловъ. На столѣ между блюдами стояли большіе жбаны съ медомъ и маковымъ

оршадомъ. Художественной работы большіе бронзовые канделябры и тихій желтый блескъ свѣчей прекрасно гармонировали со всей обстановкой.

— Какъ вамъ нравится наша кутья? — обратился Павликъ съ вопросомъ къ Штерну, когда всѣ усѣлись за столъ, — вы вѣдь впервые присутствуете на подобномъ празднованіи Сочельника?

Штерну, конечно, все очень нравилось, и онъ, дѣйствительно, впервые присутствовалъ на празднованіи польско-католическаго Сочельника.

— Видите, — сталъ пояснять Павликъ, — мы ѣдимъ на сѣнѣ. Это символы! А на столѣ передъ вами двѣнадцать блюдъ. Тоже символы! Вотъ еще не хватаетъ обла-токъ. Обыкновенно подъ конецъ трапезы всѣ переламываютъ другъ съ другомъ облатки, при чемъ дѣлаются разныя пожеланія.

— По образу того, какъ Иисусъ Христосъ переламывалъ хлѣбъ со своими учениками, — глубокомысленно замѣтилъ Штернъ, накладывая себѣ на тарелку громадную порцію жареной рыбы.

— Именно, именно, — подтвердилъ младшій Людгаръ, бросая сердитый взглядъ въ сторону д'Эпервилъ, рѣзко отказавшей Вѣрочкѣ положить ей вторую порцію судака.

— Положить тебѣ еще, Вѣрочка? — мягко обратился онъ къ племянницѣ по-русски.

— Она не позволяетъ, — по-русски же отвѣтила дѣвочка, — а я еще почти ничего не ѣла; первый кусокъ попался совсѣмъ крошечный.

Павликъ быстро выбралъ лучшій кусокъ рыбы и положилъ его на тарелку своей сосѣдки.

— Графъ Поль, — вся вспыхнувъ, прерывающимся отъ негодованія голосомъ обрушилась швейцарка на Павлика, — я васъ очень прошу не дѣлать этого. Я отвѣчаю за здоровье дѣтей, а не вы! Вы вмѣшиваетесь не въ свое дѣло.

— Миръ, миръ, дѣтка моя, — началъ отшучиваться Павликъ, — въ день Сочельника всѣ обязаны говорить другъ другу одно пріятное, ссориться не полагается. Кушайте сами на здоровье и не мѣшайте дѣтямъ.

Сусанна презрительно повела кругомъ глазами, какъ бы призывая всѣхъ въ свидѣтели, но, не встрѣтивъ ни одного сочувственнаго взгляда, она принялась съ ожесточеніемъ глотать, почти не жуя, порцію винегрета.

— Смотри, папа, — раздавался голосъ Саши, — я вытянулъ изъ-подъ скатерти соломинку, чтобы узнать, дол-

го-ли буду жить. Очень, очень долго, — радовался мальчикъ, помахивая длинной соломинкой.

— И я попробую, — заявила Вѣрочка.

— Не смѣть, — запротестовала Сусанна, — это еще что за новости! Ведите себя прилично. Вы совсмѣть, какъ мужики!

Брови Жоржа при этихъ словахъ швейцарки сдѣлали скачокъ вверхъ, и онъ ледянымъ голосомъ замѣтилъ:

— Это старинный обычай, *m-elle д'Эпервиль*. Когда мы были дѣтьми, намъ всегда разрѣшали это дѣлать.

Сусанна сразу-же присмирѣла и оставила на нѣкоторое время дѣтей въ покоѣ.

Во время ужина Иванъ Петровичъ попытался завязать разговоръ съ Ватманомъ, но это ему не удалось, такъ какъ управляющій отвѣчалъ лишь короткими фразами и, видимо, тяготился поддерживать бесѣду.

— Станный типъ, — подумалъ генераль, — удивительно симпатичный человекъ, а сблизиться съ нимъ совершенно невозможно. Все молчить и молчить.

Ватманъ находился въ имѣннй уже около десяти лѣтъ. Онъ отлично былъ знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ и теоретически, и практически. Всѣ въ имѣннй его любили, начиная съ помѣщика и кончая послѣднимъ рабочимъ. Единственное, что хозяинъ ставилъ своему управляющему въ упрекъ, была слабость характера и необычайная разсѣянность. Ватманъ никому ни въ чемъ не могъ отказать, а потому многіе злоупотребляли его добротой и эксплуатировали добросердечнаго человекъ.

Разсѣянность Ватмана считалась легендарной. Когда онъ отправлялся въ городъ, то обыкновенно привозилъ обратно тѣ письма, которыя ему поручали опустить въ почтовый ящикъ. Особенную симпатію питалъ Ватманъ къ дѣтямъ.

— *Il est ridicule* (онъ смѣшонъ), — пожимая плечами и подбирая свои тонкія губы, часто говорила гувернантка, неодобрительно наблюдая за управляющимъ и Сашей, когда оба они съ одинаковымъ жаромъ увлекались какой-нибудь дѣтской забавой.

Однако, не взирая на свой твердый характеръ, Сусанна не рѣшалась въ такихъ случаяхъ „оборвать“ Ватмана и прекратить его общеніе съ дѣтьми. Изъ всѣхъ обитателей Людгофа швейцарка послѣ хозяина „признавала“ только Ватмана. Съ нимъ у нея никогда не происходило никакихъ пререканій, такъ какъ мягкій и покладистый Ватманъ во

всемъ всегда уступалъ ей и безпрекословно исполнялъ всѣ ея просьбы и требованія.

Весело прошелъ сочельнической ужинъ. Особенно счастливы были дѣти. И Саша и Вѣрочка набрали въ тряпочки съ блюда немного „кутѣи“ (такъ называлось блюдо съ разными сортами кашъ).

— Видите-ли, — пояснилъ Саша Штерну, когда тотъ спросилъ его, зачѣмъ онъ это дѣлаеть, — если положить на ночь подъ подушку немного этой кутѣи, то человѣку приснится все его будущее. Если не вѣрите, спросите папу, онъ мнѣ это еще въ прошломъ году рассказывалъ.

— Ты, Саша, — пошутилъ Павликъ, — увидишь свою будущую невѣсту, а тебѣ, Вѣрочка, приснится твой будущій женихъ. Интересно!

— Зачѣмъ вбивать дѣтямъ въ голову такія глупости? — сердито проворчала Сусанна.

— Дѣтка моя, — наставительно возразилъ Павликъ, — подобныя глупости составляютъ поэзію нашей жизни, а безъ доли поэзіи жизнь наша была бы лишь скотскимъ прозябаніемъ. Вы понимаете?!

Швейцарка, видимо, собиралась отвѣтить какой-то колкостью, но въ это время хозяинъ поднялся со своего стула, и всѣ поспѣшили послѣдовать его примѣру.

Въ этотъ вечеръ Иванъ Петровичъ, растянувшись на своей мягкой и удобной постели, до глубокой ночи не могъ уснуть.

— Хорошо-бы, — принялся онъ мечтать, — увидѣть во снѣ Марихень и Наточку. Буду все время напряженно о нихъ думать...

Во снѣ Вѣринъ, дѣйствительно, увидѣлъ и жену, и дочь. Этотъ сонъ занималъ его мысли весь слѣдующій день.

XII.

На второй день Рождества въ Людгофъ состоялся литературно-музыкальный вечеръ, на который съѣхались ближайшіе сосѣди-помѣщики съ семьями. Въ ихъ числѣ были баронъ Брэдъ съ женой, вся семья барона Ферзе, состоящая изъ мужа, жены и трехъ дѣтей, Штейнбоки и графъ Дошкуль.

Передъ началомъ вечера сильно волновались не только Саша и Вѣрочка, но очень нервничалъ также и Вѣринъ. Онъ страстно любилъ театръ, декламацию и въ глубинѣ души считалъ себя отличнымъ актеромъ и прекраснымъ декламаторомъ. Однако, всякое публичное выступленіе обыкновенно приводило его въ сильнѣйшее возбужденіе, которое самымъ неблагоприятнымъ образомъ отражалось на исполненіи.

Когда публика стала размѣщаться въ залъ передъ импровизированной сценой, отмѣченной рядомъ горшковъ съ растеніями и цвѣтами, всѣ исполнители собрались въ гостиной, откуда должны были по очереди выходить въ залъ.

— Мнѣ, дядя, ужасно, ужасно страшно, — обратилась Вѣрочка къ Ивану Петровичу, — я боюсь, что вдругъ все забуду.

— Не бойся, дорогая моя, — озабоченно отозвался Вѣринъ, — не забудешь, а если забудешь, я подскажу тебѣ. Не думай, что ты одна волнуешься, и я тоже волнуюсь.

— А я, — самодовольно заявилъ Саша, — ничуть не боюсь. Чего бояться? Чго за бѣда, если даже забуду. Наша публика такъ плохо знаетъ русскій языкъ, что ничего не замѣтитъ.

— А вы не волнуетесь, фрейлейнъ Лина? — спросилъ генераль прехорошенькую четырнадцатилѣтнюю баронессу Ферзе, которую уговорили выступить на вечеръ въ качествѣ пианистки.

Красивые глаза подростка весело сверкнули:

— И я волнуюсь, но не очень.

Павликъ далъ звонокъ, и на „сцену“ вышелъ Вѣринъ. Онъ обратился къ присутствующимъ съ маленькой рѣчью. Закончилъ ее Иванъ Петровичъ такими словами:

— Въ доброе старое время передъ началомъ представленія одиѣ изъ главныхъ актеровъ обращался къ публикѣ съ нѣсколькими словами. Онъ просилъ „почтенныхъ зрителей“ отнестись къ исполнителямъ снисходительно, доброжелательно и безъ всякой предвзятости. Такая мѣра была не лишняя, такъ какъ тѣхъ исполнителей, которые не нравились, часто забрасывали гнилыми яйцами и другими подобными прелестями. Сейчасъ, конечно, вы этого не сдѣлаете, такъ какъ культура ушла далеко впередъ, но все же, господа, прошу васъ объ одномъ: постарайтесь настроить себя сразу въ нашу пользу, старайтесь не обращать вниманія на наши недочеты, попытайтесь все найти у насъ отличнымъ. Ваше благожелательное къ намъ

отношеніе воодушевить насъ, и мы тогда превзойдемъ самихъ себя, и вы останетесь нами довольны. Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ объявить, что въ музыкальной части нашего вечера благосклонно согласилась принять участіе одна восходящая звѣздочка. Выступаетъ эта прелестная піанистка экспромтомъ и фамиліи ея я вамъ не сообщаю, такъ какъ изъ чувства скромности наше новое свѣтило пожелало сохранить свое инкогнито... Итакъ, мы начинаемъ!

Хотя многіе плохо поняли смыслъ рѣчи Вѣрина, но, когда онъ кончилъ, ему, конечно, дружно похлопали. Самъ же ораторъ своимъ „вступительнымъ словомъ“ остался доволенъ.

Послѣ „пролога“ Вѣринъ вышелъ къ публикѣ съ Сашей и Вѣрочкой. Они прочли басню „Гуси“, стихотвореніе Полонскаго „Орелъ и змѣя“ и поэму-шутку Будищева „Стрекоза и одуванчикъ“. Генераль читалъ за автора, а дѣти изображали дѣйствующихъ лицъ этихъ произведеній.

Чтеніе удалось, при чемъ особенно отличился Саша, читавшій безъ тѣни смущенія, выразительно и свободно. Вѣрочка же, хотя конфузилась и говорила нѣсколько придуреннымъ отъ волненія голосомъ, ни разу не сбилась и вышла изъ этого испытанія съ честью.

— Славные вы мои, — сталъ благодарить „за кулисами“ генераль племянника и племянницу, когда розовые отъ волненія съ блестящими глазами они начали рассказывать о своихъ переживаніяхъ, — утѣшили вы меня, старика. Молодцы!

— Знаешь, дядя, — заявила прерывающимся голосомъ Вѣрочка, — я чуть-чуть въ одномъ мѣстѣ не сбилась. Саша вдругъ остановился, я хотѣла продолжать, а, оказалось, что онъ только „замедлилъ свою декламацию“... Вѣдь легко скандалъ могъ выйти. Подумай только!

— Вотъ дурочка, — важно отозвался Саша, — я вѣдь нарочно въ этомъ мѣстѣ сдѣлалъ большую паузу. Для эффекта! А она чуть все не испортила. Женщина, однимъ словомъ!

— Но ты, милый мужчина, — началъ шутить Вѣринъ, — декламируешь, какъ знаменитый Давыдовъ...

Послѣ того, какъ фрейлейнъ Лина, красиво смущаясь и путаясь, сыграла ноктюрнъ Шопена, Иванъ Петровичъ выступилъ со своей декламацией.

Къ ужасу Жоржа, который къ талантамъ своего кузена всегда относился отрицательно, Вѣринъ залпомъ про-

читаль „Куму“ Липкина, „Старую цыганку“ Апухтина и „Алешу Поповича“ Толстого.

— Знаете, — прошепталь хозяйинъ баронессѣ Брэдъ, около которой онъ сидѣль, — я терпѣть не могу декламациі моего кузена. Онъ увлекается, теряетъ чувство мѣры, попадаетъ въ ложный паѳосъ и не замѣчаетъ, что производитъ комическое впечатлѣніе. Вы, баронесса, не понимаете русскаго языка, а потому вамъ особенно мучительно слушать эту ерунду.

Въ это время генераль съ особеннымъ напряженіемъ, сильно повысивъ голосъ, продекламировалъ :

„Пламя-ль блещеть? Дождь ли льется?

„Буря-ль встала, пыль крутя?

„Конь-ли по полю несется?

„Мать ли пѣствуетъ дитя?

— Вотъ старается, — недовольно проворчалъ Жоржъ, — оглушилъ даже! Когда же это, наконецъ, кончится?

Въ заключеніе Иванъ Петровичъ подь музыку Павлика прочиталь „Мухи“ Апухтина и „Будду“ Мережковскаго. Благодаря прекрасному музыкальному сопровожденію, мелодекламация вызвала всеобщее одобреніе даже не знающихъ русскаго языка.

Исполнителей шумно вызывали и поднесли имъ лавровые вѣнки, заготовленные людгофскимъ садовникомъ.

Вѣринъ чувствовалъ себя именинникомъ, низко кланялся публикѣ, прижимая руку къ сердцу, и въ это время думаль:

— Молодчина, старикъ! Память тебѣ ни разу не изменила. Не подгадилъ! Не всѣ, конечно, оцѣнили твой талантъ, но самъ ты собою доволенъ, а это главное.

Саша, кланяясь публикѣ, до смѣшного повторялъ всѣ жесты своего дяди, то-есть, какъ и онъ, прижималь правую руку къ своему сердцу и блаженно улыбался.

— Вотъ маленькая обезьянка, — негодовала Вѣрочка, — къ чему это подражательство?

— Подражаніе, — поправиль племянницу генераль, — но почему ты, Вѣрочка, сердишься на Сашу? Право, онъ молодчина!

— Я не сержусь, дядя, но я не люблю, когда онъ начинаетъ изображать... un bouffon (шута). Онъ всегда дурачится.

— Перестань, сестра, критиковать своего старшаго брата, — вмѣшался въ разговоръ Саша. — Ты женщина, а потому понять меня не въ состояніи.

— Ну, какъ? — спросилъ Вѣринъ передъ ужиномъ Жоржа, — хорошо вышло, тебѣ понравилось?

— Великолѣпно, — небрежно уронилъ Жоржъ, отыскивая кого-то въ гостиной глазами, — Саша отлично держалъ себя и прекрасно декламировалъ. Ничего была и Вѣрочка! Только конфузилась немного.

Тутъ Жоржъ быстрыми шагами направился къ баронессѣ Брэдэ, а Иванъ Петровичъ съ сокрушеніемъ подумалъ:

— А о моей декламации ни слова. Даже не поблагодарилъ меня за устройство вечера. Ледяшка онъ!

— Какъ вы, генераль, хорошо читаете стихи, — обратился къ Вѣрину Штернъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вамъ понравилось?

— Очень. Особенно хорошо вышли у васъ „Мухи“. И какъ графъ Павелъ отлично подобралъ музыку! Ну, и память же у васъ дивная! Ваше чтеніе доставило мнѣ большое эстетическое удовольствіе.

— Славный молодой человекъ, — пронеслось въ головѣ Ивана Петровича, — умница и пресимпатичный! Какъ онъ тонко чувствуетъ все прекрасное!

Когда Вѣринъ, поговоривъ съ Штерномъ, направился въ свою комнату, чтобы помыть руки, въ коридоръ онъ встрѣтилъ панну Ванду.

— Мнѣ очень спектакля понравилась, — заявила экономка, стрѣльнувъ глазами, — а особисто вышло хорошо, когда этотъ сынъ попа заманилъ принцессу въ лодку и началъ съ такимъ чувствіемъ играть ей.

— Вы, значитъ, все хорошо поняли? — поинтересовался Иванъ Петровичъ.

— Еще бы, — съ нѣкоторой обидой протянула полька, — я весьма даже понятливая. А главное, все очень, очень тонко чувствую. Вы не думайте, генераль, что ежели я по-русски иногда ошибки дѣлаю, то это отъ необразованности. Я вѣдь и книги читаю и много, много думаю.

— Ну, панна Ванда, — со смѣхомъ сказала Вѣринъ, — я вамъ не совѣтую думать. Чѣмъ вы меньше будете думать, тѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше будетъ. Такой красивой, молодой и элегантною паненкѣ, какъ вы, думать не полагается: отъ думъ, отъ мыслей можетъ поблекнуть ваша красота, ваша свѣжесть.

При этихъ словахъ генерала экономка самодовольно хихикнула и поплыла дальше.

Когда Иванъ Петровичъ вернулся въ гостиную, тамъ царило большое оживленіе. Онъ попытался присоединиться

къ общему разговору, но, сдѣлавъ на нѣмецкомъ языкѣ нѣсколько крупнѣйшихъ ошибокъ, которыя привели въ ужась швейцарку, счель за лучшее усѣсться въ уголокъ и оттуда наблюдать.

Въ праздничной атмосферѣ гостиной Вѣринъ вдругъ почувствовалъ себя страшно одинокимъ. Ему представилось, что въ этой средѣ онъ совершенно неподходящій элементъ, только лишній балластъ. И съ необыкновенной силой его потянуло къ своимъ, въ Москву, къ своему родному, ко всему тому, что такъ недавно еще онъ покинулъ, что въ эту минуту было такимъ далекимъ, такимъ недосягаемымъ.

XIII.

31-го декабря 1918 года послѣ ужина въ зеленой гостиной людгофскаго замка сидѣли братья Людгары, Вѣринъ, Штернъ и швейцарка. Передъ древнимъ гигантскихъ размѣровъ диваномъ стоялъ столъ съ большой лампой. Кругомъ стола расположилось все общество.

Жоржъ и Штернъ сражались въ шахматы, Вѣринъ наблюдалъ за ихъ игрой, Сусанна вязала теплые носки для Саши, а Павликъ читалъ. Въ комнатѣ царило полное молчаніе, временами прерываемое короткими восклицаніями шахматистовъ.

Весь день дулъ непріятнѣйшій сѣверо-восточный вѣтеръ, а потому всѣ, особенно же Павликъ и швейцарка, чувствовали себя не по себѣ.

— Терпѣть не могу подобную погоду, — ворчливо проговорилъ Павликъ, закрывая книгу и начиная, какъ маятникъ, ходить по комнатѣ, — этотъ вѣтеръ, эти унылыя его завыванія дѣйствуютъ на мои нервы.

— И на мои тоже, — отозвался Иванъ Петровичъ, — а на ваши нервы, — обратился онъ къ Сусаннѣ, — вѣтеръ дѣйствуетъ?

— Все это глупости, — желчно огрызнулась швейцарка, — мои нервы въ отличномъ состояніи, это вы чувствительны ко всякимъ перемѣнамъ погоды, а я ничуть.

— Вы меня не поняли, — мягко сталъ объяснять генералъ, — ничего для васъ обиднаго я сказать не хотѣлъ.

Д'Эпервиль плотно сжала свои нитеобразныя губы, бросила въ сторону Вѣрина негодующій взглядъ и съ

удвоенной энергіей быстро, быстро начала перебирать вязальными спицами.

— А ты, Ваня, вѣришь въ загробную жизнь? — вдругъ неожиданно уронилъ Павликъ, продолжая мелкими энергичными шажками ходить по комнатѣ.

Вѣринъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на кузена и медленно проговорилъ:

— Зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь?

— Я потому спрашиваю, что, какъ мнѣ кажется, ты въ загробную жизнь не вѣришь, а безъ вѣры въ загробную жизнь я себѣ человѣка не представляю. Каждый всѣми силами души долженъ стремиться къ тому, чтобы вѣрить въ загробную жизнь и въ Бога.

— Все это такъ, — согласился Иванъ Петровичъ, — если человѣкъ вѣритъ и въ загробную жизнь, и въ Бога то благо ему. Но можно ли вѣру вызвать по заказу, можно ли атеиста заставить вѣрить, если онъ не вѣритъ? Атеиста слѣдуетъ жалѣть, такъ какъ онъ лишенъ большого утѣшенія въ жизни, но невозможно заставить его въ два счета изъ невѣрующаго превратиться въ вѣрующаго. Впрочемъ, весь нашъ разговоръ ни къ чему! Дѣло въ томъ...

— Ты уклоняешься въ сторону, — съ раздраженіемъ перебилъ Павликъ генерала, — я хочу знать, какъ ты именно думаешь о загробной жизни и о Богѣ. Атеистъ ты или вѣрующій? Отвѣть мнѣ прямо на вопросъ.

Вѣринъ разсердился и взволнованно сталъ возражать:

— Я не желаю, Павликъ, говорить съ тобой на эту тему. Подобные диспуты явно бессмысленны. И тебѣ нѣтъ никакого дѣла до моихъ религіозныхъ взглядовъ.

— А я хочу говорить именно на эту тему, — вспылалъ Павликъ, — я живу съ тобой подъ одной крышей и хочу точно знать, что ты за человѣкъ. Почему ты отъ меня желаешь скрыть свою точку зрѣнія на загробную жизнь и на Бога? Если ты атеистъ, то такъ и объяви мнѣ, что ты атеистъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, я буду знать, съ кѣмъ имѣю дѣло.

— Но по какому праву, — съ паѳосомъ воскликнулъ Вѣринъ, — ты требуешь, чтобы я началъ передъ тобою исповѣдываться? О религіи я съ тобой говорить не желаю и не буду говорить.

— А я, Ваня, — саркастически разсмѣялся Павликъ, — начинаю тебя бояться: я не люблю находиться въ обществѣ людей, міросозерцаніе которыхъ мнѣ неизвѣстно.

Въ это время Жоржъ и Штернъ кончили свою партію въ шахматы и начали прислушиваться къ разговору генерала и Павлика.

— Павликъ, — мягко замѣтилъ Жоржъ, — ну, къ чему вся эта полемика? Какой смыслъ требовать отъ Вани, чтобы онъ публично сталъ излагать тебѣ свое credo?

— А тотъ смыслъ, — продолжалъ настаивать Павликъ, — что я хочу попытаться помочь ему разобраться въ его грубомъ заблужденіи и направить на вѣрный путь.

— Господи, какой вздоръ, какія глупости, — просто-наль съ отчаяніемъ Иванъ Петровичъ, — какое самоиѣніе, какое самообольщеніе! Нѣтъ, я больше не могу!..

Съ этими словами генераль всталъ, сдѣлалъ общій поклонъ и быстрыми шагами вышелъ изъ гостиной.

Въ комнатѣ на нѣкоторое время водворилось неловкое молчаніе. Павликъ, закусивъ губы, какъ тигръ въ клѣткѣ, бѣгалъ отъ стѣны до стѣны, Штернъ съ особенно глубокомысленнымъ видомъ разсматривалъ свои ногти, а швейцарка, которая ничего не поняла, но почувствовала, что запахло скандаломъ, вся насторожилась и вопросительно-вызывающе оглянулась кругомъ.

Вѣринъ же заперся въ своей комнатѣ и принялся за чтеніе какого-то нѣмецкаго романа. Но волненіе не давало ему возможности читать. Онъ отбросилъ книгу, закрылъ глаза и погрузился въ свои мысли. До мельчайшихъ подробностей ему вспомнилась вся только-что происшедшая въ гостиной сцена. До сихъ поръ съ Павликомъ серьезныхъ недоразумѣній у него не происходило. Правда, Павликъ часто острилъ и подсмѣивался надъ кузеномъ, но Иванъ Петровичъ переносилъ эти выпады вполне добродушно. Павлика онъ очень любилъ и страстно хотѣлъ имѣть въ немъ друга, но столкновеніе въ гостиной убѣдило его въ томъ, что кузенъ относится къ нему отрицательно и безъ всякой симпатіи.

— А сегодня, — пронеслось въ головѣ генерала, — послѣдній день этого проклятаго 1918-го года! Чуть не забылъ объ этомъ! Что-то дѣлають мои въ Москвѣ?

При мысли о женѣ и дочери Иванъ Петровичъ размякъ окончательно, расплакался и долго, долго не могъ успокоиться. Вѣтеръ же съ еще большей свирѣпостью гудѣлъ, свистѣлъ и зловѣще стоналъ, переходя порой въ жалобный вой.

XIV.

Наступилъ 1919-ый годъ. Пятаго января обитатели людгофскаго замка пережили большую тревогу. На имя Ватмана было получено письмо отъ Дорна. Дорнъ писалъ, что Рига, по слухамъ, занята большевицкими войсками и, вѣроятно, всѣмъ мѣстнымъ помѣщикамъ и мѣстной интеллигенціи придется въ ближайшемъ будущемъ спастись бѣгствомъ въ Либаву, куда еще можно пробраться.

Въ два часа дня пріѣхалъ въ Людгофъ молодой графъ Дошкуль. Онъ подтвердилъ зловѣщіе слухи и пробылъ у Людгаровъ всего полчаса, такъ какъ торопился поскорѣй вернуться къ себѣ.

Къ четыремъ часамъ братья Людгары и Вѣринъ отправились въ Эмилинь, имѣніе бароновъ Брэдэ. Жили Брэдэ всего въ пяти верстахъ отъ Людгофа. Слухъ о томъ, что Рига находится въ рукахъ большевиковъ, уже дошелъ до Эмилины.

Гости застали барона Брэдэ въ страшномъ волненіи. Онъ встрѣтилъ ихъ въ передней съ вопросомъ:

— Уѣзжаете?

— Мы не можемъ уѣхать, — отвѣтилъ старшій Людгаръ, — у насъ слишкомъ мало наличныхъ денегъ. Поэтому мы рѣшили рискнуть и остаться.

— И мы остаемся, — проговорилъ хозяинъ, — наши дѣти больны корью, и мы не можемъ рисковать ихъ здоровьемъ. Не надо поддаваться паникѣ.

Всѣ перешли въ гостиную, гдѣ въ каминѣ весело трещали дрова.

— Неужели, господа, вы серьезно думаете здѣсь остаться? — спросилъ баронъ, когда гости усѣлись въ уютной комнатѣ, по стѣнамъ которой висѣли потемнѣвшіе отъ времени фамилные портреты.

— Мы твердо рѣшили отсюда не уѣзжать, — съ волненіемъ отвѣтилъ Павликъ, — я, главнымъ образомъ, надѣюсь на англичанъ; они вѣдь не допустятъ, чтобы большевики завладѣли нашимъ краемъ. Увидите!

— Да, — подтвердилъ Жоржъ, — мы здѣсь останемся. Что будетъ, то будетъ! Къ тому же, намъ страшно трудно тронуться: насъ трое, дѣти, Сусанна, Азамать, Павелъ, Ванда... Придется рискнуть!

— А вы, генераль, какого мнѣнія? — обратился Брэдъ къ Вѣрину, — въ лапахъ большевиковъ вы уже были, а потому знаете, что это за компанія.

— Я думаю, — отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, — что надо рискнуть. Вотъ я покинулъ Москву, а что вышло: семья моя оттуда не выбралась, моя жизнь — сплошное терзаніе. Я жизнью своей сейчасъ не дорожу, а потому предпочитаю никуда не уѣзжать, хотя, конечно, опасность намъ угрожаетъ большая.

— Да, — замѣтилъ баронъ, — противъ судьбы не пойдешь! Посмотримъ. Быть можетъ, и уцѣлѣемъ!.. Вы извините, господа, но жена не выйдетъ, такъ какъ она занята въ дѣтской.

Гости встали и начали прощаться.

Въ полномъ молчаніи доѣхали Людгары и Вѣринъ до Людгофа. Даже Павликъ, отличавшійся словоохотливостью, затихъ и во время всего пути не проронилъ ни одного слова.

11-го января въ семь часовъ вечера къ людгофскому замку подъѣхало около сорока саней. Оказалось, что окрестные помѣщики покидали свои имѣнія и направлялись въ Либаву. Въ числѣ уѣзжавшихъ находились Ферзе и Дошкуль.

— А мы за вами, графъ, — обратился баронъ Ферзе къ Жоржу, входя въ столовую, — простите, что вваливаюсь къ вамъ такъ неожиданно, но мы всѣ уѣзжаемъ. У васъ нашъ караванъ сдѣлаетъ привалъ на часъ. Быстро соберитесь и ѣдемъ! Захватите съ собой самое необходимое.

— Мы остаемся, — спокойно и тихо отвѣтилъ Жоржъ, здороваясь съ Ферзе и другими вошедшими съ нимъ помѣщиками.

— Но это же безуміе, явное безуміе! — горячо началъ протестовать молодой графъ Дошкуль, — вы непременно погибнете. Ну, а Ватманъ ѣдетъ? Ему то, какъ бывшему нѣмецкому чиновнику, оставаться особенно опасно.

Во время германской оккупации Ватманъ исполнялъ обязанности правительственнаго чиновника въ Людгофской волости. При словахъ Дошкуля онъ густо покраснѣлъ и вопросительно посмотрѣлъ на Людгара.

— Вамъ, дѣйствительно, — обратился Жоржъ къ своему управляющему, — оставаться съ нами нѣтъ никакого смысла. Уѣзжайте!

— Я поступаю въ ландсверъ, формирующійся, какъ говорятъ, въ Гольдингенъ, — заявилъ Ватманъ.

— И приходите потомъ скорѣй насъ освободить отъ большевиковъ, — пошутилъ Павликъ.

— Скорѣй собирайтесь въ такомъ случаѣ, — началъ торопить Ферзе, — запрягите хорошую лошадь въ легкія сани и присоединяйтесь къ намъ.

Тѣмъ временемъ Сусанна при помощи Павла и Азамата молниеносно устала обѣденный столъ всякими закусками и неожиданныхъ гостей пригласили подкрѣпиться чашкой кофе.

— Отъ васъ мы направимся въ Эмилинь, — объявилъ Ферзе, съ аппетитомъ уплетая кусокъ ветчины, — захватимъ оттуда всю компанію.

— Баронесса и баронъ Брэдэ рѣшили остаться, — замѣтилъ Жоржъ, — у нихъ дѣти больны, они тронуться не могутъ.

— Пустяки, — уронилъ Дошкуль, — мы ихъ убѣдимъ. Въ столовую входили все новыя лица.

— Какъ ваше здоровье, баронъ Штейнбокъ? — обратился хозяинъ къ высокому худому старику съ длинными сѣдыми баками, который шель въ сопровожденіи старой дамы и молодого человѣка лѣтъ восемнадцати.

Старикъ со всѣми поздоровался, покачалъ сѣдою головою, тяжело опустился на стулъ, который ему предупредительно подставила швейцарка, и уныло проговорилъ:

— Что тутъ ужъ о здоровьи думать! Вотъ до чего дожилъ: приходится покидать родное гнѣздо, гдѣ родился, гдѣ всю жизнь прожилъ, и бѣжать безъ оглядки въ такую холодную зимнюю ночь... мучиться, страдать...

— А вашъ старшій сынъ тоже съ вами? — спросилъ Павликъ.

За отца отвѣтилъ сынъ его, Фрицхень:

— Брату дали знать, что мы уѣзжаемъ. Онъ, вѣроятно, по дорогѣ къ намъ присоединится.

Тѣмъ временемъ въ комнатѣ, которую занималъ Ватманъ, происходили дорожные сборы. Самъ Ватманъ лихорадочно и какъ-то машинально укладывалъ свои вещи въ два маленькихъ чемоданчика, а панна Ванда съ взволнованнымъ и опечаленнымъ лицомъ помогала ему. Въ дальнемъ углу комнаты сидѣлъ Ракеръ. Онъ безпокойными глазами слѣдилъ за каждымъ движеніемъ своего хозяина, временами издавалъ какіе-то подавленные звуки, — не то ворчаніе, не то стонъ, — и какъ-то весь присмирѣлъ. Со-

бака, видимо, понимала, что совершается нѣчто очень важное и катастрофическое.

— А Ракера возьмете? — спросила экономка. — Лучше возьмите, а то онъ безъ васъ здѣсь околѣетъ, источуется.

При этихъ словахъ Ванды Ракеръ стремглавъ бросился къ Ватману и началъ къ нему ласкаться.

Управляющій меланхолично потрепалъ своего друга по головѣ и проговорилъ:

— Куда я его дѣну. Со мной онъ легко можетъ погибнуть, а здѣсь вы за нимъ присмотрите. Ему здѣсь будетъ лучше. Что насъ ожидаетъ? Быть можетъ, мы даже до Гольдингена не доберемся; по дорогѣ насъ могутъ всѣхъ перебить.

— Хорошо, — согласилась экономка, — я за нимъ буду присматривать.

Вдругъ Ракеръ, какъ бы понявъ, что рѣчь идетъ о немъ, жалобно завылъ и передними лапами уперся въ грудь Ватмана, стараясь лизнуть его лицо. Ватманъ нѣжно обнялъ голову собаки и сталъ шептать:

— Ну, Ракеръ, другъ милый, прощай, прощай! Быть можетъ, еще увидимся, но возможно, что уже больше никогда я съ тобой не встрѣчусь. На все судьба!.. День-два, — обратился онъ къ полкѣ, — вы держите его подъ ключомъ, а то онъ побѣжить за мною.

— Геръ Ватманъ, — раздался голосъ Саши, съ шумомъ распахнувшего дверь комнаты, — васъ ожидаютъ, уже ѣдутъ. Уложились? А револьверъ не забыли? Ружье возьмете? Писать будете? Я, знаете, если бъ меня пустили, охотно поѣхалъ бы съ вами. Вѣдь интересно!

— Да, очень интересно, — разсѣянно произнесъ Ватманъ, надѣвая при помощи Ванды пальто.

— Ну, не забывайте насъ, — сквозь слезы проговорила полка, подавая управляющему руку, которую тотъ крѣпко, но какъ-то машинально пожалъ, продолжая ласкать Ракера.

Экономка вынесла изъ комнаты чемоданъ, а Ватманъ задержался на нѣсколько секундъ съ собакой, которая во что бы то ни стало хотѣла выскочить изъ комнаты.

— Назадъ, Ракеръ, — властно крикнулъ управляющій, — сюда, садись въ уголъ на свой коврикъ. Ну, быстро!

Животное покорно, опустивъ голову, медленно поплелось на указанное мѣсто, но, когда Ватманъ, быстро выйдя изъ комнаты, захопнулъ за собой дверь, оно прыгнуло къ дверямъ, пробуя открыть ихъ. Ватманъ щелкнулъ ключомъ

и ключъ передалъ полькѣ. Ракеръ сначала отчаянно началъ царапаться въ двери, пытаясь повернуть ручку, затѣмъ отрывисто и сердито залаялъ. Черезъ нѣкоторое время лай перешелъ въ жалобный тихій вой, при чемъ собака продолжала трепать дверную ручку и толкать дверь.

На дворѣ у параднаго крыльца слышались голоса, отдавались распоряженія, ржали лошади, скрипѣли сани. Людгары и Вѣринъ, надѣвъ пальто, провожали бѣглецовъ и прощались съ ними.

— Напрасно, графъ, — проговорилъ Ферзе, крѣпко пожимая руку Жоржа, — вы къ намъ не присоединились. Боюсь я за васъ, право, боюсь! Эхъ, время еще не ушло: запрягайте лошадей и догоняйте насъ. Мы вѣдь сдѣлаемъ остановку на часъ въ Эмилинь. Догоните!

Спасибо, — отвѣтилъ Людгаръ, — за благожелательный совѣтъ, но мы рѣшили рискнуть.

— Впередъ, впередъ! — раздался чей-то рѣзкій голосъ.

Сани начали медленно трогаться. Управляли ими сами комѣщики, ихъ жены и дѣти; вся прислуга и кучера остались въ имѣнιάхъ.

Поѣздъ вытанулъ гуськомъ и мелкой рысцой двинулся по березовой аллеѣ. Въ послѣднихъ саняхъ ѣхалъ Ватманъ. Поравнявшись съ Людгарами и Вѣринымъ, онъ остановился. Жоржъ, Павликъ и Иванъ Петровичъ крѣпко пожали руку управляющему, при чемъ Павликъ, стараясь сохранить бодрый тонъ, замѣтилъ:

— Везетъ же вамъ: морозъ пустяковый, вѣтра нѣтъ, санный путь отличный, скоро и мѣсяць покажется! До свиданія, до скорого свиданія!

Ватманъ тронулъ вожжей лошадь, въ послѣдній разъ молча махнулъ своей мѣховой шапкой и черезъ нѣсколько секундъ исчезъ въ темнотѣ. Кто-то вскрикнулъ. Вѣринъ оглянулся и замѣтилъ Ванду, которая, утирая глаза платкомъ, плакала горькими слезами.

— Вѣроятно, она влюблена въ него, — подумалъ генераль, возвращаясь съ Людгарами въ комнаты, — дѣло житейское!

— Вотъ мы и одни среди бушующаго моря, — грустно проронилъ Жоржъ, начиная раскладывать пасьянсъ. — „Цо то бэндзи, цо то бэндзи?“ — какъ все время повторяютъ въ польской пьесѣ „Дѣды“.

— Все обойдется хорошо, — бодро отозвался Павликъ, — увидите! Мое сердце чувствуетъ, что ничего дурнаго съ нами не случится. Передъ надвигающимся

несчастіемъ у меня совсѣмъ другое настроеніе. Сейчасъ же, увѣряю васъ, я предчувствую, что все образуется; право!

— А развѣ человѣкъ можетъ угадать то, что съ нимъ будетъ? — спросилъ Саша, усаживаясь около отца.

— Безусловно можетъ, — сталъ доказывать Павликъ, — я положительно предугадываю событія! До сихъ поръ предчувствіе меня никогда не обманывало.

— А вотъ у меня, — меланхолично замѣтилъ Вѣринъ, медленными шагами прохаживаясь по гостиной, — такого дара предвидѣнія совершенно нѣтъ. Мои предчувствія постоянно меня обманывали. Замѣчалъ я это неоднократно.

— Въ шахматы хочешь? — предложилъ Павликъ Ивану Петровичу.

Кузены сѣли за шахматы, Штернъ и Саша въ сторонѣ стали тихо о чемъ-то бесѣдовать, Сусанна взялась за свое вязанье, а Вѣрочка принялась за чтеніе.

Вдругъ неожиданно въ комнату вошли молодые Штейнбоки.

— Какими судьбами! — воскликнулъ Жоржъ, бросая карты, — ваши всѣ часа два тому назадъ уѣхали отсюда. Развѣ вы ничего не знаете? Вѣдь началось общее бѣгство!

Оказалось, что Штейнбоки извѣстіе о томъ, что мѣстные помѣщики покидаютъ край, получили съ большимъ запозданіемъ. Рабочій, посланный съ письмомъ, задержался по дорогѣ у кума, угощавшаго его новымъ пивомъ.

— А вы попытайтесь догнать караванъ, — посовѣтовалъ Павликъ.

— Не догонимъ, — уныло отвѣтилъ Штейнбокъ, — они, вѣроятно уже проѣхали верстъ десять... Къ тому же, вы вотъ остаетесь, не уѣзжаете! Возможно, что благо-разумнѣе и намъ отсюда никуда не трогаться. Отъ судьбы не уйдешь! И Брэдэ, вы говорите, остаются. Останемся и мы!

— Моего мужа, — отозвалась баронесса, — народъ вѣдь очень любить. Никогда у насъ ни съ кѣмъ никакихъ крупныхъ недоразумѣній не было. Едва ли насъ стануть обижать!

— Итакъ, — весело замѣтилъ Павликъ, — наша компанія увеличилась. Будемъ уповать на то, что все пройдетъ благополучно.

Баронъ Штейнбокъ весь вечеръ почти не говорилъ, яростно курилъ папирску за папирской къ большому ужасу Людгаровъ, которые не переносили табачнаго дыма, и сосредоточенно о чемъ-то думалъ.

Жена же его болтала безъ умолку, прерывая свою болтовню взрывами хохота, а когда дѣти пошли спать, начала просить Павлика сыграть что-нибудь.

Павликъ неохотно сѣлъ за рояль, но, сыгравъ одинъ изъ прелюдовъ Шопена, воодушевился и къ громадному удовольствію Ивана Петровича, который, хотя самъ не игралъ, но страстно любилъ музыку, цѣлый часъ безъ перерыва игралъ Шопена, Шумана и Моцарта.

Когда онъ кончилъ и закрылъ крышку рояля, хозяинъ спросилъ баронессу, не споетъ ли она что-нибудь?

Баронесса немедленно опять усадила Павлика за рояль, взяла съ этажерки тетрадь съ романсами, и черезъ мгновеніе залъ огласился рядомъ бархатныхъ нотъ.

— Хорошо! — подумалъ Вѣринъ, который впервые слушалъ пѣніе Шгейнбокъ. — Какой пріятный голосъ!

— *Si tu m'aimais!* — сладко прозвучалъ голосъ пѣвицы, которой Павликъ тонко и художественно аккомпанировалъ.

Баронесса такъ вошла во вкусъ, что почти цѣлый часъ услаждала слухъ присутствующихъ своимъ пѣніемъ.

Поздно вечеромъ, ворочаясь на постели и вспоминая подробности минувшаго дня, Иванъ Петровичъ думалъ:

— Эга баронесса Шгейнбокъ премилая во всѣхъ отношеніяхъ дама; никогда не подозрѣвала, что она такъ музыкальна и у нея такой великолѣпный тембръ голоса... Любопытно, останемся ли мы всѣ живы или же насъ разстрѣляютъ?..

XV.

На слѣдующій день Штейнбоки вернулись къ себѣ въ имѣніе, а черезъ три дня до Людгофа дошелъ слухъ, что барона арестовали, увезли въ городъ и посадили въ тюрьму. Брэдэ, Людгары и Вѣринъ были подвергнуты, какъ имъ объявили, „домашнему аресту“.

Въ краѣ начался хаосъ. Помѣщики были отстранены отъ управленія своими имѣніями. Ихъ замѣнили мѣстные выборные комитеты. По слухамъ, большевики ни въ Ригѣ, ни въ Либавѣ появиться не успѣли, но на мѣстахъ всю власть очень быстро захватили крайніе лѣвые элементы, ко-

торые начали дѣйствовать по коммунистическимъ принципамъ.

Въ Людгофѣ также организовался свой мѣстный комитетъ подъ предсѣдательствомъ садовника Раутеншильда. Этотъ комитетъ официально управлялъ имѣніемъ, хотя предсѣдатель его постоянно приходилъ къ Жоржу за указаниями и поступалъ обыкновенно такъ, какъ ему совѣтовалъ помѣщикъ.

Какъ-то разъ вечеромъ Людгары и Вѣринъ сидѣли въ кабинетѣ хозяина и тихо бесѣдовали.

— Дѣло наше, кажется, очень плохо, — сообщилъ Жоржъ, — только-что я имѣлъ длинный разговоръ съ Шульцемъ...

— Это тотъ датчанинъ, который состоитъ при коровахъ, „футермейстеръ“? — спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Онъ самый, — сухо продолжалъ Людгаръ, недовольный тѣмъ, что его перебили, — такъ вотъ Шульцъ увѣрялъ меня, что въ самомъ ближайшемъ времени у насъ водворится настоящій большевицкій режимъ. Пока насъ не трогаютъ только потому, что не вполне увѣрены въ прочности настоящаго порядка вещей.

Кто-то постучалъ въ двери.

— Войдите! — крикнулъ хозяинъ.

Въ кабинетъ вошелъ Раутеншильдъ. Это былъ человекъ лѣтъ за пятьдесятъ. Маленькіе глаза его подъ сѣдѣющими бровями глядѣли доброжелательно и даже ласково. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрую пару и производилъ впечатлѣніе не то волостного писаря, не то сельскаго учителя.

— Здравствуйте, Раутеншильдъ, — обратился Жоржъ на нѣмецкомъ языкѣ къ садовнику, — присядьте.

Вошедшій осторожно опустился на кожаный диванчикъ, который стоялъ у стола; Павликъ же быстро выпроводилъ изъ комнаты генерала, поясняя ему на французскомъ языкѣ:

— Видишь ли, дорогой, мы вдвоемъ поговоримъ съ нимъ болѣе откровенно; въ твоёмъ присутствіи онъ будетъ стѣсняться.

Слова кузена очень обидѣли Ивана Петровича, но ему пришлось безропотно подчиниться требованію Павлика.

— Печальная новость, — со вздохомъ проговорилъ Раутеншильдъ, когда Вѣринъ вышелъ изъ кабинета, — барона Брэдэ сегодня арестовали и увезли въ Дальсенъ.

— Неужели! — воскликнули Людгары, — по какому поводу?

— Ихъ арестовали безъ всякаго повода, — пожалвъ плечами, отозвался Раутеншильдъ, при чемъ лицо его приняло глубоко скорбное выраженіе, — пріѣхали изъ города какіе-то люди и всѣхъ увезли.

— И баронессу, и дѣтей? — заволновался старшій Людгаръ.

— И баронессу, и дѣтей, — подавленнымъ голосомъ повторилъ садовникъ, — всѣхъ забрали. Видите-ли, барона Брэда народъ очень недолюбливаетъ. Говорятъ, что въ 1905 году баронъ выдалъ многихъ революціонеровъ властямъ. Одинъ же изъ братьевъ барона командовалъ даже карательнымъ отрядомъ, который разстрѣлялъ въ Митавѣ нѣсколько человѣкъ.

— Все же это вздоръ, — горячо началъ возражать Жоржъ, — я отлично знаю эту исторію: никогда никого баронъ Брэда полиціи не выдавалъ, — это клевета, — а карательнымъ отрядомъ въ Митавѣ командовалъ не его братъ, а дальній родственникъ.

— Возможно, что и такъ, — смиренно согласился Раутеншильдъ, — я вамъ повторяю только то, о чемъ всѣ говорятъ, а въ точности и самъ не знаю, справедливы ли всѣ эти слухи.

— Что же съ ними будетъ? — со вздохомъ спросилъ Жоржъ.

— Будутъ судить. Въ Дальсенѣ началъ дѣйствовать революціонный трибуналъ. Всѣ арестованные помѣщики будутъ преданы этому трибуналу.

— Скажите, Раутеншильдъ, — вставилъ свое слово Павликъ, — а какъ съ нами будетъ? Оставляютъ насъ въ покоѣ?

На лицѣ садовника промелькнуло нѣчто въ родѣ улыбки, глаза его безпокойно забѣгали, и онъ вкрадчиво отвѣтилъ:

— Я всячески буду стараться, чтобы въ Людгофѣ все прошло благополучно и никто не покушался на вашу безопасность. Я защищаль васъ и впредь буду защищать до послѣдней возможности.

— Вѣдь вы, — продолжалъ Павликъ, — умный человѣкъ и понимаете, что счастье переменчиво: сегодня одержали верхъ одни, а завтра другіе. Помогите намъ теперь, а мы вамъ поможемъ тогда, когда обстановка вдругъ измѣнится въ нашу пользу. Я знаю, что латыши честный и благородной народъ, и вполне увѣренъ, что они намъ зла

не сдѣлають. До сихъ поръ, Раутеншильдъ, вы защищали насъ, и, вѣрьте, объ этомъ вы никогда не пожалѣете.

Во время тирады Павлика, которую онъ произнесъ безъ передышки съ необыкновеннымъ жаромъ, на лицѣ садовника заиграла тонкая улыбка, и, когда молодой Людгаръ кончилъ, Раутеншильдъ мягко проговорилъ:

— Будьте спокойны, господинъ графъ, я все отлично понимаю. Собственно говоря, вы вѣдь не здѣшніе, и латыши противъ васъ рѣшительно ничего имѣть не могутъ. Народъ возбужденъ только противъ коренныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Я надѣюсь, что мнѣ удастся такъ устроить, что вы спокойно доживете до лучшихъ дней.

При успокоительныхъ словахъ садовника Павликъ всталъ и протянулъ ему руку, которую тотъ почтительно и съ чувствомъ пожалъ.

— Дипломатъ, — задумчиво проговорилъ Жоржъ, когда Раутеншильдъ вышелъ изъ кабинета, — возможно, что онъ, дѣйствительно, будетъ насъ защищать, чтобы застраховаться отъ всякихъ случайностей.

— А я думаю, — горячо началъ доказывать Павликъ, — что Раутеншильдъ и умный, и очень порядочный человѣкъ. Онъ насъ отстоитъ! Увидишь!

Вдругъ съ трескомъ и шумомъ въ комнату ворвалась Сусанна. Вся ея фигура трепетала отъ негодованія, глаза метали молніи, а когда она заговорила, голосъ у нея пресѣкался отъ волненія. Въ эту минуту швейцарка являлась олицетвореніемъ безпредѣльной ярости.

— Графъ Георгій, графъ Георгій, — мелкой дробью посыпались слова, сопровождаемая оживленной жестикуляціей, — я такъ не могу, это выше силъ моихъ, надо положить этому конецъ!.. Представьте себѣ только: ваша прекрасная экономка категорически отказалась сегодня выгладить платье Вѣрочки!.. Категорически!.. Я приказала ей передать прачкѣ платье и немедленно выгладить, а она мнѣ отвѣтила, что сегодня уже поздно, прачка отдыхаетъ, и это можно сдѣлать завтра утромъ. Какая необыкновенная наглость, какое ни съ чѣмъ несравнимое нахальство!..

Жоржъ при словахъ д'Эпервиль недовольно поморщился, а Павликъ, обрывая неудержимымъ потокомъ льющуюся рѣчь, строго замѣтилъ:

— Больше спокойствія, больше спокойствія, дитя мое! Не принимайте къ сердцу каждый пустякъ, каждую чепуху и не волнуйте понапрасну ни себя, ни насъ. Не такое те-

перь мы переживаемъ время, чтобы устраивать скандалы изъ-за такой ерунды.

Сусанна начала бурно возражать, но тутъ вмѣшался старшій Людгаръ:

— У меня начинается мигрень. Умоляю васъ оставить меня въ покоѣ. Я сейчасъ говорить съ вами отказываюсь.

Швейцарка съ недовольной физиономіей вышла изъ кабинета въ гостиную, гдѣ немедленно обрушилась на Вѣрочку, обратившуюся къ Ивану Петровичу съ просьбой нарисовать ей лошадку.

— Оставьте своего дядю въ покоѣ, — грозно прикрикнула она на дѣвочку, — вѣчно вы пристааете къ кому-нибудь, сами не умѣете занять себя...

— Я же съ удовольствіемъ рисую для Вѣрочки, — запротестовала генераль.

— Дѣти, спать пора! — не отвѣчая Ивану Петровичу, рѣзко скомандовала гувернантка. — Саша, Вѣра, слышали?! Ну, марш!..

— Вѣдьма, вѣдьма и вѣдьма! — мысленно выругался Вѣринъ, прощаясь съ дѣтьми.

XVI.

Уныло и сѣро тянулись дни въ Людгофѣ. Имѣніемъ распорядился особый комитетъ съ Раутеншильдомъ во главѣ. Вмѣсто уѣхавшаго Ватмана управляющимъ комитетъ назначилъ бывшаго приказчика Сонины, который часто тайно являлся къ Жоржу за указаніями и увѣрялъ его въ своей преданности и добрыхъ чувствахъ.

Весь живой и мертвый инвентарь Людгофа былъ переписанъ и объявленъ націонализированнымъ. Мука и прочіе продовольственные продукты выдавались обитателямъ замка въ строго-опредѣленномъ количествѣ. Слухи о политическомъ положеніи вещей передавались самые фантастическіе и противорѣчивые.

Въ зеленой гостиной, гдѣ по вечерамъ всѣ собирались, царило подавленное настроеніе. Даже дѣти притихли и утратили свою прежнюю жизнерадостность. Людгары, Вѣринъ и Штернъ часами ожесточенно сражались въ шахматы. Особенно увлекался шахматами Павликъ, предпо-

читая при этомъ имѣть своими партнерами брата или Штерна и избѣгая играть съ Вѣринимъ, который, по его мнѣнію, слишкомъ долго обдумывалъ каждый ходъ. Ивана Петровича это обстоятельство очень огорчало, такъ какъ за шахматами онъ забывалъ о неутѣшительныхъ злобахъ дня. Послѣднее время Павликъ въ отношеніи генерала сдѣлался особенно нетерпимымъ, придирался къ каждому его слову и часто сердился на него по совершенно ничтожнымъ поводамъ.

Въ одинъ печальный вечеръ, когда съ особеннымъ ожесточеніемъ на дворъ гудѣлъ вѣтеръ, изъ Эмилины неожиданно прибыла французенка Адольфина Журдэнъ. Она сообщила Людгарамъ, что послѣ ареста бароновъ Брэдэ весь домъ заняли рабочіе и какія-то незнакомыя личности, пріѣхавшія изъ города. Эти незнакомцы предложили французенкѣ покинуть имѣніе.

— У меня, — объяснила прибывшая, — нѣтъ денегъ, да и куда я поѣду! Я надѣюсь, что бароновъ Брэдэ скоро выпустятъ изъ тюрьмы; тогда я къ нимъ опять вернусь. Пока же, быть можетъ, вы пріютите меня у себя?

Жоржъ отвелъ французенкѣ маленькую уютную комнату, на дверяхъ которой красовался номеръ одиннадцатый, и, такимъ образомъ, число обитателей замка увеличилось еще однимъ человекомъ.

Мадемуазель Журдэнъ можно было дать лѣтъ пятьдесятъ. Ея сморщенное лицо, похожее на печеное яблоко, напоминало лицо злой феи, какъ его изображаютъ обыкновенно въ дѣтскихъ иллюстрированныхъ книгахъ. Густые ея плохо зачесанные волосы серебрились, выдающійся подбородокъ поднимался къ спускающемуся внизъ красноватому носу, бутылочнаго цвѣта маленькіе глазки были сплошь окружены гусиными лапками.

— Настоящая вѣдьма изъ сказки Андерсона, — пошутилъ Вѣринъ, когда онъ очутился съ братьями Людгарами наединѣ.

— Что ты, что ты! — заливаясь смѣхомъ, началъ возражать Павликъ, — ты не разглядѣлъ ее. У нея чудная фигура, дивные глаза и восхитительные волосы. Правда, ротикъ совсѣмъ обеззубился, но хорошій дантистъ этотъ недостатокъ устранилъ бы въ теченіе недѣли. А въ общемъ Адольфина — шикарная парижанка. Знаешь, Ваня, начни ухаживать за нею. Вотъ будетъ потѣха!

Иванъ Петровичъ улыбнулся и въ тонъ кузену отвѣтилъ:

— А я, Павликъ, думаю, что этимъ дѣломъ слѣдуетъ заняться не мнѣ, а тебѣ. Я старикъ, а ты молодой человекъ съ вулканическимъ темпераментомъ. Поухаживай, такъ какъ „на чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ“!

Черезъ нѣсколько дней послѣ переѣзда въ Людгофъ француженки въ замокъ пріѣхалъ Дорнъ. Онъ вообще отличался большой выдержкой, и обыкновенно лицо его оставалось непроницаемымъ. Но въ этотъ разъ Вѣринъ сразу замѣтилъ, что главный лѣсничій чѣмъ-то сильно взволнованъ.

Жоржъ и Павликъ увели Дорна въ кабинетъ, а Иванъ Петровичъ съ тяжелымъ чувствомъ, сознавая, что онъ въ домѣ лишній, ушелъ къ себѣ и взялся за книгу.

— Что новаго? — спросилъ Жоржъ, усаживая своего любимца противъ себя на диванчикъ, — я вижу, что васъ что-то вывело изъ колеи.

— Плохо, — грустно отвѣтилъ главный лѣсничій, — мнѣ сегодня сообщили изъ достовѣрнаго источника, что два дня тому назадъ разстрѣляли барона Брэдэ, барона Штейнбока, пастора Мюллера, барона Ливена, графа Остенъ-Сакена и рядъ другихъ помѣщиковъ.

— А баронессы Штейнбокъ и Брэдэ? — воскликнулъ Жоржъ, лицо котораго при извѣстии объ этихъ убійствахъ покрылось смертельной блѣдностью, — живы онѣ?..

— Да, да! — поспѣшилъ успокоить графа Дорнъ, — онѣ живы, но все еще сидятъ въ тюрьмѣ.

— Какой ужасъ, какой ужасъ! — заволновался Павликъ, — гдѣ ихъ разстрѣляли?

— Вблизи Туккума. Ихъ туда повезли и разыграли комедию суда. Говорятъ, что вынесли двадцать смертныхъ приговоровъ. Рассказываютъ, что всѣ „они“ умерли съ необычайнымъ достоинствомъ и мужествомъ, особенно баронъ Брэдэ, который утѣшалъ и успокаивалъ своихъ товарищей по несчастью. Передъ разстрѣломъ съ приговоренныхъ стащили сапоги, пальто, шубы. Ихъ заставили даже вырыть для себя могилы. Звѣри!.. Настоящій красный терроръ!

— Знаете, — тихо замѣтилъ Павликъ, — лучше никому въ замкѣ объ этомъ ужасномъ событіи не говорить, даже генералу, онъ такой нервный, не надо его волновать.

Вечеромъ во время ужина Иванъ Петровичъ, видя подавленные лица Людгаровъ и Дорна, тѣтно старался угадать причины этой подавленности.

О разстрѣлѣ Бредэ и другихъ онъ случайно узналъ только черезъ нѣсколько дней отъ Раутеншильда, съ которымъ вступилъ въ разговоръ во время своей обычной утренней прогулки по парку.

— Зачѣмъ Людгары отъ меня это скрыли, — съ горечью подумалъ Вѣринъ, — не понимаютъ они меня и не хотятъ понять.

XVII.

Въ первыхъ числахъ марта управляющій имѣніемъ Сонинъ сообщилъ Жоржу, что объявлена мобилизація всѣхъ бывшихъ русскихъ офицеровъ и военныхъ чиновниковъ, которымъ новая большевицкая власть предписала явиться военному начальству пятого марта.

Въ Людгофѣ всѣмъ было извѣстно, что Вѣринъ генераль, но обстоятельство это, конечно, не разглашалось.

Четвертаго марта Жоржъ послалъ въ городъ Шульца и Ванду. Шульцу было поручено зайти къ военному комиссару и спросить его отъ имени Людгаровъ и Вѣрина, какъ имъ быть: всѣ трое они состояли подъ домашнимъ арестомъ, а потому не знали, должны-ли они явиться на мобилизацію.

— Главное, выиграть время, — объяснилъ Жоржъ Вѣрину, — посмотримъ, что они намъ отвѣтятъ. Шульцъ заявитъ комиссару, что ты и я — военные чиновники, а Павликъ нигдѣ никогда не служилъ. Быть можетъ, они насъ оставятъ въ покоѣ. Официально вѣдь мы числимся подъ домашнимъ арестомъ и покидать имѣнія не имѣемъ права.

— А ты, Ваня, — добавилъ Павликъ, — помни, что ты не генераль, а бывший чиновникъ, служившій во время войны по санитарной части. Не проговорись! Въ замкѣ объ этомъ я всѣхъ предупрежу.

— Я увѣренъ, — мрачно замѣтилъ Иванъ Петровичъ, — что кто-нибудь донесетъ на меня или проговорится. Всѣ же здѣсь величаютъ меня генераломъ. Я васъ подведу.

— Другого выхода нѣтъ, — горячо возразилъ Павликъ, — если обнаружится, что ты бывший судейскій генераль, тебя, конечно, немедленно разстрѣляютъ. Надо отрицать твое генеральство самымъ категорическимъ образомъ. Если же

спросить, почему тебя здѣсь зовутъ генераломъ, то мы объяснимъ, что ты не военный, а штатскій генераль и зовутъ тебя такъ въ шутку.

Въ этотъ вечеръ Людгары и Вѣринъ легли спать съ очень тяжелымъ чувствомъ. Иванъ Петровичъ написалъ длиннѣйшія прощальныя письма женѣ и дочери. Письма эти онъ передалъ Штерну, прося его въ случаѣ чего позаботиться объ ихъ отправленіи.

— Я чувствую, — сказалъ онъ молодому человѣку, — что насъ заберутъ, а разъ заберутъ, то, вѣроятно, насъ постигнетъ участь бароновъ Брэдэ, Штейнбока и другихъ нашихъ арестованныхъ сосѣдей. Эти письма и деньги, когда явится возможность, перешлите въ Москву. Страшно обяжете!

Наступило пятое марта. Медленно и уныло тянулся день.

— Странно, — началъ беспокоиться Павликъ, — что Шульцъ и Ванда застряли въ городѣ. Уже четыре часа, а ихъ все нѣтъ.

— Весьма даже странно, — согласился Жоржъ, — мнѣ дѣлается страшно!

Послѣ пятичасового кофе всѣ перешли въ зеленую гостиную. Жоржъ и Вѣринъ начали партію въ шахматы, за которой внимательно съ глубокомысленнымъ лицомъ слѣдилъ Штернъ, а Павликъ, заложивъ руки за спину и опустивъ голову, мелкими шажками расхаживалъ по комнатѣ. Дѣти читали. Сусанна, какъ всегда, вязала, отъ времени до времени рѣзкимъ голосомъ дѣлая какое-нибудь ѣдкое замѣчаніе Вѣрочкѣ. На дворѣ ожесточенно лаяли собаки. Однотонно и упорно гудѣлъ вѣтеръ.

Вдругъ дверь изъ столовой безшумно открылась, и на порогѣ появилась панна Ванда. На головѣ ея красовалась затѣйливая огромная шляпа съ ярко-малиновыми вишнями, плечи польки облекала свѣтло-сиреневая накидка, въ рукѣ же она держала зонтикъ съ огромной костяной ручкой, изображающей амура. Лицо вошедшей покраснѣло отъ холода; глаза же ея безпокойно бѣгали.

— Ну, какъ, ну, что? — посыпались вопросы.

— Все отлично, — съ напускной веселостью отвѣтила экономка, скосивъ глаза въ сторону, — очень плохая дорога, грязь... Дождикъ идетъ, хотя маленькій. Хорошо я сдѣлала, что зонтикъ захватила.

— А гдѣ Шульцъ? — спросилъ Жоржъ.

— Шульдъ остался въ городѣ. — съ нѣкоторой запинкой отвѣтила Ванда, разглаживая складки своей накидки и потупивъ глаза, — его тамъ оставили, не пустили, онъ задержанъ, но вообще все благополучно, съ вами ничего особеннаго не случится, вы только съѣздите туда...

— Да говорите же, наконецъ, толкомъ, — вспыхнулъ Павликъ, — что вы тамъ мямлите? Кто задержалъ Шульца? Что ему сказали по поводу насъ? Неужели вы неспособны сообщить намъ ясно такую простую вещь? Вотъ ужъ поистинѣ...

Но фразы своей онъ не кончилъ. За спиной полки неожиданно выросли три фигуры въ сѣрыхъ шинеляхъ и съ винтовками въ рукахъ. Одна изъ фигуръ выдвинулась впередъ.

— Что вамъ нужно? — нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ обратился къ солдату Жоржъ, вставая во весь свой высокій ростъ.

Красноармеецъ оглянулся кругомъ и медленно, съ трудомъ выговаривая русскія слова, проговорилъ:

— Всѣхъ васъ троихъ приказано живыми или мертвыми доставить въ городъ въ сей же часъ. Такой приказъ. У меня и бумаги есть.

Швейцарка при словахъ солдата бросила свое вязанье и съ любопытствомъ прицѣлилась глазами въ латыша, протягивавшаго Жоржу какую-то бумагу съ мастичнымъ оттискомъ печати. Дѣти испуганно, какъ затравленные звѣрьки, смотрѣли то на отца, то на солдатъ, и на лицахъ ихъ можно было прочесть тревогу и недоумѣнiе. Вѣринъ и Штернъ, по примѣру Жоржа, тоже встали.

— Вы насъ развѣ сейчасъ должны увезти? — спросилъ Павликъ, — не отложить ли нашъ отъѣздъ до утра? Вѣдь теперь ночь скоро.

— Приказано сей же часъ, ждать нельзя, — твердо заявилъ солдатъ.

— Такъ дайте намъ собраться, — сказала Жоржъ, — вы пока на кухнѣ закусите, а мы пересодѣнемся.

— Хорошо, — нерѣшительно протянулъ латышъ, — вы собирайтесь, а мы подождемъ.

— Панна Ванда, — приказалъ хозяинъ, — накормите ихъ хорошенько, а мы тѣмъ временемъ приготовимся въ дорогу.

Полька съ солдатами ушла на кухню.

— Что-жъ, господа, — глухо проговорилъ Жоржъ, — надо собираться.

— Что захватить съ собой? — спросилъ Вѣринъ.

— Рѣшительно ничего, — горячо отвѣтилъ Павликъ, — ни одѣяль, ни подушекъ, ни бѣлья. Мы должны стать на ту точку зрѣнія, что арестъ нашъ явное недоразумѣніе, что мы не допускаемъ даже мысли, что насъ посадятъ въ тюрьму.

Жоржъ согласился съ мнѣніемъ брата, а Иванъ Петровичъ пассивно этому мнѣнію подчинился.

Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Вѣринъ вынулъ изъ письменнаго стола свои документы, дневникъ, деньги и письмо къ женѣ. Все это онъ передалъ Штерну со словами:

— Я совершенно увѣренъ въ томъ, что мы назадъ не вернемся. Эти бумаги и деньги, прошу васъ, если представится случай, перешлите моей женѣ. Вотъ и адресъ ея... Ну, прощайте и будьте счастливы.

Съ этими словами Иванъ Петровичъ обнялъ Штерна и затѣмъ спустился съ нимъ внизъ. Въ коридорѣ стояли братья Людгары и красноармейцы. Тутъ же собралась вся прислуга замка. Панна Ванда и горничныя горько плакали. Арестованные со всѣми попрощались и въ послѣдній разъ обняли дѣтей.

— Я вамъ ихъ поручаю, мадемуазель д'Эпервиль, — обратился Жоржъ къ швейцаркѣ, — балуйте ихъ побольше, любите...

— Будьте покойны, графъ Жоржъ, — оживленно и весело отвѣтила гувернантка, — все будетъ въ полномъ порядкѣ.

— Она точно радуется тому, что насъ забираютъ, — подумалъ генераль, — ее, видимо, тѣшитъ мысль, что на время вся власть въ домѣ сосредоточится въ ея рукахъ.

Дѣти не плакали, но видъ имѣли подавленный и растерянный.

— Саша, Вѣра, идите въ гостиную, а то простудитесь, — рѣзко скомандовала Сусанна.

И мальчикъ, и дѣвочка, бросивъ на отца робкій взглядъ, послушно вышли изъ коридора.

Людгары и Вѣринъ въ сопровожденіи солдатъ вышли на дворъ. Къ крыльцу была подана линейка. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стояла группа рабочихъ.

— Замѣчаете, — по-французски сказалъ Павликъ, — всѣ теперь насъ боятся, какъ зачумленныхъ.

— А Раутеншильдъ и Сонинъ, видимо, спрятались, — замѣтилъ Жоржъ, — они не хотятъ даже попроситься съ нами; боятся себя скомпрометировать.

— Вотъ корзиночка съ провизіей, ваше сіятельство, — обратилась экономка къ Жоржу, подавая ему небольшую корзиночку, — счастливаго пути! Возвращайтесь скорѣй!

Старшій изъ конвоировъ подсѣлъ къ арестованнымъ, а его товарищи на телѣгѣ поѣхали сзади.

Вечеръ выдался темный. Небо заволокло свинцовыми большими тучами. Моросилъ непрерывно очень мелкій дождикъ. Дорога была грязная и тяжелая. Лошади съ трудомъ продвигались впередъ мелкой рысцою, часто переходя въ шагъ. Павликъ попытался завязать разговоръ съ конвоиромъ и объяснить ему, что ихъ арестъ является сплошнымъ недоразумѣніемъ, но латышъ такъ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ, что разговориться съ нимъ оказалось невозможнымъ.

— Ты, Ваня, — началъ наставлять кузена Павликъ на французскомъ языкѣ, — изображай не вполне нормальнаго человѣка, тогда, быть можетъ, они меньше будутъ приставать къ тебѣ съ разными вопросами. Вѣдь свидѣтельство о своей болѣзни ты, надѣюсь, захватилъ? А мы оба подтвердимъ, что ты сумасшедшій. Этакъ будетъ лучше!

— Хорошо, — согласился Вѣринъ, — буду разыгрывать роль Поприщина. Свидѣтельство захватилъ.

— Увѣренъ, — продолжалъ Павликъ, — что насъ только опросятъ и немедленно же отпустятъ. У меня предчувствіе, что все кончится вполне благополучно!

— Будемъ надѣяться на Бога, — прошепталъ Жоржъ, — я страшно беспокоюсь за дѣтей. Что съ ними, бѣдными, будетъ?

Въ двухъ верстахъ отъ Людгофа около фольварка Майгофа старшій конвоиръ приказалъ остановиться. Онъ состоялъ въ мѣстной милиціи и на его обязанности лежало только арестовать Людгаровъ и Вѣрина и передать ихъ въ распоряженіе красноармейцевъ, присланныхъ изъ города.

Изъ Майгофской усадьбы высыпали на дорогу рабочіе. Никто изъ нихъ арестованнымъ не поклонился. По адресу графовъ и генерала изъ толпы послышались насмѣшки и замѣчанія на латышскомъ языкѣ.

— Насъ ругаютъ, — проворчалъ Павликъ, — неприятно очутиться въ лапахъ черни.

Оба солдата, которые вѣхали сюда, пересѣли къ арестованнымъ.

— Прощайте, — проговорилъ милиціонеръ, протягивая Людгарамъ и Вѣрину руку, — я тутъ останусь. Всего хорошаго!

Уныло и безотрадно продолжался дальнѣйшій путь. Когда линейка поравнялась съ имѣніемъ Брэдэ, Павликъ грустно замѣтилъ:

— Гдѣ-то теперь баронесса и дѣти? Еще недавно въ этомъ домѣ жизнь кипѣла, а сейчасъ онъ производитъ впечатлѣніе самое грустное. Только одно окно въ верхнемъ этажѣ и свѣтится. Тамъ, какъ я слышалъ, живетъ какой-то комиссаръ, который въ имѣніи всѣмъ распоряжается.

Наконецъ, показался городъ. На улицахъ было пусто. Фонари нигдѣ не горѣли. Въ рѣдкихъ домахъ свѣтились окна. Около большого деревяннаго дома линейка, по приказанію одного изъ солдатъ, остановилась. Въ этомъ домѣ помѣщался революціонный трибуналъ.

Людгаровъ и Вѣрина ввели въ просторную комнату, въ которой сидѣли и лежали солдаты. Ихъ было пятеро. Самый молодой изъ нихъ безъ сапогъ, съ голыми ногами, раскинулся на скамейкѣ и громко похрапывалъ.

— Какой ужасный запахъ, — прошепталъ Павликъ, усаживаясь на скамейку.

— Отвратительный, — согласился Жоржъ.

Иванъ Петровичъ только вздохнулъ.

Одинъ изъ солдатъ ушелъ въ сосѣднюю комнату. Черезъ нѣсколько минутъ дверь этой комнаты распахнулась, и на порогъ показалась фигура человѣка. Одѣта была фигура въ сѣрую новую солдатскую шинель, на ногахъ ея на босу ногу болтались туфли.

Вошедшему на видъ можно было дать лѣтъ тридцать. Это былъ блондинъ съ длинными слегка вьющимися усами. Онъ посмотрѣлъ на арестованныхъ тяжелымъ пристальнымъ взглядомъ и ушелъ обратно, заперевъ за собой дверь.

— Кто это? — обратился Павликъ къ одному изъ солдатъ.

— Это товарищъ Крэтоль, предсѣдатель трибунала, онъ и будетъ васъ судить, — послѣдовалъ отвѣтъ.

Арестованные невольно вздрогнули. Имя Крэтоля имъ было знакомо. По приказанію Крэтоля были убиты Брэдэ, Штейнбокъ и другіе. Всѣ повторяли въ одинъ го-

лось, что товарищъ Крѣтоль въ отношеніи представителей буржуазіи безпощаденъ и жестокъ. Какъ рассказывали, до своей теперешней дѣятельности предсѣдатель мѣстнаго революціоннаго трибунала занимался въ Москвѣ сапожнымъ мастерствомъ и въ Курляндіи появился только послѣ октябрьской революціи.

Черезъ нѣкоторое время солдатъ вызвалъ Жоржа. Сначала Жоржъ прошелъ черезъ большую комнату, вдоль стѣнъ которой стояли вѣнскіе стулья, а затѣмъ его ввели въ небольшой залъ. Посрединѣ зала стоялъ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, за которымъ сидѣли Крѣтоль и еще два человѣка въ военной формѣ.

— Садитесь, — проговорилъ на чистомъ русскомъ языкѣ Крѣтоль, указывая графу возлѣ себя стулъ.

Начался допросъ. Велъ его Крѣтоль. Ассистенты предсѣдателя трибунала держали себя все время совершенно пассивно.

Жоржъ объяснилъ, что во время войны онъ служилъ въ качествѣ военнаго чиновника, латышскаго языка не знаетъ и никакого участія въ подавленіи латышской революціи въ 1905 г. не принималъ. Всѣ отвѣты графа Крѣтоль самолично записывалъ на русскомъ языкѣ. Дѣлалъ онъ это очень медленно и, видимо, не безъ труда.

Людгаръ старался обстоятельно отвѣтить на всѣ предложенные ему вопросы и подчеркнуть то обстоятельство, что Вѣринъ пріѣхалъ изъ Москвы въ совершенно невмѣняемомъ состояніи, такъ какъ уже второй годъ страдаетъ разстройствомъ психики. Видимо, Крѣтоля больше всего интересовалъ вопросъ, насколько Людгары связаны съ мѣстнымъ нѣмецкимъ дворянствомъ, и знаютъ-ли они латышскій языкъ.

Затѣмъ, прочитавъ протоколъ допроса и давъ его Жоржу подписать, Крѣтоль приказалъ увести Людгара и привести его брата.

Допросъ Павлика носилъ такой же характеръ, какъ и допросъ Жоржа.

Когда же въ комнатѣ очутился Вѣринъ, Крѣтоль посмотрѣлъ на него съ особеннымъ вниманіемъ и ясно выраженнымъ любопытствомъ.

— Онъ увѣренъ, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ, — пронеслось въ головѣ Ивана Петровича, — не буду его разочаровывать.

— Зачѣмъ вы изъ Москвы пріѣхали сюда? — мягко спросилъ его Крѣтоль.

Вѣринъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника глазами, въ которыхъ онъ попытался выразить безуміе, и съ запинками, какъ бы съ трудомъ нанизывая слова, отвѣтилъ:

— Я въ Москвѣ очень болѣлъ, нервами болѣлъ. У меня имѣется и свидѣтельство о болѣзни профессора Россаимо. Вотъ оно. Я его съ собой захватилъ вмѣстѣ съ паспортомъ... Извольте... Потрудитесь взглянуть!..

Крѣтоль взялъ протянутые ему документы и принялся долго и внимательно знакомиться съ ними. Дойдя до того мѣста свидѣтельства о болѣзни, гдѣ было прописано, что Вѣринъ страдаетъ „циркуляціоннымъ психозомъ“, председатель ревтрибунала остановился, испытующе взглянулъ на генерала и сказалъ что-то на латышскомъ языкѣ своимъ товарищамъ, которые одобрительно закивали головами.

Послѣ допроса Ивана Петровича удалили въ сосѣднюю комнату, гдѣ уныло сидѣли братья Людгары. Медленно потянулось время.

— Навѣрное насъ сейчасъ отпустятъ, — прошепталъ Павликъ.

— Будемъ надѣяться, — отозвался Жоржъ.

А Вѣринъ въ это время подумалъ:

— Никогда насъ они не отпустятъ. Только бы долго не мучили, кончили бы разомъ...

— Идите всѣ сюда, — раздался голосъ Крѣтоля, появившагося вдругъ на порогѣ дверей.

Въ комнатѣ, куда вошли арестованные, стояли солдаты съ винтовками.

— Есть у васъ при себѣ оружіе? — спросилъ одинъ изъ членовъ трибунала.

Иванъ Петровичъ отдалъ свой перочинный ножикъ, который Крѣтоль положилъ въ столъ, выдавъ генералу квитанцію.

— Что вы хотите съ нами сдѣлать? Почему не отпускаете? — съ волненіемъ спросилъ Павликъ.

— Я пошлю завтра въ Людгофъ слѣдователя, который на мѣстѣ провѣритъ справедливость вашихъ показаній. Ночь эту вамъ придется провести въ тюрьмѣ. А тамъ посмотримъ!

— Увѣряю васъ, — началъ горячо доказывать Павликъ, — что въ вашей латышской гражданской войнѣ мы рѣшительно никакого участія не принимали и стоимъ совершенно въ сторонѣ. Мы самые мирные граждане. Вѣдь и вы люди, вѣдь и вы безъ смысла и цѣли никого мучить не будете. Когда во время революціи мы жили въ Ялтѣ,

я даже спасъ жизнь одному большевицкому комиссару. Толпа хотѣла его растерзать, а я спасъ.

— Какъ такъ? — прервалъ Крѣтоль Павлика.

— А такъ. Въ Ялту пришли нѣмцы, которые хватали всѣхъ большевиковъ и сажали ихъ въ тюрьму. Иду я разъ по набережной и вижу, что толпа собирается расправиться съ однимъ бывшимъ большевицкимъ комиссаромъ. А я этого комиссара хорошо зналъ. Онъ дѣлалъ у насъ обыскъ и велъ себя во время обыска вполне корректно... Ну, я и вступился за него. Въ Ялтѣ меня всѣ знали, а потому мнѣ удалось отстоять несчастнаго комиссара, котораго я посовѣтовалъ передать нѣмецкому патрулю. А потомъ, по моему же настоянію и подъ мое поручительство, нѣмецкія власти выпустили его на свободу. Въ сущности, это былъ хорошій человекъ... Видите, я же вашихъ защищалъ, а теперь вы должны помочь намъ. Отпустите насъ, право, отпустите.

— Нѣтъ, — довольно учтиво возразилъ Крѣтоль, — сейчасъ я васъ отпустить не могу, ну, а завтра виднѣе будетъ. Ночь вы проведете хотя и въ тюрьмѣ, но въ отдѣльной комнатѣ. Объ этомъ я дамъ распоряженіе.

Было уже около двѣнадцати часовъ ночи, когда трое конвойныхъ повели Людгаровъ и Вѣрина въ тюрьму. Она находилась на краю города. Пришлось пройти по цѣлому ряду пустынныхъ улицъ, на которыхъ царила мертвая тишина.

Съ тяжелымъ чувствомъ шли арестованные, каждый погруженный въ свои мысли. Даже словоохотливый Павликъ — и тотъ молчалъ.

Наконецъ, обрисовалось длинное зданіе, обнесенное заборомъ. Конвоиры начали стучать въ калитку. Минуть черезъ пять она открылась, и одноглазый парень, гремя ключами, принялъ отъ солдатъ арестованныхъ и ввелъ ихъ въ кухню, стѣны которой были сплошь покрыты тараканами.

— Вамъ приказано отвести отдѣльную комнату, — обратился циклопъ къ своимъ гостямъ, — но комнату надо очистить, вамъ придется здѣсь посидѣть.

Съ этими словами тюремщикъ открылъ огромный висячій замокъ, которымъ была заперта дверь, ведущая въ сосѣднюю съ кухней комнату, и прошелъ туда.

Вернулся онъ минутъ черезъ двадцать и пригласилъ Людгаровъ и Вѣрина слѣдовать за собою. Имъ пришлось пройти черезъ двѣ среднихъ размѣровъ комнаты. Въ этихъ

комнатахъ на нарахъ и прямо на полу лежали женщины: самаго разнообразнаго возраста: и древнія сѣдыя старухи, и пожилыя матроны, и молоденькія дѣвушки съ тонкими чертами лица.

Многія изъ нихъ, приподнявшись на своихъ ложахъ, испуганными глазами смотрѣли на проходившихъ мимо нихъ мужчинъ. Съ потолка спускались электрическія лампочки, бросавшія кругомъ рѣзкій, непріятный свѣтъ. Воздухъ въ обѣихъ комнатахъ отличался тяжелымъ удушливымъ запахомъ.

Одноглазый парень открылъ дверь въ отдѣльную маленькую комнатку и добродушно сказалъ:

— Вотъ ваше помѣщеніе. Это женское отдѣленіе тюрьмы. Мужская половина на другой сторонѣ зданія. Эта же комната для тѣхъ, кого надо помѣстить отдѣльно. Спокойной ночи! Завтра я приду къ вамъ въ восемь часовъ.

Тюремщикъ вышелъ и заперъ за собой дверь на ключъ.

— Вотъ мы и за рѣшеткой, — пошутилъ Павликъ, оглядывая ярко освѣщенную электрической лампочкой комнату, — шесть шаговъ въ длину и пять въ ширину. Ну, да завтра насъ, увѣренъ, отпустятъ.

Въ комнатѣ стояла одна короткая дѣтская кровать съ однѣми поперечными перекладинами; доски отсутствовали. Около печки, находящейся въ глубинѣ комнаты, на козлахъ красовалось нѣчто въ родѣ наръ. На нихъ могъ умѣститься лишь одинъ человекъ. Около наръ стоялъ солидныхъ размѣровъ сундукъ. Стулъ и небольшая скамейка дополняли обстановку. Между двойными окнами виднѣлась желѣзная рѣшетка; стекла наружной рамы были замазаны бѣлой краской. По стѣнамъ висѣли остатки грязныхъ обоевъ, покрытыхъ цѣлой арміей копошащихся клоповъ.

— Смотрите, клопы, вездѣ клопы! — съ ужасомъ воскликнулъ Павликъ, — примемся за ихъ уничтоженіе.

Съ этими словами онъ поднялъ валявшуюся на землѣ дощечку и усердно принялся ею давить отвратительныхъ паразитовъ.

— Даже по потолку ползаютъ эти подлая животныя, — замѣтилъ Жоржъ.

Больше часа продолжалась охота на клоповъ.

— Все же время скорѣй пролетить, — отозвался Павликъ, когда Вѣринъ уныло сказалъ, что борьба съ клопами въ такихъ условіяхъ — вещь безнадежная.

Наконецъ, узники такъ устали, что рѣшили полежать.

— Я, господа, лягу прямо на полъ, — рѣшительно заявилъ Иванъ Петровичъ.

Павликъ примостился съ большимъ трудомъ на дѣтской кровати, а Жоржъ занялъ нары.

Вѣринъ подложилъ подъ голову толстый шерстяной шарфъ и рукавицы, поднялъ мерлушковый воротникъ своего пальто и попытался забыться.

Медленно тянулись часы. Отъ времени до времени генераль вставалъ и ходилъ по комнатѣ. Жоржъ все время ворочался съ боку на бокъ на своемъ твердомъ ложѣ и спалъ лишь урывками. Павликъ лежалъ неподвижно, но большую часть ночи онъ также не спалъ.

Безнадежнѣе всѣхъ смотрѣлъ на будущее Вѣринъ. Онъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что всѣхъ ихъ разстрѣляютъ.

— Чего ради, — думалъ онъ, закрывъ глаза, — они будутъ насъ щадить? Чѣмъ мы лучше тѣхъ, которыхъ они уже отправили на тотъ свѣтъ? Завтра же, когда слѣдователь явится въ Людгофъ, обнаружится, что я генераль, и, значитъ, этому Крѣтолю мы все наврали. Кто-нибудь обязательно проговорится. Да и бумаги мои могутъ найти у Штерна. Нѣтъ, спасенія нѣтъ!.. Только бы долго не томили, а сразу... Собственно говоря, смерти мнѣ бояться нечего. Жизнь моя вѣдь кончена, все позади! Въ моемъ положеніи смерть, право-же, благо... Что-то сейчасъ дѣлаютъ Марихенъ и Наточка? Возможно, что онѣ давно уже умерли...

Всю ночь Вѣринъ то ходилъ по комнатѣ, то, лежа на полу, безпокойно ворочался и напряженно думалъ о предстоящемъ близкомъ концѣ. Онъ всячески старался убѣдить себя въ томъ, что смерть явится для него желанной избавительницей отъ физическихъ и душевныхъ страданій, что бояться ея нѣтъ никакого смысла.

Не менѣе тревожно провели ночь Людгары.

XVIII.

Черезъ замазанное бѣлой краской окно свѣтъ пробивался все сильнѣе и сильнѣе. Электрическая лампочка потухла. Наконецъ, совсѣмъ разсвѣло. Около восьми часовъ утра дверь камеры открылась, и на порогъ ея появился одноглазый парень.

— Доброе утро,— обратился онъ къ заключеннымъ,— какъ вы провели ночь?

— Доброе утро, спасибо, отлично, — какъ-то машинально за всѣхъ отвѣтилъ Павликъ. — А вы какой губернии? Мы, быть можетъ, земляки? Вѣдь у васъ замѣтный польскій выговоръ.

— Такъ оно и есть, что я полякъ. Я изъ Витебска, но жилъ и въ Варшавѣ.

— Скажите, значить, мы земляки, — оживленно продолжалъ Павликъ, переходя на польскій языкъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. — Какъ пріятно встрѣтиться съ землякомъ! Примите отъ насъ для перваго знакомства маленькій подарочекъ.

Съ этими словами графъ быстро всунулъ въ руку оторопѣвшаго тюремщика нѣсколько кредитокъ, а самъ въ то время подумалъ:

— Какъ хорошо, что у насъ не отняли денегъ. А не смажешь, не поѣдешь.

Полякъ улыбнулся, спряталъ деньги въ карманъ и дружелюбно замѣтилъ:

— Я теперь уйду, а двери оставлю открытыми, но прошу васъ бесѣдовать съ женщинами осторожно; разговоры съ ними строго запрещаются. Сюда постоянно приходятъ разные контролеры. Не подведите меня. А за подарокъ спасибо!

Циклопъ ушелъ.

Въ комнату вошла непривлекательнаго вида среднихъ лѣтъ женщина съ безпокойно бѣгающими маленькими глазками.

— Хотите воды? — спросила она. — Я тутъ тоже сижу и услуживаю господамъ. А сундукъ этотъ мой. Могу вамъ и полотенце свое одолжить.

— Спасибо, — отвѣтилъ Павликъ, — давайте и воду, и полотенце; вотъ вамъ подарочекъ! А за что вы сидите?

— Какъ за что? — разводя руками, воскликнула женщина. — Теперь вѣдь всѣ порядочные люди сидятъ. Сижу за то, за что и вы сидите, господа мои.

Вѣринъ направился въ уборную. Ему пришлось пройти черезъ комнаты, наполненные женщинами, и кухню. Середину первой комнаты занималъ длинный столъ, а по стѣнамъ стояли деревянныя кровати и нары. Обитательницы комнаты, когда генераль проходилъ мимо нихъ, устремили на него сочувственные взоры. Всѣ онѣ имѣли интеллигентныя лица. Были тутъ и старухи, и пожилыя дамы, и юныя дѣвушки.

Во второй комнатѣ народу было меньше, и тамъ, судя по облику, сидѣли латышки простого званія.

Въ кухнѣ нѣсколько блѣдныхъ симпатичныхъ барышень чистили картофель и возились около плиты. У Ивана Петровича сжалось сердце, и онъ подумалъ:

— Все это цвѣтъ курляндскаго дворянства. У большинства этихъ дамъ, вѣроятно, отцы, мужья и братья разстрѣляны. Ужасъ и ужасъ!

Въ сѣняхъ помѣщались двѣ уборныя. Содержались онѣ опрятно. Видимо, о ихъ чистотѣ заботились интеллигентныя арестованныя.

Когда Вѣринъ вернулся къ Людгарамъ, тѣ успѣли уже переговорить съ нѣкоторыми узниками. Оказалось, что въ первой комнатѣ помѣщались жены и дочери разстрѣлянныхъ окрестныхъ помѣщиковъ, а въ меньшей комнатѣ сидѣли уголовныя.

— Вообрази себѣ, — объяснилъ Ивану Петровичу Павликъ, — что та женщина, которая приносила намъ воду, сидитъ здѣсь за отравленіе своего мужа. Она успѣла уже рассказать о насъ невѣроятныя вещи: будто сидимъ мы за спекуляцію и распространеніе фальшивыхъ денегъ. Дамы, между которыми много нашихъ знакомыхъ, думаютъ, что въ тюрьмѣ она шпионитъ, а потому съ нею надо быть очень осторожнымъ.

Часовъ около десяти по комнатамъ стали разносить горячую воду, окрашенную въ черный цвѣтъ, называвшуюся кофеемъ. Всѣмъ роздали по ломтю чернаго хлѣба.

— А гдѣ баронесса Брэдэ? — спросилъ генераль, — ея здѣсь не видно.

— Ее, — отвѣтилъ Жоржъ, — по словамъ княгини Ливенъ, отправили съ нѣсколькими другими дамами въ Туккумъ. Я очень боюсь, что ее разстрѣляютъ. Этотъ Крэтоль, какъ рассказываютъ, страшно жестокъ и всѣмъ здѣсь руководитъ.

Каждый день отсюда уводят нѣсколько человѣкъ на разстрѣль. На-дняхъ Крѣтоль самолично отнялъ у всѣхъ заключенныхъ ихъ собственные матрацы, а съ мужчинъ приказалъ снять обувь и передать ее солдатамъ. Онъ часто бываетъ пьянъ и тогда звѣрствуетъ еще больше. Садистъ какой-то! Вчера увели изъ этой самой комнаты пастора и фабриканта-нѣмца и разстрѣляли.

— А я продолжаю утверждать,—заговорилъ Павликъ,— что Крѣтоль насъ сегодня же выпустить. У меня такое предчувствіе. Увидите!

Временами Людгары выходили въ сосѣдную комнату и бесѣдовали съ дамами. Вѣринъ черезъ открытую дверь наблюдалъ за ними, но самъ въ бесѣду не вступалъ. Онъ впалъ въ состояніе какой-то апатіи. Ему не хотѣлось ни пить, ни ѣсть, ни говорить, ни двигаться. Онъ жаждалъ одного: чтобы все скорѣй кончилось. На спасеніе, на чудо онъ потерялъ всякую надежду.

Въ сосѣдней же комнатѣ полная пожилая дама съ краснымъ привѣтливимъ лицомъ сидѣла у стола и методично раскладывала пасьянсъ потрепанными картами. Около нея примостилась хорошенькая дѣвушка, почти еще дѣвочка, съ вздернутымъ носикомъ и родинкой на правой щекѣ. Она съ интересомъ слѣдила за картами, и красивые голубые глаза ея не отрывались отъ рукъ пожилой дамы. Въ одномъ изъ угловъ на кровати сидѣли среднихъ лѣтъ женщина и барышня лѣтъ шестнадцати. Женщина тщательно вычесывала изъ пышныхъ золотистыхъ волосъ барышни насѣкомыхъ, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ всякаго неблагоустроеннаго мѣста заключенія. На сосѣдней кровати старушка съ тонкими и аристократическими чертами лица чинила свое платье. Отъ времени до времени она бросала взглядъ полный нѣжности по направленію молодой дѣвушки со строгимъ и печальнымъ лицомъ, сидящей въ глубокой задумчивости на табуреткѣ.

Когда Людгары вернулись въ свою камеру, у Вѣрина явилась непреодолимая потребность подѣлиться съ ними своими мыслями.

— Знаете, — началъ онъ, — я думаю, что тѣ физическія и душевныя муки, которыя мы здѣсь переживаемъ, имѣютъ и свою хорошую сторону. Если мы пробудемъ въ этой грязи, съ этими мириадами клоповъ и вшей нѣсколько дней, то мы сами пожелаемъ поскорѣй умереть. Смерть мы встрѣтимъ какъ избавленіе отъ кошмарной обстановки. Право, гораздо хуже и страшнѣе гнить въ тюрьмѣ многіе

мѣсяцы, нежели сразу покончить всѣ счеты съ жизнью. Да и вездѣ сейчасъ жизнь сложилась такъ ужасно, что дорожить ею положительно не стоитъ...

— А я умирать не хочу, — тоскливо отозвался Жоржъ, — и очень своей жизнью дорожу. Ради дѣтей! Что съ ними будетъ, если меня не станетъ. Нѣтъ, съ мыслью о смерти я никакъ помириться не могу.

— Увидите, что насъ освободятъ, сегодня же или завтра освободятъ, — замѣтилъ Павликъ, хотя сказалъ онъ это далеко не съ такой убѣжденностью, какъ раньше.

Медленно и уныло тянулись часы. Наступило обѣденное время. Двери камеры Людгаровъ и Вѣрина открылись, и высокая симпатичная барышня съ выразительными васильковыми глазами и привѣтливой улыбкой подала заключеннымъ три миски съ супомъ.

— Пожалуйста, — сказала она по-нѣмецки, — это вашъ обѣдъ. Мы здѣсь сами общими силами готовимъ его. Страшно только мало намъ отпускаютъ провизіи, и поэтому едва ли наша похлебка вамъ понравится.

— Очень, очень вамъ признательны, — началъ благодарить Павликъ, — позвольте и намъ предложить вамъ немного бѣлаго хлѣба и ветчины. У насъ имѣется маленькій запасъ провизіи.

— Знаете, — мило краснѣя, смущенно возразила барышня, — вы лучше сохраните свою провизію для себя. Пища здѣсь вѣдь ужасная!

Но Павликъ заставилъ дѣвушку взять кусокъ бѣлаго хлѣба и нѣсколько ломтиковъ ветчины.

Супъ состоялъ изъ горячей воды, картофеля, муки и соли. Проглотивъ нѣсколько ложекъ этой жидкости, арестованные вынесли остатки своего обѣда въ сосѣднюю комнату. Тамъ, какъ коршуны, на нихъ набросились „отравительница“ и другая особа такого же типа. Онѣ съ молниеносной быстротой перелили супъ Людгаровъ и генерала въ свои миски и жадно принялись за ѣду, видимо, очень довольныя тѣмъ, что въ этотъ день имъ удалось получить двойныя порціи.

Черезъ замазанное окно камеры пробился солнечный лучъ. Этотъ лучъ заключенные радостно привѣтствовали, особенно Павликъ.

— Я чувствую, — бодро заявилъ онъ, — что этотъ проникнувшій къ намъ лучъ солнца успокоительно дѣйствуетъ на мои нервы и какъ бы обѣщаетъ намъ скорое освобожденіе. Въ нашей тюрьмѣ стало свѣтлѣе, и у меня

на душѣ просвѣтлѣло. Великая вещь солнце! Да здравствуетъ благодѣтельное солнце!

— Ты, выходить, солнцепоклонникъ, а не добрый сынъ христіанской церкви, — пошутилъ Жоржъ.

— Противъ большевизма, — серьезно замѣтилъ Павликъ, — лучшее лѣкарство — религія вообще, а католическая въ частности. Тамъ, гдѣ существуютъ ксендзы, большевизмъ никогда не разовьется. Будь Россія не православной, а католической, дѣло тамъ до коммунистическаго правительства никогда не дошло бы.

Вѣринъ съ этимъ не былъ согласенъ, но спорить ему не хотѣлось, а потому онъ промолчалъ.

Черезъ открытую форточку можно было видѣть кусочки улицы и стоящій напротивъ тюрьмы домъ. Въ домѣ, видимо, помѣщалось нѣчто въ родѣ закуской. Оттуда выходили и туда входили разные люди, въ томъ числѣ много красноармейцевъ. Возможность видѣть улицу и свободно гуляющихъ на ней людей доставляла заключеннымъ большое развлеченіе, а потому они держали форточку все время открытой.

Въ камеру неоднократно заглядывалъ тюремщикъ-циклопъ, но ничего новаго Людгарамъ и Вѣрину онъ сообщить не могъ.

Около трехъ часовъ дня въ тюрьмѣ появился какой-то мрачнаго вида штатскій съ портфелемъ въ рукѣ. У Людгаровъ и Вѣрина тревожно забились сердца, такъ какъ они подумали, что ихъ пришли освободить. Но оказалось, что вошедшій — писецъ революціоннаго трибунала, которому пришла мысль поглазѣть на „людгофскихъ бароновъ“.

Безпокойство арестованныхъ росло и росло.

— Если насъ собираются освободить, — проворчалъ Жоржъ, — то пора бы это сдѣлать. Слѣдователь давно уже могъ вернуться изъ Людгофа.

— Ну, съ этимъ они не торопятся, — устало отозвался Павликъ, — я все же надежды не теряю, что насъ еще сегодня освободятъ.

— Будемъ надѣяться, — сказалъ Иванъ Петровичъ, — что такое чудо произойдетъ. Всякое бываетъ!

Вдругъ двери камеры распахнулись, и на порогъ ея появился тюремщикъ. Онъ добродушно улыбался.

— Вы освобождаетесь, — заявилъ циклопъ, — сейчасъ принесли приказъ доставить васъ въ трибуналъ. Тамъ васъ отпустятъ.

— Ну, не говорилъ ли я вамъ все время, что насъ освободятъ, — торжествовалъ Павликъ.

— Чудо, чудо! — прошептала генераль.

Павликъ, а за нимъ Жоржъ и Вѣринъ сунули одно-
глазому парню въ руку деньги и, попрощавшись съ дамами,
проводившими ихъ сердечными пожеланіями, вышли въ со-
провожденіи красноармейца на улицу.

Всѣ трое чувствовали приливъ какого-то безумнаго
восторга. Вѣринъ даже не вѣрилъ ихъ удачѣ и думалъ:

— Что-то здѣсь не такъ! Какое-то недоразумѣніе.
Наше освобожденіе похоже на чудо.

На улицахъ городка многіе евреи, стоящіе у своихъ ла-
вокъ, сочувственно и учтиво кланялись проходящимъ мимо
нихъ Людгарамъ, которыхъ они хорошо знали. Впереди
всѣхъ, подобно быстроногой лани, несся Павликъ. Иванъ Пе-
тровичъ съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ. По дорогѣ имъ
повстрѣчался людгофскій кучеръ, который съ признаками
живѣйшей радости привѣтствовалъ освобожденныхъ. Ему
приказано было тотчасъ-же запречь лошадей.

Въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ наканунѣ происходилъ
допросъ, Людгаровъ и генерала ожидалъ предсѣдатель
слѣдственной комиссіи, ѣздившій въ Людгофъ для соби-
ранія справокъ. Онъ объяснилъ, что разслѣдованіе дало
благопріятные результаты, и комиссія рѣшила всѣхъ трехъ
арестованныхъ освободить.

Въ комнату вошелъ Крѣтоль. На немъ была солдат-
ская форма, а на рукавѣ защитнаго цвѣта рубахи виднѣ-
лась красная повязка. Жоржъ и Павликъ начали благода-
рить его за скорое разрѣшеніе ихъ дѣла. Крѣтоль насу-
пился и нехотя прощѣдилъ сквозь зубы:

— Да, всѣ свидѣтели въ Людгофѣ подтвердили, что
вы латышскаго языка не знаете и не здѣшніе. Вамъ сей-
часъ напишутъ удостовѣреніе. Посидите!

Съ этими словами Крѣтоль ушелъ, возвративъ Вѣ-
рину тотъ перочинный ножикъ, который у него былъ ото-
бранъ наканунѣ.

Въ комнатѣ появился тонкій щеголевато-одѣтый мо-
лодой человѣкъ въ военной формѣ. Людгары знали его,
такъ какъ онъ жилъ у своего отца, владѣющаго усадьбой
вблизи Людгофа.

— А вы здѣсь служите? — спросилъ Павликъ.

— Да, — отвѣтилъ вошедшій, — я здѣсь секретар-
ству. Освободили васъ? Поздравляю.

— Благодарствуйте, — отозвались братья, — вотъ получимъ удостовѣренія и двинемся домой. А вы какъживаете?

— Только теперъ и началась моя жизнь! — съ пафосомъ воскликнулъ молодой человекъ, — старый мѣръ рухнулъ, и мы начали строить новый мѣръ. Завидная и лестная задача! Все старое, отжившее мы безпощадно сметемъ и на смѣну ему воздвигнемъ нѣчто новое и совершенное. У насъ будутъ, дѣйствительно, царить правда, справедливость и равенство.

Жоржъ при этой тирадѣ невольно поморщился. Вѣринъ, продолжая изображать сумасшедшаго, сталъ бессмысленно таращить глаза, а Павликъ осторожно замѣтилъ:

— Допускаю вполне, что вашъ идеалъ, идеалъ коммунистовъ, преслѣдуетъ очень высокія и благородныя цѣли, но, позвольте мнѣ замѣтить, слѣдуетъ ли, какъ вы говорите, безпощадно сметать все старое? Слишкомъ большое насиліе надъ человѣческой природой и надъ установившимися вѣками условіями жизни не можетъ ли повредить вашему дѣлу? Не нужна ли здѣсь, въ интересахъ торжества вашихъ же идей, нѣкоторая постепенность, а не общая ломка? Возьмемъ, на примѣръ, аграрный вопросъ. Я самъ не помѣщикъ и смотрю на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія журналиста (Павликъ никогда въ газетахъ не писалъ, но при разговорахъ съ большевиками изъ „тактическихъ соображеній“ подчеркивалъ, что онъ „работникъ пера“, „старый журналистъ“). И вотъ, мнѣ кажется, что если вы сразу отнимите у помѣщиковъ имѣнія и раздѣлите ихъ землю, то въ странѣ можетъ начаться голодъ, такъ какъ мелкія хозяйства не въ состояніи будутъ прокормить всѣхъ пролетаріевъ. Не въ интересахъ помѣщиковъ, а въ интересахъ всѣхъ, быть можетъ, странѣ выгоднѣе на первое время сохранить большія хозяйства. Какъ вы думаете?

— И зачѣмъ онъ съ нимъ заговорилъ на эту тему, — съ тоскою подумалъ Вѣринъ, — нашелъ съ кѣмъ спорить! Эти лишніе разговоры могутъ намъ повредить.

Коммунистъ началъ возражать, видимо, любуясь своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ:

— Именно въ этомъ случаѣ необходима полная ломка прежнихъ буржуазныхъ и капиталистическихъ формъ жизни, — не разрушивъ до основанія стараго зданія, нельзя возвести новаго. Это съ рѣдкой логикой доказали Марксъ, Энгельсъ и Ленинъ...

Споръ продолжался въ томъ же духѣ. Павликъ началъ горячиться и вдругъ, къ неописуемому ужасу Жоржа и Ивана Петровича, выпалилъ:

— Разрѣшите вамъ замѣтить, что не всегда теорія совпадаетъ съ практикой. Въ теоріи равенство, справедливость и свобода страшно, конечно, заманчивы, но можно ли добиться въ жизни осуществленія этихъ благъ путемъ голого насилія, террора и уничтоженія всѣхъ старыхъ формъ жизни? И еще: вѣдь до сихъ поръ исторія не знаетъ государства, которое, введя у себя коммунистическій строй, существовало бы долгое время. Мы еще не знаемъ, къ чему на практикѣ приведетъ прекрасный въ теоріи социалистическій опытъ. А вдругъ ничего не выйдетъ! Что тогда?

— Ну, насъ опять погонять въ тюрьму, — пронеслось въ головѣ Вѣрина, — какой онъ неосторожный!

Но въ это время къ большой радости и его, и Жоржа въ комнату вошелъ предсѣдатель слѣдственной комиссіи. Онъ передалъ освобожденнымъ по удостовѣренію. Эти удостовѣренія были написаны на русскомъ языкѣ и гласили, что такого-то слѣдственная комиссія освободила изъ заключенія и разрѣшила ему отправиться въ Людгофъ.

— Какъ ты, Павликъ, неосторожень, — замѣтилъ Жоржъ, когда они, попрощавшись съ большевиками, вышли на улицу. — Можно ли было такъ откровенно говорить съ этимъ фанатикомъ?!

— Пустяки, — весело возразилъ Павликъ, — я умѣю съ ними разговаривать; они обожаютъ эти словопренія. Впрочемъ, конечно, полемизировать съ ними надо весьма „дипломатично“.

На постояломъ дворѣ ихъ ожидала людгофская линейка. Было уже около семи часовъ вечера и начало темнѣть, когда Людгары и Вѣринъ двинулись въ обратный путь. Настроеніе у всѣхъ трехъ было радостное и приподнятое. Павликъ открылъ корзиночку съ провизіей.

— Весь день о ѣдѣ и думать было противно, — заявилъ Иванъ Петровичъ, уписывая ломоть хлѣба и крутое яйцо, — а сейчасъ у меня прямо волчій аппетитъ. Я даже не предполагалъ, что возвращеніе къ жизни я встрѣчу съ такой радостью. Но какая загадка — наше спасеніе! Отношеніе къ намъ Крѣтоля находится въ полномъ противорѣчьи со всѣмъ тѣмъ, что о немъ говорятъ. Какое обстоятельство побудило его пощадить насъ?

— Видишь, Ваня, — наставительно замѣтил Павликъ, — ты вотъ, кажется, отрицаешь и Бога, и безсмертіе души, а подобный фактъ, какъ наше чудесное спасеніе отъ неминуемой смерти, нагляднѣе всякихъ словъ должно убѣдить тебя въ существованіи промысла Божьяго.

Вѣринъ промолчалъ, такъ какъ ни малѣйшей охоты вступить съ Павликомъ въ споръ не чувствовалъ.

Погода выдалась на рѣдкость хорошая. Слегка морозило. Новый мѣсяцъ своимъ трепетнымъ сіяніемъ ясно освѣщаль путь. Лошади дружно бѣжали крупной рысью, торопясь домой; ихъ не надо было даже понукать. Промелькнули мимо паркъ и постройки Эмилины.

Наконецъ, линейка остановилась у людгофскаго замка. Пріѣхавшихъ окружили Раутеншильдъ, Шульцъ, панна Ванда, горничныя и другіе служащіе. Всѣ они наперерывъ поздравляли господъ съ благополучнымъ возвращеніемъ.

Въ вестибюль навстрѣчу отцу и дядямъ бросились дѣти, и чинно подошла Сусанна.

— Испугались за насъ? — добродушно началъ шутить Жоржъ съ швейцаркой. — Вы, вѣроятно, уже не надѣялись опять увидѣть насъ!

— Ничего подобнаго, — сочла нужнымъ энергично запротестовать д'Эпервиль, — я никогда ничего не боялась и въ Ялтѣ къ подобнымъ тревогамъ уже успѣла привыкнуть. Чего тамъ бояться! Мнѣ за васъ ничуть не было страшно!

— Вотъ ослица, — подумалъ Иванъ Петровичъ, направляясь въ свою комнату, чтобы привести себя въ порядокъ, — ей за насъ не было страшно! Невинное дитя неразумное! Птичьи мозги, однимъ словомъ!

XIX.

Хотя Вѣрина и Людгаровъ выпустили на свободу, но уже черезъ нѣсколько дней послѣ освобожденія изъ тюрьмы для нихъ начались тревожные дни. Людгофскій комитетъ, управлявшій имѣніемъ, потребовалъ отъ обитателей замка, чтобы они отпустили свою прислугу, такъ какъ институтъ прислуги противорѣчитъ революціоннымъ понятіямъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ.

Кухарка, прачка и горничныя - латышки ушли. Остались только панна Ванда, Павелъ и Азамать, которымъ некуда было уйти. Ушедшія горничныя все же ежедневно украдкой являлись въ замокъ и помогали лакеямъ убирать комнаты.

10-го марта изъ города пришло отъ большевицкой мѣстной власти Людгофскому комитету грозное предписание отобрать „въ пользу народа“ отъ Людгаровъ рѣшительно все: мебель, платье, книги и носильное и постельное бѣлье.

Въ замкѣ царило уныніе, хотя Павликъ и Жоржъ скрыли отъ генерала и остальныхъ домашнихъ новое распоряженіе большевиковъ. Но всѣ чувствовали, что катастрофа приближается. Она носилась въ воздухѣ.

Вечеромъ въ тотъ день, когда было получено упомянутое распоряженіе, Павликъ и Жоржъ уединились вдвоемъ въ кабинетъ хозяина и тихо бесѣдовали.

— Наступаетъ, кажется, конецъ, — проговорилъ Жоржъ, нервно перебирая на столѣ бумаги.

— Ужъ и не знаю, право, — отозвался Павликъ, — какъ мы теперь выкрутимся. Приказано вѣдь отобрать у насъ все рѣшительно. И куда мы сами дѣнемся?

— Насъ посадятъ въ тюрьму. Раутеншильдъ только что сообщилъ мнѣ съ разными оговорками, что въ городѣ насъ рѣшили опять арестовать, какъ „контръ-революціонный элементъ“!

— Но что дѣлаетъ ландсверъ? — воскликнулъ Павликъ, — почему онъ медлитъ? Со всѣхъ сторонъ слышно, будто бѣлые идутъ на Ригу.

— Ландсверъ несомнѣнно двигается къ намъ на помощь. Успѣетъ ли онъ только притти во-время. Скоро некого и нечего будетъ здѣсь спасать... Знаешь, я завтра поѣду въ городъ и попытаюсь какъ-нибудь отсрочить исполненіе приказа объ отобраніи у насъ имущества. Хуже не будетъ! Только бы выиграть время.

Павликъ намѣреніе брата вполнѣ одобрилъ.

Иванъ Петровичъ расхворался. У него сдѣлался мучительный припадокъ хронической болѣзни почекъ, которой онъ страдалъ еще въ Москвѣ. Цѣлыя ночи онъ проводилъ безъ сна, испытывая сильныя боли.

Четырнадцатаго марта Вѣринъ почувствовалъ себя нѣсколько лучше. Въ шесть часовъ утра, когда онъ еще спалъ, къ нему кто-то постучался. Генераль проснулся,

вскочилъ и открылъ дверь. Въ комнату проскользнулъ Павликъ и быстро, быстро тихимъ голосомъ заговорилъ:

— Мы, кажется, спасены. Сейчасъ получено извѣстіе, что, наконецъ, добровольцы освободили Дальсенъ, и красные бѣгутъ въ полной паникѣ. Сегодня ночью въ Людгофъ пришла шайка отступающихъ коммунистовъ. Эта шайка потребовала, чтобы отсюда увезли на нашихъ же лошадахъ всѣ запасы муки и зерна и захватили съ собой также скоть. Сонинъ и Шульцъ, желая выиграть время, подъ разными предлогами оттягивали исполненіе этого распоряженія. Тогда большевики, опасаясь быть отрѣзанными отъ своихъ, уѣхали, приказавъ Сонину поскорѣй собраться и слѣдовать за ними. А къ пяти часамъ утра изъ города пріѣхалъ Раутеншильдъ и сообщилъ, что онъ самъ видѣлъ въ Дальсенѣ бѣлыхъ. Во-время подоспѣлъ ландсверъ! Опоздай онъ на денекъ, и мы опять очутились бы въ тюрьмѣ!.. Ну, дорогой, спи спокойно и выздоравливай.

Съ этими словами Павликъ быстро исчезъ, а Вѣринъ погрузился въ свои мысли и сталъ перебирать въ памяти событія послѣднихъ дней...

Черезъ нѣсколько дней въ Людгофъ пріѣхалъ Дорнъ. Онъ сообщилъ, что въ городѣ дѣйствуетъ нѣмецкая комендатура съ нѣмецкимъ офицеромъ Вендтомъ во главѣ. Добровольцы продвигаются къ Ригѣ; Двинскъ ими уже занятъ. По словамъ Дорна, баронесса Брэдэ и другія дамы, которыхъ отступающіе большевики тащили за собою, были подъ Туккумомъ отбиты бѣлыми и всѣ спасены.

Эти новости влили въ сердца Людгаровъ и Вѣрина надежду, что красная опасность устранена, если и не совсемъ, то, во всякомъ случаѣ, на нѣкоторое время.

XX.

Въ послѣднихъ числахъ марта поздно ночью въ Людгофъ прибылъ небольшой кавалерійскій отрядъ добровольцевъ. Во время утренняго кофе Вѣринъ засталъ въ столовой десятокъ молодыхъ людей въ военной формѣ. Эти молодые люди, поступившіе въ ландсверъ, принадлежали къ лучшимъ фамиліямъ прибалтійскаго дворянства.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль положеніе въ Прибалтійскомъ краѣ продолжало быть неопредѣленнымъ и тре-

вожнымъ. Рига все еще находилась во власти большевиковъ. Тамъ начался голодъ. Какъ и раньше, объ общемъ политическомъ положеніи доходили самые противорѣчивые и невѣроятные слухи. Въ Москвѣ, какъ передавалось, свирѣпствовала чума, которая перебросилась уже въ Ригу.

Вблизи Людгофа появилась шайка разбойниковъ, вооруженная пулеметами. Она состояла изъ мародеровъ отступившей красной арміи. Въ семи верстахъ отъ Людгофа эта шайка ночью обстрѣляла домъ управляющаго имѣніемъ, считавшагося приверженцемъ помѣщиковъ. Управляющій едва спасся, домъ же его изрѣшетили пулями.

Въ срединѣ апрѣля въ Людгофъ неожиданно пріѣхали баронъ Ферзе и Ватманъ, служившіе въ рядахъ добровольческой арміи.

— Видите-ли, — рассказывалъ Ферзе Людгарамъ и Вѣрину послѣ сытнаго обѣда въ зеленой гостиной, закуривая свою трубку, — какъ я правильно поступилъ, уѣхавъ отсюда. Вѣдь почти всѣхъ тѣхъ помѣщиковъ, которые остались на мѣстахъ, истребили. Вы трое составляете рѣдкое исключеніе. Васъ пощадили, видимо, только потому, что вы не здѣшніе.

— А гдѣ теперь баронессы Штейнбокъ и Брэдэ? — спросилъ Жоржъ.

— Онѣ, какъ мнѣ говорили, сейчасъ въ Туккумѣ и находятся въ полной безопасности. Ихъ тоже чуть не разстрѣляли. Онѣ и другія дамы были спасены нашими добровольцами, которые отбили ихъ у отступавшихъ большевиковъ. Красные тащили ихъ за собой въ видѣ заложницъ.

— Ну, а какъ вашъ Ракеръ? — обратился Павликъ къ Ватману, — узналъ васъ, обрадовался?

— Узналъ и страшно обрадовался, — смущаясь, какъ всегда, отвѣтилъ управляющій, — не отходить отъ меня ни на шагъ.

— Что же насъ ожидаетъ? — поинтересовался Иванъ Петровичъ, — придутъ сюда опять большевики, или мы отъ нихъ освобождены окончательно?

— Пока ничего сказать нельзя, — отвѣтилъ Ферзе, вновь набивая свою трубку отвратительнымъ табакомъ къ большому ужасу хозяина. — Вы ужъ простите меня, — обратился онъ къ Жоржу, — что я такъ безбожно много курю, но послѣднее время нервы мои въ такомъ состояніи, что я безъ этого зелья совершенно обойтись не могу... А табакъ — увы! — такой сейчасъ скверный! Одно горел..

Относительно же большевиковъ я думаю такъ: Ригу мы скоро возьмемъ и красныхъ оттуда прогонимъ. Только бы Англія не мѣшала; политика ея, какъ всегда, очень двусмысленная. Такъ какъ нашъ ландсверъ состоитъ почти исключительно изъ нѣмцевъ, она вотъ и суетъ намъ палки въ колеса. Вообще наше будущее въ туманѣ. Я даже пока не выписываю своей семьи изъ Германіи. Пусть она тамъ поживетъ до выясненія политическаго положенія въ нашемъ краѣ.

Черезъ два дня Ферзе и Ватманъ уѣхали къ своимъ отрядамъ. Жизнь въ Людгофѣ потекла по старому. Жоржъ опять началъ управлять имѣніемъ. Раутеншильдъ и всѣ рабочіе при встрѣчахъ съ помѣщикомъ особенно усердно привѣтствовали его.

.
.
.
.
.
.

XXI.

Вѣринъ страстно любилъ весну. Но весна въ Людгофѣ выдалась холодная, сѣрая и дождливая.

Жизнь въ замкѣ была ключомъ, такъ какъ тамъ размѣстились добровольцы отряда барона Энгельгардта. Рѣшительно всѣ комнаты оказались занятыми. Съ нѣкоторыми изъ добровольцевъ Людгары уже были знакомы. Преимущественно это были сыновья прибалтійскихъ помѣщиковъ. Между ними попадались почти дѣти, юноши шестнадцати лѣтъ.

Столовались чины отряда отдѣльно отъ коренныхъ обитателей Людгофа, но большую часть времени всѣ проводили вмѣстѣ. Павликъ нашель среди гостей нѣсколько шахматистовъ и организовалъ шахматные турниры.

Хотя кругомъ Людгофа бродили разбойничьи банды и происходили довольно часто случаи ограблений и даже убійствъ, Людгары и Вѣринъ подъ охраной добровольцевъ чувствовали себя въ полной безопасности.

Общее политическое положеніе оставалось неопредѣленнымъ. Ходили слухи, что адмиралъ Колчакъ прибли-

жается къ Москвѣ и дни большевиковъ сочтены... Что съ Германіей Антанта никакъ не можетъ сговориться и не позволяетъ ей водворить порядокъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Въ самой Латвіи боролись за власть двѣ партіи: партія пастора Нѣдры, котораго поддерживали помѣщичьи нѣмцы, и партія Ульманиса, опирающаяся на латышей. Рига оставалась въ рукахъ большевиковъ.

Въ первой половинѣ мая отряду, расквартированному въ Людгофъ, было предписано продвинуться ближе къ Митавѣ.

Съ грустью разстались людгофцы со своими временными постояльцами. Безъ военной охраны положеніе обитателей замка становилось довольно затруднительнымъ. Передъ уходомъ добровольцевъ Жоржъ устроилъ для своихъ гостей парадный обѣдъ, который прошелъ очень оживленно и весело.

Послѣ обѣда отрядъ сѣлъ на коней и двинулся въ путь, провожаемый всѣми живущими въ замкѣ.

— Вотъ они и уѣхали, — меланхолично замѣтилъ Иванъ Петровичъ, когда послѣ проводовъ всѣ вернулись въ зеленую гостиную, — теперь мы можемъ надѣяться только на себя и защищаться собственными силами.

— Я сегодня же отправлюсь въ городъ, — отозвался Жоржъ, — и попытаюсь достать тамъ въ нѣмецкой комендатурѣ нѣсколько винтовокъ; безъ оружія мы здѣсь оставаться не можемъ.

Жоржъ въ тотъ-же день сѣзидилъ въ Дальсенъ и привезъ оттуда нѣсколько винтовокъ и патроны. Рѣшено было на ночь учредить дежурство.

Какъ-то разъ Вѣрину пришлось дежурить отъ одиннадцати часовъ до часу ночи. Онъ зарядилъ выданную ему винтовку, одѣлъ пальто, такъ какъ въ коридорахъ было холодно, и безшумно въ мягкихъ туфляхъ началъ бродить по дому, иногда присаживаясь къ окну, расположенному надъ парадными дверьми. Оттуда прекрасно была видна вся обширная площадка передъ замкомъ, окаймленная кустами и деревьями.

Весь домъ былъ погруженъ въ полную тишину. Иванъ Петровичъ задумался:

— Какъ странно: я сижу здѣсь восьмой мѣсяцъ и рѣшительно ничего не знаю о томъ, что дѣлается съ моими въ Москвѣ. И нѣтъ никакой возможности съ ними спи-

саться... Что мнѣ дальше дѣлать? Не могу же я вѣчно жить здѣсь въ качествѣ паразита.....

Тутъ мысли Вѣрина приняли особенно грустное направленіе. Онъ сталъ думать о томъ, что и Жоржъ, и Павликъ, видимо, тяготятся его пребываніемъ въ Людгофѣ, и остро почувствовалъ, что совершенно не подходитъ къ той средѣ, въ которую попалъ, и общаго съ ней у него очень мало. Тяготило его и то, что съ нѣкотораго времени Павликъ въ отношеніи него сдѣлался необыкновенно раздражителенъ. По натурѣ своей Иванъ Петровичъ отличался общительностью. Онъ чувствовалъ непреодолимую потребность дѣлаться съ кѣмъ-либо своими мыслями и „переживаніями“. Въ прошломъ у Вѣрина имѣлось много друзей. Среди своихъ сослуживцевъ у него всегда было нѣсколько человекъ, которыхъ онъ считалъ своими искреннѣйшими друзьями. Своихъ пріятелей Иванъ Петровичъ обыкновенно идеализировалъ, замѣчая въ нихъ только однѣ хорошія стороны.

Между своими сослуживцами генераль пользовался репутаціей „добраго малаго“ и „хорошаго товарища“. Съ нимъ сходились легко и недоброжелателей у него было мало. Въ этомъ отношеніи жизнь избаловала Вѣрина. А потому въ Людгофѣ, гдѣ у него не было ни одного человека, съ которымъ онъ могъ бы „по душѣ“ поговорить, онъ тосковалъ. Къ тому же, Иванъ Петровичъ съ дѣтства отличался большой мнительностью. Съ годами эта мнительность развилась у него до болѣзненности. Онъ забывалъ, что и у Жоржа, и у Павлика такъ много своихъ собственныхъ заботъ и непріятностей, что имъ не до него...

Въ то время, когда Вѣринъ, сидя въ коридорѣ съ винтовкой въ рукахъ, мысленно перебиралъ свои отношенія къ Людгарамъ, по всему дому вдругъ пронесся пронзительный, неистовый крикъ, перешедшій затѣмъ въ жалобный вой.

— Что такое?.. Разбойники?! Убиваютъ! — пронеслось въ головѣ генерала, и, крѣпко сжимая ложе винтовки, онъ помчался въ тотъ конецъ коридора, гдѣ слышались крики.

Вопли раздавались изъ комнаты Саши. Въ тотъ моментъ, когда Вѣринъ собирался ринуться на помощь племяннику, продолжавшему жалобно вопить, распахнулась дверь, ведущая въ комнату швейцарки, и она сама появилась въ коридорѣ въ бѣломъ капотѣ и со свѣчой въ рукахъ.

— Не безпокойтесь, генераль, — начала шептать Суанна растерявшемуся Ивану Петровичу, — это ничего! Саша часто кричитъ во снѣ. Это у него съ дѣтства. Будить его въ это время нельзя. Чуть только съ вечера онъ слишкомъ много поѣсть или что-нибудь его взволнуетъ, онъ тогда ночью начинаетъ орать, но это ничего.

— Вотъ оно что! — съ облегченіемъ проговорилъ генераль. — Хорошо, что вы вышли, а то я Сашу разбудилъ бы. Однимъ словомъ, вышла ложная тревога, и все пока благополучно.

Швейцарка, какъ бѣлое привидѣніе, скользнула въ свою комнату, а Вѣринъ вернулся къ диванчику, на которомъ раньше сидѣлъ, и опять погрузился въ свои невеселыя мысли.

XXII.

— Препротивный май, — думалъ Вѣринъ, одиноко гуляя по парку, — все холодъ и холодъ и постоянные дожди. А все же какъ пріятно сознавать, что зима уже позади! Только бы чаще солнце появлялось и подсохло бы скорѣй.

Лишь въ послѣднихъ числахъ мая Ригу, наконецъ, заняли добровольцы. Передъ своимъ бѣгствомъ изъ города большевики разстрѣляли по тюрьмамъ представителей буржуазіи, преимущественно нѣмцевъ, томившихся въ заключеніи въ качествѣ „заложниковъ“. До Людгофа доходили самые печальные слухи о тѣхъ ужасахъ, которые пришлось пережить рижанамъ во время господства въ ихъ городѣ большевиковъ.

Подъ вліяніемъ газетныхъ извѣстій объ успѣхахъ Колчака Иванъ Петровичъ началъ надѣяться, что приближается день, когда ему можно будетъ вернуться въ Москву. Послѣднее время онъ часто хворалъ и цѣлые дни проводилъ въ своей комнатѣ. Иногда къ нему заглядывали кузены, но ихъ посѣщенія продолжались всегда самое короткое время. И Жоржъ, и Павликъ чувствовали инстинктивное отвращеніе къ больнымъ. Вѣринъ это понималъ, мирился даже съ этимъ и думалъ:

— Ужъ лучше бы они совсѣмъ ко мнѣ не заглядывали. Имъ у меня сидѣть не по себѣ! Особенно Павлику, ко-

торый въ комнатѣ моей чувствуетъ себя, какъ мышь въ мышеловкѣ. Ему все кажется, что воздухъ у меня плохой, а видъ больного возбуждаетъ у него брезгливое чувство. Онъ вѣдь у насъ такой эстетъ!

Часто забѣгала къ генералу швейцарка. Въ дни молодости она хотѣла сдѣлаться сестрой милосердія, а потому считала себя специалисткой по части ухода за больными. Сусанна требовала, чтобы Вѣрину подавали въ комнату пищу элегантно сервированной; много времени уходило на подборъ соотвѣтственной посуды, салфетокъ и подноса. Когда же послѣ долгихъ приготовленій въ концѣ концовъ генералу приносили поднось съ красиво разставленными на немъ тарелочками и бѣлоснѣжными замысловато сложенными салфеточками, всѣ кушанья оказывались совершенно холодными, и Иванъ Петровичъ злился и мысленно посылалъ швейцарку ко всѣмъ чертямъ, такъ какъ терпѣть не могъ остывшихъ блюдъ.

Меньше другихъ раздражала больного Ванда. Онъ любилъ, когда иногда по вечерамъ она лѣнивыми шагами входила въ его комнату, усаживалась около его кровати и тягучимъ голосомъ начинала ему повѣствовать о томъ, какъ Сусанна сошла съ ума и всѣхъ въ домѣ обижаетъ, какъ Азаматъ цѣлыя ночи играетъ съ рабочими въ карты, какъ она, Ванда, все время сражается съ „этимъ дьяволомъ“, то-есть съ швейцаркой, и т. п.

— Скажите, панна Ванда, — спросилъ какъ-то Вѣринъ, — почему вы до сихъ поръ не вышли замужъ? Вы и красивая, и симпатичная, и такая работница!

— Я, видите-ли, генераль, и сама не хотѣла. Случаевъ въ жизни у меня было много, но я никакъ не могла рѣшиться. Теперь же найти подходящую партію еще труднѣе. Вы вотъ, милый генераль, не повѣрите, а тонкость чувствъ у меня прямо необыкновенная. Я, хотя и не такая образованная, какъ инья, но все, все рѣшительно понимаю и все знаю.

— Будто?! — улыбнулся Иванъ Петровичъ.

— Все, все, вѣрьте слову. А главное, мать меня очень деликатно воспитала и у меня много тонкости и чувствительности.

— А Ватманъ вамъ нравится? — спросилъ Вѣринъ. — Влюблены вы въ него?

— Ничего подобнаго, — густо покраснѣвъ, возразила полька, — господина Ватмана я, дѣйствительно, уважаю и цѣню, но никакой влюбленной неумѣстности въ нашихъ

отношеніяхъ въ наличности не имѣется. Мы только дружны. Ну, и онъ такой же деликатный, какъ и я, и никогда ничего такого со мной не позволилъ бы себѣ.

— И у васъ, — продолжалъ допытываться генераль, — въ прошломъ никогда никакого серьезнаго романа не было? Такъ вы и дожили до тридцати лѣтъ безъ любви и увлеченій?

— Въ жисть никогда никакихъ романовъ у меня не было. Никогда не романсовала, вѣрите, генераль!.....

Въ такомъ духѣ между больнымъ и экономкой разговоръ продолжался часами.

— Изумительные у нея мозги! — часто думалъ Иванъ Петровичъ, — разговоры мои съ ней по своей глупости и пошлости прямо безподобны! И тѣмъ не менѣе мнѣ пріятно съ ней болтать: она какая-то уютная и успокоительно дѣйствуетъ на нервы.

Между тѣмъ, весна все больше и больше давала себя чувствовать. Это время года оказывало на Вѣрина всегда особенное дѣйствіе. Когда дни становились все длиннѣе, а ночи короче, когда лучи солнца начинали грѣть все сильнѣе и сильнѣе, Ивана Петровича охватывало чувство какой-то сладкой разслабленности, онъ съ особой охотой тогда погружался мыслями въ далекое прошлое, а фантазія его рисовала картины сказочно-волшебнаго будущаго.

Какъ только Иванъ Петровичъ оправился отъ болѣзни, онъ цѣлыми днями гулялъ по парку и саду, гдѣ его особенно привлекала длинная аллея изъ разнообразныхъ сортовъ великолѣпной сирени. Передъ деревцомъ махровой бѣлой сирени Вѣринъ иногда останавливался въ экстазѣ и „замиралъ“ отъ восторга.

— Совсѣмъ выживаю изъ ума, — думалъ онъ, медленно проходя какъ-то мимо деревьевъ сирени и вдыхая полной грудью нѣжный запахъ цвѣтовъ, — видъ сирени и ея сладкій ароматъ вызываютъ у меня слезы восторга. Совсѣмъ, совсѣмъ, старикъ, ты ослабѣлъ! Всѣ нервы испепались.

Вдругъ въ саду передъ генераломъ появилась фигура Павлика. Вѣринъ, зная, что кузень гулять съ нимъ не любить, приподнял шляпу, на лицѣ постарался вызвать нѣчто въ родѣ привѣтливой улыбки и молча прошелъ дальше. Но Павликъ остановилъ Ивана Петровича и ласково сказалъ:

— Гуляешь, Ваня? Я тоже гуляю, пойдемъ вмѣстѣ.

— Великолѣпно! Благодать, благодать! И мухъ пока мало. Послѣ отъ нихъ житья не будетъ. А сирень-то какая! Восторгъ и упоеніе!

Кузены пошли рядомъ, при чемъ Вѣринъ старался не отставать отъ Павлика, который, подобно шарикѣ, брошенному сильной рукой, неудержимо катился впередъ.

— Ну, что: тоскуешь все? — мягко спросилъ Павликъ, когда они изъ сада вышли въ паркъ.

— Что съ нимъ сегодня? — подумалъ Вѣринъ, — давно уже онъ не говорилъ со мной такъ ласково и мило.

— Все тоскую, — меланхолично отвѣтилъ онъ, съ трудомъ поспѣвая за своимъ спутникомъ, — и чувствую я, что всѣмъ я здѣсь въ тягость, и мнѣ давно пора покинуть Людгофъ. Я страстно хочу уѣхать отсюда, но куда? И на какія средства я буду жить? У меня вѣдь съ собой такой небольшой запасъ денегъ!

— Я тоже собираюсь удрать отсюда, — живо заговорилъ Павликъ, съ такой стремительностью рванувшись впередъ, что Иванъ Петровичъ сразу отсталъ на нѣсколько шаговъ и въ припрыжку долженъ былъ догонять своего собесѣдника, — уѣду въ Германію. Мнѣ тутъ тоже надоѣло торчать. Сейчасъ, какъ я слыхалъ, можно получить отъ нѣмецкихъ властей и паспортъ, и визу. Надо этимъ воспользоваться.

— Тебѣ, конечно, уѣхать можно, — грустно отозвался Вѣринъ, — въ Варшавѣ у тебя сохранились польскія акціи. На твой вѣкъ хватитъ. Мое положеніе другое: у меня вѣдь всѣ капиталы погибли.

— Вотъ что, Ваня, — съ особенной задушевностью проговорилъ Павликъ, — поѣдемъ вмѣстѣ; у меня хватитъ денегъ на двоихъ. Я глубоко увѣренъ, что еще до осени большевиковъ прогонятъ, и ты въ состояніи будешь вернуться въ Москву. Ну, а до осени я буду тебя содержать. Современемъ ты со мной рассчитаешься. Идетъ?

— Конечно, идетъ! — радостно подхватилъ Иванъ Петровичъ, — этимъ великодушнымъ предложеніемъ, Павликъ, ты меня, право, возвращаешь къ жизни. Поддержи меня это время, возьми съ собой, не оставляй меня здѣсь. Всю жизнь буду тебѣ благодаренъ. Золотое у тебя сердце!

Генералъ расчувствовался и началъ строить планы о томъ, какъ они вмѣстѣ будутъ жить въ большомъ городѣ, пользуясь тамъ всѣми благами культуры и цивилизаціи.

Разговоръ о совмѣстномъ отъѣздѣ изъ Людгофа кузенами, однако, больше не возобновлялся, и Иванъ Петро-

вичь скоро пришелъ къ выводу, что Павлика лишь на мгновение охватилъ порывъ великодушія, который очень быстро потухъ.

Онъ даже началъ избѣгать оставаться съ глазу на глазъ съ Вѣринымъ, а въ присутствіи другихъ еще чаще острилъ надъ нимъ и поднималъ его на смѣхъ.

Павликъ покинулъ Людгофъ совершенно неожиданно, захвативъ съ собой и Азамата. За два дня до своего внезапнаго отъѣзда онъ поѣхалъ въ городъ, откуда вернулся въ очень возбужденномъ состояніи и объявилъ, что уѣзжаетъ съ Азаматомъ въ Германію, такъ какъ нѣмецкія войска, по требованію Антанты, въ скоромъ времени покинутъ край и потомъ выбраться за границу будетъ труднѣе. О совмѣстномъ путешествіи съ Иваномъ Петровичемъ Павликъ и не вспоминалъ.

— Пиши, дорогой мой, — весело сказалъ онъ ему на прощаніе. — Увѣренъ, что къ осени большевиковъ прогонять, и ты вернешься въ Москву къ своей семьѣ. Да хранить тебя Богъ!

Послѣ отъѣзда Павлика Вѣринъ почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ и несчастнымъ.

Не взирая на несходство характеровъ, не взирая на то, что Павликъ часто „высмѣивалъ“ его и подтрунивалъ надъ его „причудами“, все же Иванъ Петровичъ былъ искренно привязанъ къ своему кузену, и совмѣстная жизнь подъ одной кровлей наполняло его сердце хорошимъ чувствомъ.

XXIII.

Въ дни своей далекой молодости Вѣринъ писалъ стихи. Это занятіе, однако, онъ скоро прекратилъ, такъ какъ почувствовалъ, что стихи его являются очень неуклюжей прозой.

Въ Людгофъ Иванъ Петровичъ, вспомнивъ дни юности, вновь принялся строчить стихи. Особенно охотно писалъ онъ въ тѣ дни, когда болѣлъ и долженъ былъ оставаться въ постели.

Постепенно генераль такъ втянулся въ писаніе стиховъ, что цѣлые часы проводилъ у себя въ комнатѣ, подбирая рѣмы и выраженія. Иногда онъ чувствовалъ себя

особенно въ ударѣ и тогда нанизывала стихи съ необыкновенной быстротой.

Нѣкоторыя вещи, какъ ему казалось, выходили удачно, и въ этихъ случаяхъ его охватывало чувство сладостнаго умиленія. Въ одну изъ безсонныхъ ночей во время своей болѣзни Иванъ Петровичъ написалъ стихотвореніе, которое назвалъ „Бредомъ больного“. Въ этомъ произведеніи свои переживанія онъ изложилъ въ такомъ видѣ:

„Когда умру я здѣсь случайно,
Похороните тутъ меня;
Вѣдь смерть приходитъ такъ нечаяно,
Нельзя предвидѣть смерти дня...
Сообщите имъ, что я скончался,
Моимъ безцѣннымъ, дорогимъ...
Я ихъ пріѣзда не дождался...
Въ Москвѣ, — я знаю, — тяжело имъ.
Я ихъ люблю такъ беззавѣтно,
Безъ нихъ вся жизнь моя горька...
Ахъ, если бь могъ я незамѣтно
На нихъ взглянуть издалика.
Все вспоминаю жизнь былую:
Все то, чѣмъ жилъ, кого любилъ...
И сердце старое волнуя,
Ужели часъ ужь мой пробилъ!
Обвѣянь вѣчнымъ сномъ покоя,
Я тихо буду такъ лежать,
И только вѣтеръ, грустно воя,
Мнѣ сказки будетъ напѣвать“.

Во время болѣзненныхъ припадковъ, когда боли становились особенно острыми, Иванъ Петровичъ, лежа на кровати, скрещивалъ на груди руки, закрывалъ глаза и тихо шепталъ:

„Обвѣянь вѣчнымъ сномъ покоя,
Я тихо буду такъ лежать,
И только вѣтеръ, грустно воя,
Мнѣ сказки будетъ напѣвать...“

Въ эти минуты онъ рисовалъ себѣ, что уже умеръ, похороненъ, неподвижно лежитъ въ тѣсномъ гробу, а вѣтеръ надъ его могилой грустно и протяжно завываетъ. Глаза его при этой картинѣ заволакивались слезами, сердце его сжимало чувство безконечной тоски и ему дѣлалось жаль самого себя, всей своей разбитой жизни.

Съ особеннымъ увлеченіемъ въ теченіе четырехъ дней Вѣринъ написалъ сказку „О царѣ Романѣ и дочери его Усадѣ“. Эту сказку (вышло около 400 стиховъ) Иванъ Петровичъ закончилъ такъ:

„Когда, бѣссонницей страдая,
Я по ночамъ не могъ ужъ спать,
И, отъ болѣй изнемогая,
Я начиналъ платокъ кусать...
Тогда явилась мнѣ Улада
И отъ страданій отвлекла.
И, вѣрьте мнѣ, что это правда,
Въ волшебный мѣръ меня ввела.
И подъ ея очарованьемъ
Свои я боли забывалъ,
Не поддавался я страданьямъ,
Ея все голосу внималъ.“

Больной не преувеличивалъ. Дѣйствительно, иногда всю ночь напролетъ, когда отъ страданій онъ не могъ заснуть, только писаніе стиховъ отвлекало его мысли отъ болѣй и временами даже заставляло о нихъ совершенно забывать.

Черезъ нѣкоторое время Вѣринъ поправился настолько, что могъ ходить. Какъ-то разъ вечеромъ, думая о прошломъ, о Москвѣ, о своихъ, Иванъ Петровичъ написалъ стихотвореніе, которое озаглавилъ „Мой сонъ“. Эти стихи онъ любилъ декламировать вслухъ, гуляя въ полномъ одиночествѣ по обширному безлюдному парку.

На первыхъ порахъ генералъ плодовъ своего творчества никому не показывалъ, но какъ-то разъ онъ подошелъ къ кузену, гулявшему во фруктовомъ саду, и, густо покраснѣвъ, проговорилъ:

— Позволь, Жоржъ, продеklamировать тебѣ одно изъ моихъ послѣднихъ стихотвореній. Какъ ты его найдешь?

— Пожалуйста, — съ любезной улыбкой отвѣтилъ Людгаръ, на ходу срывая съ дерева загнившее яблоко, — съ интересомъ послушаю. Стихами, скажу прямо, я мало интересуюсь, но съ твоей музыкой мнѣ познакомиться любопытно.

Иванъ Петровичъ набралъ въ легкія побольше воздуха, откашлялся и, идя рядомъ съ Жоржемъ, съ большимъ волненіемъ началъ декламировать:

Мой сонъ.

Я видѣлъ сонъ: въ краю родномъ,
Что все охвачено пожаромъ...
Всѣ мечутся въ бреду больномъ,
И все кружится съ дикимъ жаромъ.
Всюду визгъ, лягъ, бѣсовскій хохотъ,
А рядомъ плачь, рыданья, стонъ...
Вездѣ винтовокъ рѣзкій грохотъ
И жуткій, погребальный звонъ...
Мнѣ снилось: горсточка людей

Вдругъ взбунтовала чернь пустую,
Подъ лозунгомъ святыхъ идей,
Лишь ложъ прививши ей простую.
Во имя братства и свободы
Свершались страшныя дѣла,
И погрузились вдругъ народы
Въ какой-то гнойный омутъ зла.
Вся жизнь въ страданье превратилась
Для нищихъ, бѣдныхъ... богачей;
Безъ устали все смерть носилась
Подъ гогогъ нивкихъ палачей...
Переживая этотъ сонъ,
Все часа ждалъ я пробужденья,
Не допуская, чтобы онъ
Не былъ плодомъ воображенья.
Но не пришлось мнѣ проснуться:
То былъ кошмаръ средь бѣла дня,
И ничему уж не вернуться,
Осталась только смерть одна.

Вѣринъ кончилъ. Сердце его усиленно билось.

— Неужели провалился? — пронеслось у него въ головѣ.

Людгаръ нѣкоторое время молчалъ, потомъ одобрительно произнесъ:

— Мнѣ эта вещь положительно нравится. Я плохой цѣнитель поэзіи, но, насколько могу судить, твое стихотвореніе написано съ большимъ подъемомъ, и стихи звучать красиво.

Похвала кузена наполнила сердце Ивана Петровича радостью, и онъ послѣ этого съ еще большимъ ожесточеніемъ принялся марать бумагу, подбирая рифмы и стараясь найти „поэтическіе образы“ и удачныя сравненія. Эта стихоманія спасала генерала отъ тоски и наполняла его досугъ призракомъ какой-то работы.

XXIV.

Наступилъ августъ. Какъ-то разъ Жоржъ, пріѣхавъ изъ Риги, куда онъ ѣздилъ на нѣсколько дней по дѣламъ, сообщилъ кузену, что къ нимъ на цѣлый мѣсяць пріѣдутъ гости.

— Я, — пояснилъ Людгаръ, — встрѣтился въ Ригѣ съ моей давнишней хорошей знакомой баронессой фонъ Пфейль. Большевики весной разстрѣляли ея мужа, а баро-

несса больше мѣсяца провела въ тюрьмѣ, гдѣ заболѣла тифомъ. Чудомъ она осталась жива и ее не поставили къ стѣнкѣ во время общаго избіенія въ Ригѣ заложниковъ. У нея дочь, двадцатилѣтняя барышня. Вотъ я и пригласилъ обѣихъ дамъ пріѣхать въ Людгофъ и хорошенько здѣсь отдохнуть.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора въ Людгофъ пріѣхали Елена Оскаровна и ея дочь, Матильда Ивановна. По имени и по отчеству, впрочемъ, въ замкѣ никого не называли, такъ какъ тамъ господствовала нѣмецкій языкъ. Одинъ Вѣринъ въ разговорѣ упоминалъ имя и отчество cadaго. Жоржу это не нравилось, такъ какъ онъ старался ввести въ своемъ домѣ нѣмецкіе обычаи.

— Я нахожу, — любилъ повторять Людгаръ, — что этотъ русскій обычай именовать человѣка не только по имени, но и по имени его отца, преглупый! Такъ трудно запомнить отчество. Да и ни въ какой цивилизованной странѣ никто вашими родителями не интересуется.

— А я, — возражалъ Вѣринъ, — такъ привыкъ звать cadaго по имени и отчеству, что мнѣ какъ-будто чего-то не хватаетъ, если я не знаю имени и отчества своего знакомаго. Этотъ чисто русскій обычай мнѣ глубоко симпатиченъ.

Жоржъ презрительно поднималъ брови и спора не продолжалъ.

Баронессу Елену и ея дочь помѣстили въ тѣхъ комнатахъ, которыя раньше занималъ Павликъ. Иванъ Петровичъ очень скоро почувствовалъ къ Пфейлямъ большую симпатію.

Баронессѣ можно было дать на видъ около тридцати пяти лѣтъ. Она носила глубокой трауръ. Лицо ея съ правильными и строгими чертами отличалось болѣзненной блѣдностью. Глаза глядѣли молодо и умно. Тонкія нѣсколькіо губы часто иронически улыбались.

— Мать очень интересная особа, — думалъ генераль, сидя какъ-то въ гостиной и наблюдая за баронессой, оживленно болтавшей съ Жоржемъ. — По внѣшности она напоминаетъ монахиню, а по разговору — очень свѣтскую умную и передовую женщину. А дочь одна прелесть! Какъ у нея задорно вздернуть носикъ, а въ глубокихъ синихъ глазахъ ея порой вспыхиваетъ какой-то лукавый огонекъ. И какая бѣленькая! Зайчикъ совсѣмъ! Видимо, она умненькая и очень смѣшная. Хорошо, что Жоржъ ихъ пригласилъ. Это нарушить однообразіе нашей жизни.

Объ дамы отлично владѣли русскимъ языкомъ, и Иванъ Петровичъ могъ съ ними бесѣдовать на своемъ родномъ языкѣ. Елена Оскаровна очень быстро совершенно обворожила генерала. Она охотно вступала съ нимъ въ разговоръ, спрашивала о семьѣ, о Москвѣ, рассказывала и о себѣ. Въ скоромъ времени Вѣринъ ожилъ и уже не чувствовалъ себя въ Людгофѣ такимъ одинокимъ, такимъ заброшеннымъ.

— Не согласитесь ли вы проводить меня до деревни?— разъ послѣ объѣда спросила баронесса Елена генерала. — Мнѣ нужно тамъ зайти къ сапожнику.

Иванъ Петровичъ, конечно, съ полной готовностью согласился провѣзжать Елену Оскаровну хоть „на край свѣта“, и они тронулись въ путь.

Деревня Яндзень отъ замка находилась въ разстояніи трехъ верстъ. Дорога туда тянулась мимо полей, а около версты она шла лѣсомъ.

— Какъ здѣсь хорошо, — уронила баронесса, бодро шагая рядомъ съ Вѣринымъ, — какой живительный воздухъ, пропитанный запахомъ смолы! Лѣсокъ этотъ одна прелесть! Послѣ пыльнаго и душнаго города такъ приятно очутиться на нѣкоторое время среди полей и лѣсовъ.

— А вы что предпочитаете — городъ или деревню?— спросилъ генералъ, желая „поддержать разговоръ“. Онъ въ послѣднее время отвыкъ разговаривать, а потому робѣлъ и не зналъ, какъ занять свою собесѣдницу.

— Знаете, — отвѣтила Елена Оскаровна, — хотя я много жила въ деревнѣ, но вѣчно жить въ деревнѣ не могла бы. Мнѣ было бы тоскливо, особенно зимой. Впрочемъ, — добавила баронесса съ лукавой улыбкой, — тема эта малоинтересная. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Расскажите мнѣ лучше о своемъ бѣгствѣ изъ Совдепи, о Москвѣ, о своей семьѣ.

— А васъ это интересуеть? Вамъ не скучно будетъ, если я начну говорить исключительно о себѣ и о своихъ?— недовѣрчиво замѣтилъ Вѣринъ.

— Ничуть. Вашъ переѣздъ сюда меня очень интересуеть. Пожалуйста, расскажите.

Эти слова были сказаны баронессой такимъ сердечнымъ тономъ, что Иванъ Петровичъ сразу размякъ и подумалъ:

— Какая она славная! Повидимому, у нея очень доброе сердце.

И онъ принялся подробно разсказывать своей спутницѣ о московской жизни, о Марихенѣ, о Наточкѣ и о своемъ бѣгствѣ изъ совѣтской Россіи.

Елена Оскаровна слушала его очень внимательно, а удачные и умѣстные вопросы ея окончательно убѣдили Ивана Петровича въ томъ, что баронесса обладаетъ драгоценнымъ даромъ не только говорить, но и слушать.

— Знаете, — вдругъ горячо проговорилъ Вѣринъ, — вы удивительно хорошо умѣете слушать! Какъ вы быстро все схватываете, какъ вѣрно понимаете каждую высказанную мысль! Рѣдко приходилось мнѣ встрѣчать женщину, съ которой такъ пріятно разговаривать, какъ съ вами.

— Спасибо за комплиментъ, — начала отшучиваться Елена Оскаровна, — но плохое же у васъ создалось мнѣніе о женщинахъ, если моя способность вести обыкновеннѣйшій разговоръ васъ повергаетъ въ такое изумленіе.

— Не то, не то, — запротестовала генераль, — вы меня не поняли. Разговоръ вести одно, а заставить почти незнакомаго человѣка сразу выложить передъ вами свою душу — это другое. Вѣдь вотъ я здѣсь живу уже почти годъ, а въ первый разъ поговорилъ вполне по душѣ. Я въ общемъ очень мнительный человѣкъ, а съ вами такъ разговаривая, что уже не чувствую страха надобѣсть вамъ, не боюсь сдѣлаться назойливымъ. Я такъ радъ, что вы сюда пріѣхали... Но вотъ мы и пришли. Гдѣ же вашъ сапожникъ?

Деревня Яндзенъ состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ деревянныхъ домиковъ. При каждомъ домикѣ имѣлись садикъ и огородъ. Земля, занятая подъ дома, сады и огороды, принадлежала графу Людгару и за ничтожную плату сдавалась въ аренду. Населеніе деревни составляли преимущественно мелкіе ремесленники.

— Это наша столица, — сталъ объяснять Вѣринъ, — здѣсь живутъ и портные, и сапожники, и даже мѣстные врачеватели. Вотъ въ этомъ домѣ, напримѣръ, обитаетъ нѣкій Лазарь Культъ. Во время войны съ нимъ произошелъ такой случай. Какъ-то около деревни спустились нѣмецкіе летчики. Культъ оказалъ имъ какое-то содѣйствіе и выпросилъ у нихъ на прощаніе бутылочку съ бензиномъ. Послѣ этого событія къ нему какъ-то приходитъ парень съ больнымъ глазомъ. Культъ заявляетъ парню, что онъ вылечитъ его глазъ новымъ средствомъ, которое ему удалось недавно получить отъ одного нѣмецкаго доктора. Средство это вытянетъ изъ глаза всю болѣзнь, но оно очень острое,

и паціенту придется нѣсколько потерпѣть. Довѣрчивый парень отдался въ руки врачавателя, а тотъ началъ капать ему въ глазъ бензинъ. Бѣдный больной, конечно, взвылъ отъ боли, но мужественно перенесъ операцію, надѣясь на полное быстрое выздоровленіе. Въ результатъ парень окривѣлъ на одинъ глазъ, и нашему окулисту пришлось даже уплатить ему какую-то сумму, чтобы не доводить дѣла до суда. И тѣмъ не менѣе Культъ среди мѣстныхъ жителей продолжаетъ считаться искуснымъ врачевателемъ. Лѣчитъ онъ не только людей, но и животныхъ. Вотъ вамъ картинка изъ жизни нашей столицы. Вѣрите, что я вамъ передалъ сущую правду, ничего не преувеличивая.

Послѣ этой совмѣстной прогулки Иванъ Петровичъ почувствовалъ еще большую симпатію къ баронессѣ Пфейль. Она предложила генералу ежедневно читать ей вслухъ на нѣмецкомъ языкѣ. Вѣринъ охотно принялъ это предложеніе, такъ какъ оно давало ему возможность совершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ. Каждый день въ четыре часа дня Иванъ Петровичъ и Елена Оскаровна усаживались въ будуаръ, баронесса брала въ руки какое-нибудь вязанье, а Вѣринъ нѣмецкую книгу, и начиналось чтеніе вслухъ, которое продолжалось до кофе.

Иногда баронесса Пфейль рассказывала генералу о своемъ прошломъ. По ея словамъ, семейная жизнь ея сложилась очень счастливо: она обожала мужа, и онъ платилъ ей полной взаимностью. Приходъ большевиковъ въ Ригу самымъ грубымъ образомъ разбилъ ея семейное счастье. Барона Пфейля, занимавшаго мѣсто директора на бумажной фабрикѣ, сначала посадили въ тюрьму, а потомъ разстрѣляли. Баронессу ожидала та же участь, но ее спасло то, что она заболѣла тифомъ и во время массовыхъ убійствъ „буржуевъ“ въ тюрьмахъ Риги находилась въ госпиталѣ.

XXV.

Пятичасовое кофе только-что кончилось. Всѣ собрались въ зеленой гостиной, гдѣ у каждаго было свое излюбленное мѣсто. Самъ хозяинъ расположился у окна въ удобномъ креслѣ съ высокой спинкой. У другого окна сѣла баронесса Пфейль, а около нея устроился Вѣринъ. Въ уголку приютились Дорнъ, посѣщавшій Людгофъ послѣднее

время особенно часто, и Тилла. Вѣра и Саша усѣлись на большомъ диванѣ и занялись чтеніемъ.

— Что же мы будемъ дѣлать? — тихо спросилъ Дорнъ Тиллу, перелистовавшую какой-то альбомъ.

— И сама не знаю, — уронила дѣвушка, — но такъ сидѣть скучно. Знаете, покатаемся верхомъ. Но какъ это устроить? Графъ вѣдь такъ не любитъ давать лошадей.

— Я вамъ дамъ своего Ваську, — предложилъ Дорнъ, — онъ у меня подъ сѣдломъ отлично ходитъ. Хотите?

— А вы?

— Придется попросить графа дать мнѣ лошадь.

— Знаете что, — оживленно заговорила Тилла, — устроимъ общую кавалькаду. Возьмемъ съ собой Сашу и Вѣру. Съ Вѣрочкой я сейчасъ переговорю. Пусть она попроситъ отца. Онъ ей не откажетъ. Странно, какъ въ этомъ домѣ всѣ боятся хозяина. Признаться, я его тоже боюсь. Хотя онъ со мной всегда очень вѣжливъ и предупредителенъ, но мнѣ неприятно обращаться къ нему съ самой пустяшной просьбой. Вѣдь вотъ, кажется, и на васъ онъ дѣйствуетъ подобнымъ же образомъ? Вѣдь такъ?

— Пожалуй, вы правы, — шопотомъ со смѣхомъ отвѣтилъ главный лѣсничій, — графа въ домѣ рѣшительно всѣ боятся, даже дѣти.

Тилла подсѣла къ Вѣрочкѣ и начала развивать передъ ней свой планъ. Сначала дѣвочка что-то возражала, но потомъ сдалась и, вставъ съ мѣста, робко подошла къ отцу, углубившемуся въ чтеніе „Rigasche Rundschau“, и сказала:

— Папочка! Разрѣши намъ покататься верхомъ. Сегодня праздникъ. Лошади отдохнули. Да и мы не долго. Право, позволь, папочка!

Въ это время Тилла съ невиннымъ видомъ принялась опять перелистывать альбомъ, а Дорнъ съ любопытствомъ посматривалъ на Людгара.

При словахъ дочери Жоржъ высоко поднялъ брови, положилъ газету на колѣни и съ оттѣнкомъ неудовольствія проговорилъ:

— Съ кѣмъ вы поѣдете? Да и сѣдель не хватитъ. Вѣроятно, и лошади въ полѣ.

— Съ нами поѣдетъ господинъ Дорнъ, — волнуясь и краснѣя отвѣтила Вѣрочка, — сѣдель достаточно. А лошади дома.

— А лошадамъ, ты думаешь, отдыхъ не нуженъ? — не сдавался графъ, — вѣдь всю недѣлю онѣ работали. Обыкновенно забываютъ, что лошади не машины, а живыя существа.

Вѣрочка окончательно сконфузилась, хорошенькое личико ея покрылось густымъ румянцемъ, и она, пролепетавъ что-то непонятное, сѣла на прежнее мѣсто. Тилла яростно захлопнула альбомъ и бросила многозначительный взглядъ въ сторону Дорна. Тотъ откашлялся и мягко, вкрадчиво, какъ бы про себя, замѣтилъ:

— Можно бы осѣдлатъ моего Васку и Гризетку для барышень, я поѣхалъ бы на Гадебрандъ, а Саша на Норъ. Мы могли бы сдѣлать небольшую прогулку.

— Разъ и вы противъ меня, — съ улыбкой проговорилъ Людгаръ, — тогда я уже ничего подѣлать не могу. Отправляйтесь. Не пускайте только лошадей вскачь!

— Ура! — вырвалось у Саши. Онъ внимательно слѣдилъ за переговорами.

Вѣрочка обхватила Тиллу за талию и выпорхнула съ нею изъ гостиной. Поднялись за ними Дорнъ и Саша.

— Какія онѣ еще дѣти! — благодушно уронила баронесса Пфейль.

— Золотые, невозвратные годы! — въ тонъ ей отозвался Вѣринъ. — Какъ мало требуется въ эти годы, чтобы чувствовать себя на седьмомъ небѣ.

— Да, — глубокомысленно замѣтилъ Людгаръ, — когда мы молоды, все намъ улыбается, весь миръ кажется намъ очаровательнымъ... Я сейчасъ живу уже исключительно въ своихъ дѣтяхъ. Только ихъ радости я и принимаю близко къ сердцу.

— Не люблю, когда онъ философствуетъ, — съ досадою подумалъ Иванъ Петровичъ, — все, что онъ говорить на высокія темы, такъ у него выходитъ банально.

А Жоржъ продолжалъ:

— Я считаю, что моя личная жизнь уже кончена. Въ моемъ возрастѣ можно жить только прошлымъ и интересами своихъ дѣтей.

— А я съ такимъ самоотреченіемъ отъ личной жизни согласиться не могу, — оживленно возразила Елена Оскаровна, — мы съ вами, графъ Жоржъ, еще далеко не старики. Вы это знаете и словамъ своимъ не вѣрите. Вотъ подождите: встрѣтите когда-нибудь свой идеаль и влюбитесь, забывъ всѣ свои теоріи, наперекоръ имъ.

Людгаръ загадочно улыбнулся и промолчалъ.

Тѣмъ временемъ на конюшнѣ происходило цѣлое столпотвореніе. Саша съ большимъ трудомъ вытащилъ изъ квартиры „старого кучера“. Онъ упирался, такъ какъ отличался феноменальной лѣнью, и съ признаками явнаго неудовольствія медленно принялся сѣдлатъ лошадей.

Тилла, успѣвшая переодѣться въ широчайшія черныя шаровары, заказанныя ею спеціально для верховой ѣзды, вертѣлась около Васьки. Большой сѣрый меринъ стоялъ, уныло опустивъ голову, и, видимо, мысли его были невеселыя.

— Ну, кажется, хорошо! — замѣтилъ Дорнь, натягивая подпругу.

— Васька, милый Васька мой! — щебетала тѣмъ временемъ дѣвушка, обхвативъ коня за морду и цѣлуя его между ноздрями. — Славный мой, хорошій! Вотъ я хлѣбъ принесла тебѣ. Получай!

Васька осторожно обнюхалъ протянутый ему кусокъ хлѣба и затѣмъ, выпативъ далеко впередъ губы, взялъ хлѣбъ и началъ жевать его.

— Смотрите, смотрите! — съ восторгомъ воскликнула Тилла, — мой Васька даже повеселѣлъ, когда получилъ хлѣбъ, улыбнулся мнѣ. Право!

Дорнь, съ удовольствіемъ поглядывая на хорошенькую барышню, подумалъ:

— Какой она еще ребенокъ! Сколько въ ней жизнерадостности! А Васька мой счастливецъ: какъ его сейчасъ цѣловали! Завидно!

Лошадей вывели изъ конюшни.

— Геръ Дорнь, — взмолилась Вѣрочка, — помогите мнѣ взобраться на мою Гризетку; она, противная, все вертится.

Дорнь приподнялъ дѣвочку и посадилъ ее на лошадь.

— И мнѣ помогите, — раздался голосъ Тиллы, — Васька такой высокій! Я не могу одна! Пожалуйста!

Главный лѣсничій подскочилъ къ Тиллѣ, и при его помощи дѣвушка усѣлась по-мужски на своего Россинанта и съ побѣдоноснымъ видомъ принялась дергать поводья и понукать Ваську, который уныло поглядывалъ на Ракера, впившагося глазами въ доморощенныхъ кавалеристовъ.

Саша взгромоздился на высокую поджарую кобылу Нору, а Дорнь вернулся въ конюшню и черезъ нѣсколько минутъ выскочилъ оттуда на великолѣпномъ жеребцѣ Гадебрандѣ, гордости людгофской конюшни. Гадебранда въ оккупационное еще время нѣмцы привели въ имѣніе и замѣнили имъ

тяжелаго заводскаго жеребца бельгійской породы, находя его не подходящимъ къ типу лошадей мѣстной породы.

— Не подѣзжайте ко мнѣ, не подѣзжайте такъ близко, боюсь! — завизжала Вѣрочка, когда Гадебрандъ горячася и широко раздувая ноздри, побѣдоносно заржалъ.

— Не бойтесь, Вѣрочка, — весело проговорилъ Дорнъ, ловко управляя красавцемъ, — Гадебрандъ кротокъ, какъ ягненокъ. Онъ, какъ и мы, радуется прогулкѣ. Ватманъ теперь въ отсутствіи, и бѣдному коню рѣдко удастся пробѣжаться.

Кавалькада тронулась. Впереди поѣхали Саша и Вѣрочка, а за ними Тилла и Дорнъ.

— Ракеръ, тише, тубо, перестаны! — закричала дѣвушка на собаку, которая съ веселымъ лаемъ прыгала передъ самой мордой жеребца, по временамъ совершая уморительные пируэты, — смотрите, Ракеръ хватается лошадь за морду!

— Не беспокойтесь, — отозвался Дорнъ, — собака шутить, и Гадебрандъ это отлично понимаетъ. Вѣдь Ватманъ, Гадебрандъ и Ракеръ всѣ свои прогулки совершали вмѣстѣ и другъ друга очень любятъ. Взгляните на Гадебранда: Ракеръ хватается его за морду, а онъ этимъ ничуть не смущается и даже доволенъ. Къ такому поведенію собаки онъ уже давно привыкъ.

Вся компанія подѣхала къ верандѣ, на которую вышли Елена Оскаровна, Людгаръ, Вѣринъ и Сусанна.

Баронесса любовалась своею дочерью, а Людгаръ обласкалъ глазами сына и Вѣрочку.

— Какъ Саша хорошо сидитъ на лошади, — обратился онъ къ Еленѣ Оскаровнѣ. Но та, поглощенная созерцаніемъ Тиллы, пропустила слова Жоржа мимо ушей и, повернувшись къ Вѣрину, тихо спросила:

— Вамъ нравится Тилла?

— Очень, — искренно отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, — прелестная дѣвушка!

Тѣмъ временемъ швейцарка, какъ безумная, металась отъ Саши къ Вѣрѣ, давая имъ рѣзкимъ, неприятнымъ голосомъ наставленія.

Наконецъ, кавалькада легкой рысью тронулась по дорогѣ, ведущей къ берегу моря, а Вѣринъ и баронесса Пфейль направились въ паркъ.

XXVI.

— Хорошо здѣсь! — восторженно воскликнула Тилла, — какія дивныя сосны, какой воздухъ, какое небо! Вообще все, все великолѣпно!

— Вамъ, — почувствованнымъ голосомъ замѣтилъ Дорнъ, — вездѣ должно быть хорошо. Ваша молодость и ваша жизнерадостность все мрачное и грустное превращаютъ въ свѣтлое и веселое.

Кавалькада ѣхала лѣсомъ. Саша и Вѣрочка выдвинулись впередъ. Дорнъ умышленно сдерживалъ своего жеребца. Ему захотѣлось остаться съ Тиллой вдвоемъ. Въ отношеніи молоденькой дѣвушки его охватилъ приливъ какой-то безконечной нѣжности. Ея восторженно-веселое настроеніе передалось и ему. Въ эту минуту онъ чувствовалъ себя необыкновенно молодымъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ.

— А вы начали отпускать комплименты, — насмѣшливо, щуря свои „бездонные“ глаза, проговорила дѣвушка. — Я и не подозрѣвала, что вы способны на это.

— Почему?

— А потому, что вы такой солидный, такой занятой человекъ, что, вѣроятно, подобные пустяки давно уже васъ не занимаютъ.

— Вы, значитъ, считаете меня слишкомъ старымъ, чтобы находить удовольствіе въ обществѣ молодой дѣвушки? — спросилъ Дорнъ. — Вамъ съ такимъ старикомъ скучно?

— Совсѣмъ не то, — быстро, быстро начала возражать Тилла, — развѣ вы старый? Я, скажу вамъ откровенно, больше люблю бесѣдовать съ мужчинами вашего возраста, нежели съ юнцами. Юнцы, въ большинствѣ случаевъ, интересничаютъ и страшно самовлюблены... Нѣтъ, я только пошутила, я хотѣла васъ подразнить.

— И потому, — подхватилъ Дорнъ, — вы удивились, что я еще способенъ говорить комплименты. Нѣтъ, комплиментовъ я говорить не умѣю, но способности восхищаться молодостью, красотой и вообще прекраснымъ еще не утратилъ, хотя уже перевалилъ далеко тридцатилѣтній возрастъ.

При этихъ словахъ своего спутника, произнесенныхъ особенно горячо, Тилла покраснѣла и сконфузилась. Дорнъ ей нравился, но еще больше нравилось ей то, что съ нимъ можно было покататься верхомъ и весело болтать о лошадахъ и объ охотѣ. И танцоваль молодой человѣкъ недурно, а дѣвушка любила танцы до самозабвенія. Compliments Дорна сладко ласкали самолюбіе Тиллы. Ей было въ высшей степени пріятно, что солидный и серьезный человѣкъ, пользующійся репутаціей чрезвычайно умнаго и способнаго дѣльца, открыто ею восторгается и находится во власти ея женскихъ чаръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она отлично сознавала, что въ отношеніи главнаго лѣсничаго ни малѣйшихъ нѣжныхъ чувствъ не питаетъ, сердце ея молчало.

— Я, — думала Тилла, — его полюбить не могу. Надо быть осторожнѣе, а то нашъ флиртъ можетъ зайти слишкомъ далеко... Правда, что вы страстный охотникъ? — перевела дѣвушка разговоръ на другую тему. — Будь я мужчиной, охота и верховая ѣзда составляли бы мой любимый спортъ.

— Значить, — подхватилъ Дорнъ, — у насъ общіе вкусы. Я тоже страстно люблю охоту и верховую ѣзду.

— А какого рода охоту вы предпочитаете?

— Больше всего я люблю ранней весной охотиться на тетеревей.

— Расскажите, какъ охотятся на тетеревей, — попросила Тилла.

— Съ удовольствіемъ, — началъ рассказывать Дорнъ, заставивъ рвавшагося впередъ Гадебранда итти шагомъ рядомъ съ флегматичнымъ Васькой. — Надо вамъ сказать, что охота этого рода въ нашихъ мѣстахъ происходитъ въ мартъ и апрѣль, когда ночи еще очень холодныя. Въ лѣсной чащѣ, тамъ, гдѣ, по наблюденіямъ лѣсниковъ, собираются тетерева, строятся шалаши, въ которые охотники, тепло одѣвшись, забираются съ вечера. Въ каждомъ шалашѣ продѣлывается оконце для наблюденія. Шалаши обыкновенно ставятся около полянки. И вотъ передъ восходомъ солнца на полянкѣ тетерева устраиваютъ настоящій балъ...

— Что вы? — съ восхищеніемъ прервала Тилла рассказчика, — не можетъ быть! Какъ это интересно!

— Да, — продолжалъ Дорнъ, — настоящій балъ, но танцуютъ одни кавалеры. Дамы же скромно и тихохонько сидятъ по кустамъ и по деревьямъ, издали любуются тан-

цорами. А господа кавалеры, желая отличиться передъ прекрасными своими подругами, преуморительно прыгаютъ, наскაკиваютъ другъ на друга, пышно распускаютъ свои хвосты, вертятся, какъ дервиши, а порой вступаютъ даже въ единоборство... Однимъ словомъ, балъ и турниръ! Картина получается восхитительная. Выстрѣлъ охотника изъ шалаша выводитъ одного или двухъ танцоровъ изъ строя, но остальные такъ увлекаются, что не обращаютъ вниманія на тотъ трагическій характеръ, который принимаетъ балъ, и продолжаютъ веселиться. Прекращается балъ въ скоромъ времени послѣ восхода солнца. Этотъ птичій балъ-турниръ замѣчательно любопытное зрѣлище.

— Да, это страшно интересно! — съ нѣкоторой грустью проговорила Тилла. — Какъ я хотѣла бы быть мужчиной! Сколько вы, мужчины, видите въ жизни новаго и любопытнаго! Противно быть женщиной!.. Ну, еще разскажите что-нибудь на эту тему.

— Еще я люблю охоту на глухарей. Это совсѣмъ другая охота. Тутъ нужна большая опытность. Глухарь въ извѣстное время года токуеть, то-есть издаетъ рядъ совершенно своеобразныхъ звуковъ. Задача охотника заключается въ томъ, чтобы незамѣтно подобраться къ токующему глухарю. Это очень трудно, такъ какъ глухарь чрезвычайно чуткая и осторожная птица. Малѣйшій шорохъ, трескъ, и... онъ улетаетъ. Но въ тотъ моментъ, когда глухарь поетъ, онъ рѣшительно ничего не слышитъ. Этими мгновеньями охотникъ и долженъ пользоваться и во время токованья глухаря продвигаться къ нему, замирая на мѣстѣ каждый разъ, когда глухарь свой концертъ пріостанавливаетъ. Опытный охотникъ добирается вплотную къ дереву, на которомъ сидитъ пѣвецъ, и можетъ спокойно выстрѣлить въ него.

— Знаете, — задумчиво замѣтила Тилла, — я непременно хочу посмотрѣть на тетеревиный балъ. Когда наступитъ весна, я отправлюсь съ вами на охоту. Возьмете?

— Насъ вдвоемъ на эту охоту не пустятъ, — возразилъ Дорнъ.

— Почему?

— Да потому, что и графъ Людгаръ, и ваша мать скажутъ, что это не идетъ, не принято.

Нѣкоторое время они вѣхали молча. Скоро они нагнали Сашу и Вѣру и поѣхали вмѣстѣ.

— Смотрите, смотрите! — неожиданно закричала Вѣрочка, — какая прелесть!

Цѣлое стадо дикихъ козъ красивыми и легкими скачками пересѣкало дорогу. Ракеръ съ неистовымъ лаемъ метнулся за козами, которыя исчезли въ лѣсной чащѣ.

— Ракеръ, назадъ, назадъ! — начала звать собаку Вѣрочка, — назадъ противный!

— Не бойтесь, — поспѣшилъ Дорнъ успокоить дѣвочку, — Ракеру козъ никогда не догнать. Вотъ молодого зайца онъ можетъ взять, а козу никогда.

— Скажите, — задалъ Саша вопросъ главному лѣсническому, — у животныхъ есть умъ? Могутъ животныя разсуждать, какъ люди?

— Сусанна говоритъ, — замѣтила Вѣрочка, — что животныя ума не имѣютъ, что у нихъ вмѣсто ума дѣйствуютъ инстинктъ. Правда это?

— Признаться, — отозвался Дорнъ, — мы знаемъ поразительные случаи, доказывающіе, что животныя способны логически мыслить и разсуждать. Вотъ, напримѣръ, въ Берлинскомъ зоологическомъ саду живетъ шимпанзе Султанъ. Съ нимъ продѣлали такой опытъ. Около его клѣтки на нѣкоторомъ разстояніи положили бананы, а въ клѣтку сунули двѣ палки. Эти палки можно было скрѣпить вмѣстѣ при помощи особаго приспособленія. Сначала Султанъ, страстный любитель банановъ, попытался достать плоды лапой. Это не удалось. Тогда обезьяна взяла палку, но палка оказалась слишкомъ короткой. Султанъ задумался, взявъ въ лапы обѣ палки, долго, долго вертѣлъ ихъ, въ концѣ концовъ соединилъ оба конца и при помощи этого орудія досталъ бананы. Совершивъ этотъ подвигъ, обезьяна обнаружила признаки бурной радости и принялась лакомиться своимъ любимымъ фруктомъ. Я думаю, что многія животныя обладаютъ не только инстинктомъ, но и умомъ... Однако, намъ надо вернуться; мы вѣдь сдѣлали не менѣе шести верствъ.

Повернули назадъ. Изъ кустовъ вынырнулъ запыхавшійся Ракеръ. Видимо, козы заставили его хорошенько пробѣжаться.

XXVII.

Въ первыхъ числахъ октября начался разъездъ изъ Людгофа. Сначала переѣхали въ городъ Дальсенъ баронесса Пфейль съ дочерью. Потомъ покинулъ Людгофъ Штернъ, который задумалъ пробраться въ Германию, чтобы тамъ продолжать свое образованіе. Наконецъ, уѣхали и остальные, то-есть Людгаръ съ дѣтьми и швейцаркой. Жоржъ рѣшилъ перевезти дѣтей въ Дрезденъ и тамъ помѣстить ихъ въ соответственныя учебныя заведенія. Въ большомъ людгофскомъ замкѣ остались только Вѣринъ съ панной Вандой и прислугой.

Съ особенной грустью Иванъ Петровичъ провожалъ кузена и дѣтей. Рѣшено было, что они доѣдутъ до Митавы на лошадахъ, а тамъ уже пересядутъ въ поѣздъ.

Въ день отъѣзда утренній кофе пили въ пять часовъ. Сусанна уже съ четырехъ часовъ ночи, какъ угорѣлая, металась по всему дому. Пронзительный голосъ ея раздавался неожиданно въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ замка. Возбужденіе ея было необыкновенно. Она поминутно давала прислугѣ противорѣчивыя приказанія, разносила съ особенной яростью дѣтей и все время, бѣгая, какъ бѣлка въ колесѣ, по длиннымъ коридорамъ, недовольно ворчала и на всѣхъ сердилась.

— Ты знаешь, дядя Ваня, — обратился Саша къ Вѣрину, когда всѣ сѣли за столъ завтракать, — что подводы съ нашими вещами и подставой отправились еще вчера вечеромъ. Мы доѣдемъ до Туккума и тамъ пообедаемъ и перемѣнимъ лошадей.

— Перестань всякій вздоръ болтать, — рѣзко оборвала мальчика швейцарка, — кончай свой завтракъ. Къ тому же, неприлично говорить за столомъ на языкъ, который не всѣ понимаютъ. Ты же знаешь, что я русскаго языка не знаю.

— Не хотите-ли ветчины? — обратился хозяинъ къ Сусаннѣ по-французски. — Передъ такой длинной дорогой слѣдуетъ основательно подкрѣпиться.

Въ отвѣтъ гувернантка прошептала что-то непонятное и принялась съ ожесточеніемъ намазывать хлѣбъ масломъ.

Послѣ завтрака всѣ начали одѣваться. Дѣти находились въ состояніи радостнаго возбужденія, особенно Саша.

— И тебѣ, Саша, не грустно при мысли, что твой старый дядя остается здѣсь въ полномъ одиночествѣ? — обратился Вѣринъ къ племяннику, когда тотъ въ пальто сбѣжалъ по лѣстницѣ въ обширный вестибюль, увѣшанный гобеленами съ картинами изъ охотничьей жизни.

— Конечно, дорогой дядечка, — съ чувствомъ отвѣтилъ мальчикъ, — мнѣ очень жаль, что ты не ѣдешь съ нами. Почему ты не ѣдешь?

— А кто же будетъ сторожить вашъ любимый Людгофъ? — началъ шутить Иванъ Петровичъ. — Въдѣ Ватмана нѣтъ, Дорнъ можетъ пріѣзжать сюда только изрѣдка, долженъ же кто-нибудь здѣсь оставаться.

Въ вестибюль вошелъ Людгаръ. Лицо его было строго и озабочено.

— А гдѣ Сусанна и Вѣрочка? — недовольно проговорилъ онъ, оглядываясь по сторонамъ. — Женщины никогда не могутъ быть во-время готовы.

— Мы здѣсь, папочка, — поспѣшила успокоить отца Вѣрочка, вбѣгая въ комнату.

— По обычаю передъ дорогой всѣ должны присѣсть, — объявила Жоржъ, опускаясь на диванъ.

Присутствующіе начали усаживаться. Сусанну пришлось усадить чуть ли не силой, такъ какъ она рвалась на дворъ, не понимая, чего ради передъ путешествіемъ всѣ должны сидѣть. Долго также металась во всѣ стороны панна Ванда. Наконецъ, и она жеманно опустилась на краешекъ стула. Въ числѣ провожавшихъ находился и Дорнъ.

На нѣсколько секундъ воцарилось полное молчаніе. Затѣмъ Людгаръ проговорилъ:

— Ну, Вѣрочка, вставай! Ты младшая. Будемъ прощаться.

Всѣ шумно поднялись. У крыльца стояла уже щегольская коляска, въ которую была впряжена тройка рабочихъ лошадей.

Саша, въ послѣдній разъ обнявъ дядю со словами, — „пиши же мнѣ чаще“, взгромоздился на козлы рядомъ съ „старымъ кучеромъ“ (такъ обыкновенно именовали людгофскаго возницу) и немедленно вступилъ съ нимъ въ оживленный разговоръ. Мальчикъ былъ весь поглощенъ мыслью, не удастся ли ему во время пути хоть „маленькій кусочекъ“ управлять тройкой. А потому онъ самымъ усерднымъ образомъ началъ ухаживать за кучеромъ, чтобы „задобрить“ его.

Швейцарка съ растеряннымъ видомъ усѣлась рядомъ съ графомъ, а Вѣрочка втиснулась между отцомъ и своей воспитательницей. Дорнъ заботливо осмотрѣлъ колеса экипажа и затѣмъ съ нѣкоторой торжественностью проговорилъ:

— Можно ѣхать! Все въ порядкѣ!

— Счастливаго пути! — воскликнулъ Вѣринъ.

— Съ Богомъ! — тихо сказалъ Жоржъ.

Старый кучеръ чмокнулъ, чуть шевельнувъ вожжами, и коляска мягко покатила по ровной дорогѣ. Вѣрочка и Саша замахали платками, швейцарка въ видѣ прощальнаго привѣта принялась поднимать и опускать свой ярко-малиноваго цвѣта зонтикъ, а Людгаръ высоко приподнял надъ головой свою дорожную зеленую шляпу.

— Вотъ и уѣхали, — задумчиво проговорилъ Вѣринъ, медленно возвращаясь съ Дорномъ въ домъ, — какое счастье, что сейчасъ стоитъ такая дивная погода! Совершенно лѣтній день. Ѣхать будетъ отлично.

— Да, — озабоченно отозвался главный лѣсничій, — ѣхать будетъ хорошо, если только они благополучно проберутся. Вѣдь сейчасъ дороги не безопасны. Впрочемъ, я даль графу нѣсколько измѣненный маршрутъ. Я приказалъ кучеру ѣхать кружнымъ путемъ.

— А развѣ на дорогахъ шалютъ? — спросилъ генераль.

— Очень! И нападаютъ, и грабятъ, и даже убиваютъ. Особенно отличаются солдаты Бермондта. Между ними масса хулигановъ и прямо разбойниковъ. Одно горе! Чаще всего случаи ограбленій происходятъ около Митавы. Право, мы сейчасъ точно переживаемъ періодъ средне-вѣковья.

Дорнъ долженъ былъ покинуть Людгофъ только къ вечеру и весь день провелъ въ обществѣ Вѣрина. Послѣ обѣда Иванъ Петровичъ и главный лѣсничій расположились на верандѣ. Оба они растянулись на камышевыхъ кушеткахъ и вступили въ тихую бесѣду.

— А какъ устроилась въ Дальсенѣ баронесса Пфейль? — спросилъ Вѣринъ.

— Она и ея дочь живутъ у баронессы Доннерфельдъ. Тамъ собралась цѣлая нѣмецкая колонія.

— Скажите, дорогой, — обратился Иванъ Петровичъ къ своему собесѣднику, — вѣдь вы, насколько я замѣтилъ, влюблены въ фрейлейнъ Тиллу?

Дорнъ покраснѣлъ и сконфузился. Безтактный вопросъ старика былъ ему неприятенъ. Послѣ нѣкоторой паузы онъ медленно отвѣтилъ :

— Мнѣ, дѣйствительно, фрейлейнъ Пфейль очень нравится, но что же изъ этого ?

— Какъ что! — удивился генераль. — Если она вамъ нравится, если вы въ нее влюблены, то почему бы вамъ на ней не жениться ?

— Во первыхъ, я для нея слишкомъ старъ, а во вторыхъ, она за меня замужъ не выйдетъ. Что я могу предложить фрейлейнъ Тилль? Сѣрую, скучную жизнь въ медвѣжьемъ уголкѣ, гдѣ она будетъ окружена полями, лѣсами и куда рѣдко попадетъ посторонній свѣжій человекъ. А она привыкла къ роскоши, блеску и большому городу.

Дорнъ замолчалъ и задумался. Молчалъ и Вѣринъ, не находя возможнымъ что-либо возразить и соглашаясь въ душѣ съ мыслями, высказанными главнымъ лѣсничимъ. Косые лучи заходящаго солнца весело играли въ тихихъ водахъ разстилающагося передъ верандой озера. Кругомъ царила невозмутимая тишина. Начинало темнѣть, когда Дорнъ и генераль пошли на конюшню, гдѣ помощникъ кучера запрягалъ въ бѣгунки унылаго Ваську.

— Я съ вами немного проѣдусь, — заявилъ Вѣринъ. Онъ усѣлся за Дорномъ, и меланхоличный меринъ медленно двинулся въ путь.

— А каково наше политическое положеніе? — спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Оно совершенно неопредѣленное, — отвѣтилъ главный лѣсничій, дернувъ вожжами, такъ какъ Васька обнаружилъ склонность совершенно остановиться, — но, какъ всѣ говорятъ, что-то такое затѣвается. Въ Митавѣ расположился Бермондтъ со своими войсками и нѣмецкой желѣзной дивизіей. По слухамъ, отсюда предполагаетъ совершить наступленіе на Совѣтскую Россію.

— Что это за Бермондтъ? — поинтересовался Вѣринъ.

— Какой-то русскій полковникъ. Настоящая его фамилія — князь Аваловъ; Бермондтъ — псевдонимъ. Кажется, что Бермондтъ только фирма, а за его спиной дѣйствуютъ нѣмцы. Говорятъ также, что Аваловъ не полковникъ даже, а бывший военный капелмейстеръ. Ничего не разберешь!

— Ну, до свиданія, дорогой Карлъ Карловичъ, — заявилъ Иванъ Петровичъ, соскакивая съ бѣгунковъ, — не забывайте меня, чаще навѣщайте!

Главный лѣсничій мелкой рысцой поѣхаль дальше, а генераль тихо побрель по песчаной дорогѣ назадъ, думая: — Теперь я остаюсь въ Людгофѣ въ полномъ одиночествѣ, если не считать панну Ванду.

XXVIII.

Въ скоромъ времени послѣ отъѣзда Людгара и его дѣтей Вѣринь опять заболѣль и слегъ. Мѣстный деревенскій врачъ Фицманъ, заѣхавшій къ заболѣвшему садовнику Раутеншильду въ Людгофъ и котораго Иванъ Петровичъ пригласилъ къ себѣ, опредѣлилъ, что у генерала въ почкахъ періодически образуются нарывы.

По лицу Фицмана Вѣринь поняль, что докторъ считаетъ его положеніе безнадежнымъ. Но генералу было извѣстно, что молодой врачъ нерѣдко преувеличиваль опасное состояніе своихъ паціентовъ, а діагнозы его часто бывали ошибочны. То, что Фицманъ считаль ракомъ, впоследствии оказывалось простымъ катарромъ желудка, туберкулезъ превращался въ ревматизмъ и т. п.

А потому Иванъ Петровичъ доктору не повѣрилъ и подумаль:

— Ошибается эскулапъ мой, несомнѣнно ошибается. Я живучъ и тянуть еще могу долго. А жалъ! Хорошо бы теперь умереть. Самое время!

Послѣднее время жизнь не только все больше и больше тяготила Вѣрина, но и пугала. Будущее Россіи и его личное будущее рисовались ему въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Ему не вѣрилось, что онъ доживетъ до обновленія родины, до ея возрожденія.

Иногда генераль горько упрекаль себя въ томъ, что онъ покинулъ Москву, оставилъ семью и путемъ бѣгства стремилса спасти свою жизнь.

— Ужъ лучше было бы оставаться на мѣстѣ, — думаль онъ, — и тамъ погибнуть съ другими. Жизнь свою путемъ бѣгства я, дѣйствительно, спасъ, но какой смыслъ имѣеть теперь для меня моя жизнь? Я сейчасъ живу лишь въ тягость и себѣ, и другимъ. Одно хорошо, что безъ меня моимъ прожить, вѣроятно, легче; со мной имъ пришлось бы еще хуже.

Все это Иванъ Петровичъ повторяль себѣ сотни разъ, при чемъ то жалѣль о томъ, что бѣжалъ изъ Москвы, то

радовался порой тому, что своимъ бѣгствомъ, какъ ему казалось, онъ облегчилъ положеніе жены и дочери.

Вопреки предсказаніямъ Фицмана, объявившаго по секрету Дорну, что генераль проживетъ самое большее мѣсяць, къ концу октября Вѣринъ выздоровѣлъ. Физически онъ чувствовалъ себя недурно, но настроеніе его было отвратительное.

Онъ всячески старался заполнить день. Съ жаромъ принялся опять за свои воспоминанія, писалъ стихи, регулярно въ опредѣленные часы гулялъ по парку, читалъ русскія, французскія и нѣмецкія книги, которыми въ изобиліи была снабжена людгофская библіотека, однимъ словомъ, старался ни одной минуты не оставаться празднымъ.

Объ общемъ политическомъ положеніи въ Людгофъ доходили отрывочныя и случайныя свѣдѣнія. Отъ Дорна Вѣринъ узналъ, что Бермондтъ и нѣмцы захватили окончательно въ свои руки Митаву и Туккумъ, что Юденичъ съ добровольческой сѣверной арміей идетъ походомъ на Петербургъ, что у Юденича съ Бермондтомъ большія недоразумѣнія, и Деникинъ успѣшно и побѣдоносно продвигается къ Москвѣ.

Въ самомъ концѣ октября главный лѣсничій доставилъ генералу номеръ либавской русской газеты, гдѣ сообщалось, что Петербургъ занятъ арміей Юденича и большевики бѣгутъ оттуда въ паническомъ ужасѣ.

Къ этому извѣстію Вѣринъ отнесся скептически. Ему не вѣрилось, что большевики побѣждены, и часъ освобожденія пробилъ. Такое большое счастье, при одной мысли о которомъ духъ захватывало, казалось ему невѣроятнымъ.

Предчувствія Ивана Петровича оправдались: Юденичъ принужденъ былъ оставить Петербургъ. Затѣмъ до Людгофа дошелъ слухъ, что въ Дальсенѣ водворились войска Бермондта, которые грабятъ, убиваютъ и совершаютъ разныя безчинства.

Въ первыхъ числахъ ноября въ Людгофъ неожиданно подъ командой трехъ офицеровъ явилась рота солдатъ изъ добровольческой арміи Бермондта. Эта рота состояла исключительно изъ нѣмцевъ. Ротный командиръ ея, оберлейтенантъ Зальцбургъ, раньше въ качествѣ кадроваго офицера служилъ въ рядахъ нѣмецкой арміи.

Вѣринъ и Дорнъ, пріѣхавшіи случайно въ Людгофъ, должны были устроить въ имѣніи офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Офицеровъ помѣстили въ замкъ въ комнатахъ

для гостей, а солдатамъ отвели флигель, гдѣ раньше помещалась контора имѣнія и жилъ управляющій.

По слухамъ, воины Бермондта мало отличались отъ заправскихъ бандитовъ. Фельдфебель той роты, которая пришла въ Людгофъ, нѣсколько дней тому назадъ былъ по приговору полевого суда разстрѣлянь за разбой.

Оберъ-лейтенантъ Зальцбургъ произвелъ на Ивана Петровича впечатлѣніе мягкаго и симпатичнаго человѣка, но слабого и неспособнаго поддерживать порядокъ въ своей распущенной командѣ. Въ одномъ изъ сосѣднихъ имѣній Зальцбургъ забралъ щенка-таксу и съ этой собакой возился цѣлые дни.

Старшій изъ субалтерновъ роты, лейтенантъ Прескулайтисъ, хотя и носилъ литовскую фамилію, но и по воспитанію, и по облику своему могъ считаться нѣмцемъ. До войны онъ служилъ въ аптекѣ въ качествѣ провизора. На германскаго офицера Прескулайтисъ походилъ очень мало, напоминая скорѣй мелкаго чиновника или народнаго учителя.

Третій офицеръ, лейтенантъ Брантъ, попалъ въ офицеры изъ нижнихъ чиновъ, получилъ, видимо, только начальное образованіе и производилъ впечатлѣніе невоспитаннаго, малоинтеллигентнаго и грубаго человѣка.

Черезъ полчаса послѣ прибытія роты въ Людгофъ, къ Ивану Петровичу прибѣжала перепуганная Ванда съ сообщеніемъ, что солдаты во флигель ломаютъ мебель и топятъ ею печи. Генераль немедленно сообщилъ объ этомъ ротному командиру, поившему въ своей комнатѣ такса молокомъ. Зальцбургъ отправился къ своимъ подчиненнымъ, которые успѣли уже превратить въ дрова старинный великолѣпный комодъ изъ краснаго дерева и нѣсколько кресель.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ ротный солдатъ, толпившихся около весело пылающей печи. — Вѣдь за дровами уже послали. Они вамъ будутъ доставлены черезъ десять минутъ. Могли же вы подождать!

— Чего ждатель-то! — слышались изъ кучки недовольные голоса. — Замерзать мы не намѣрены... Пусть съ дровами поторопятся, а то мы здѣсь все разнесемъ.

Оберъ-лейтенантъ не безъ робости прикрикнулъ на недовольныхъ, пригрозилъ имъ даже судомъ за уничтоженіе чужой собственности и затѣмъ началъ уговаривать роту вести себя прилично, какъ подобаешь вести себя героямъ-освободителямъ.

Кончилъ свою длинную рѣчь командиръ словами:

— Надѣюсь, что вы не принудите меня прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Судьба нашего фельдфебеля, казненнаго на-дняхъ за разбой, должна служить вамъ постояннымъ предостереженіемъ. Лейтенантъ Брантъ, поручаю вамъ присмотрѣть за тѣмъ, чтобы ни одинъ стулъ, ни одна вещь изъ этого помѣщенія не попала въ печь.

Тѣмъ временемъ по распоряженію Дорна къ флигелю былъ доставленъ возъ съ дровами. Солдаты начали переносить дрова, а Вѣринъ, Зальцбургъ и Прескулайтисъ направились въ замокъ.

Съ ротой остался лейтенантъ Брантъ. Послѣ ухода ротнаго, въ присутствіи Дорна и Ванды онъ, потрясая револьверомъ, сталъ вопить:

— Если кто изъ васъ, каналы, осмѣлится еще что-либо сжечь изъ мебели, то я немедленно этимъ самымъ револьверомъ пушу ему пулю прямо въ лобъ. Слышите, собаки этакія! Званіе воина священно и обязываетъ къ деликатности. Воину не подобаетъ жечь чужую мебель даже тогда, когда онъ замерзаетъ. Надо терпѣть и замерзать, но не трогать того, что тебѣ не принадлежитъ. Слышите, черти!

Разность офицера сопровождался такой уморительной мимикой его лица, солдаты при грозныхъ словахъ своего начальника такъ весело ухмылялись, что Ванда, возвращаясь съ Дорномъ домой, объявила ему:

— Этотъ долговязый франтъ тянетъ сторону своихъ солдатъ. Онъ съ ними заодно, а кричитъ только для виду. Разорять они насъ, все растащутъ.

Иванъ Петровичъ въ тотъ же день, бесѣдуя съ Зальцбургомъ, сталъ просить его не позволять солдатамъ самоуправствовать, общая и кормить ихъ, и доставлять все необходимое.

— Все сдѣлаю, что возможно, генераль, — отвѣтилъ оберъ-лейтенантъ, — но вы не повѣрите, какъ намъ, офицерамъ, теперь трудно поддерживать въ своихъ частяхъ порядокъ и дисциплину. Имѣйте въ виду, что наша добровольческая армія состоитъ изъ всякаго сброда.

Вѣринъ и самъ видѣлъ, что офицеры среди своихъ подчиненныхъ авторитетомъ не пользовались. Роль начальства сводилась, главнымъ образомъ, къ „уговариванію“ солдатъ вести себя прилично.

— Настоящая „керенщина“! — подумалъ Вѣринъ, слушая жалобы Зальцбурга. — При Керенскомъ офицеры тоже

были бессильны приказывать солдатамъ и только цѣлые дни уговаривали ихъ быть пайнъками. Съ такой арміей мало что сдѣлаешь!

XXIX.

Черезъ два дня Дорнъ уѣхалъ въ городъ, и Вѣринъ остался одинъ со своими постояльцами. И Зальцбургъ, и Прескулайтисъ оказывали генералу вниманіе и при помощи безконечныхъ уговоровъ старались поддержать среди солдатъ порядокъ и дисциплину. До нѣкоторой степени это имъ удавалось, и солдаты, хотя и вели себя очень развязно и нахально, все же открытымъ грабежомъ не занимались и довольствовались тѣмъ, что имъ давали.

Разъ вечеромъ Иванъ Петровичъ, Зальцбургъ и Прескулайтисъ сидѣли въ зеленой гостиной и мирно бесѣдовали. Въ каминѣ весело потрескивали дрова. На дворѣ уныло завывалъ вѣтеръ.

— Какъ здѣсь уютно и хорошо! — тихо проговорилъ Зальцбургъ, задумчиво устремивъ взоръ на языки огня, лизавшіе дрова, — въ походной жизни подобное мѣстечко кажется раемъ.

— А долго вы у насъ пробудете? — спросилъ Вѣринъ. — Расскажите мнѣ о дальнѣйшемъ движеніи вашей арміи все то, что не составляетъ секрета.

— Долженъ вамъ сказать, — добродушно отвѣтилъ оберъ-лейтенантъ, — что мы и сами знаемъ очень мало. Мнѣ извѣстно только то, что мы должны прочно занять этотъ край и затѣмъ помочь русской сѣверной добровольческой арміи свергнуть большевиковъ. Здѣсь мы должны оборудовать свою базу и только тогда двинемся съ Юденичемъ на Москву.

— Скажите, — поинтересовался Иванъ Петровичъ, — что васъ собственно побудило поступить въ ряды арміи Бермондта?

— А куда же мнѣ, позвольте васъ спросить, дѣваться? Вѣдь вотъ я кадровый офицеръ! Большая часть германской арміи распущена. Найти въ настоящее время въ Германіи офицеру занятіе почти невозможно. Ну, а въ арміи Бермондта хорошо платятъ, хотя вотъ эти деньги вызываютъ у насъ нѣкоторое сомнѣніе.

Тутъ Зальцбургъ вынулъ изъ кармана нѣсколько ассигнацій и протянулъ ихъ генералу. На лицевой сторонѣ небольшой ассигнаціи по-русски значилось: „Временный размѣнный знакъ. Одна марка. Западной добровольческой арміи. Митава, 10 окт. 1919. Командующій Западной Добровольческой Арміей полковникъ Аваловъ-Бермондтъ. Эти размѣнные знаки обезпечиваются всѣмъ достояніемъ западной добровольческой арміи, имѣютъ хожденіе на территоріи занятой арміей, какъ законное средство платежа и съ 1-го апрѣля 1920 г. свободно размѣняются въ армейскомъ казначействѣ на марки или на равноцѣнную рублевую валюту. За поддѣлку сихъ размѣнныхъ знаковъ виновные подвергаются строгому наказанію.“

На оборотѣ „размѣннаго знака“ подобная же надпись была отпечатана на нѣмецкомъ языкѣ.

— Этими марками, — пояснилъ Прескулайтисъ, — выдаютъ половину причитающагося намъ жалованья; другую же половину мы получаемъ въ германскихъ деньгахъ. Какъ вы, генераль, думаете: деньги эти вѣрныя?

Вѣринъ внимательно разсмотрѣлъ аваловскую марку и началъ откровенно высказывать свое мнѣніе:

— Правду сказать, эти деньги и у меня возбуждаютъ большія сомнѣнія. Смущаетъ меня то, что „временные знаки“, какъ они именуются, обезпечиваются всѣмъ достояніемъ арміи. Но какая же это гарантія! При неудачѣ арміи подобныя ассигнаціи потеряютъ всякую цѣнность и будутъ представлять интересъ только для коллекціонеровъ. Правда-ли, что каждому вашему добровольцу обѣщали отвести здѣсь въ краѣ участки земли?

— Правда, — подтвердилъ Зальцбургъ. — Это обстоятельство, главнымъ образомъ, и побудило многихъ уволенныхъ со службы солдатъ искать счастья въ арміи Бермондта.

Въ гостиную вошелъ ефрейторъ и подалъ своему ротному срочный пакетъ, доставленный верховымъ изъ штаба полка.

Зальцбургъ, пробѣжавъ бумагу, поблѣднѣлъ и тихо проговорилъ:

— Мнѣ приказано съ разсвѣтомъ оставить Людгофъ и итти по направленію къ Гольдингену. Видимо, мы спѣшно отступаемъ. Произошла какая-то катастрофа.

— Вотъ такъ собачья жизнь! — вырвалось у Прескулайтиса. — Думали хоть немного передохнуть, а тутъ гони дальше.

— Война, ничего не подѣлаешь! — со вздохомъ сказалъ оберъ-лейтенантъ. — А я мечталъ о томъ, что мы проживемъ здѣсь до весны. Пойду къ солдатамъ моимъ и сдѣлаю всѣ распоряженія.

На слѣдующій день рано утромъ рота начала готовиться къ выступленію. Солдаты ворчали, открыто выражали свое неудовольствіе по поводу предстоящаго похода и вяло собирались въ кучки, обсуждая положеніе вещей. Они заявили, что двинутся только черезъ недѣлю, такъ какъ нуждаются въ отдыхѣ. Только послѣ долгихъ уговоровъ начальствующихъ лицъ рота согласилась тронуться въ путь.

Передъ самымъ выступленіемъ произошла маленькій инцидентъ. Одинъ изъ солдатъ залѣзъ въ курятникъ, схватилъ тамъ гуся, зарѣзалъ его и спряталъ между вещами въ одной изъ обозныхъ телѣгъ. Совершилъ онъ похищеніе гуся на глазахъ у птичницы, которая немедленно полетѣла съ жалобой къ экономкѣ. Ванда пожаловалась Зальцбургу, который уже сидѣлъ на конѣ, собираясь тронуться въ путь. Не взирая на ропотъ солдатъ, офицеры осмотрѣли повозки и въ одной изъ нихъ нашли вещественное доказательство, то есть зарѣзаннаго гуся. Гусь былъ пожертвованъ полькой солдатамъ, которымъ она объяснила, что ей гуся не жалко, но нельзя допускать „самовольства“. Этимъ инцидентъ былъ исчерпанъ къ общему удовольствію.

Когда рота ушла, оказалось, что въ помѣщеніи, которое ей было отведено, всѣ шкафы и комоды взломаны и кое-какія мелкія вещи похищены.

XXX.

Когда вечеромъ въ день ухода бермондцевъ Вѣринъ началъ раздѣваться, чтобы лечь въ постель, онъ вдругъ услышалъ на дворѣ какіе-то голоса.

— Вѣроятно, молодые люди занимаются флиртомъ съ нашими горничными, — рѣшилъ Иванъ Петровичъ.

Совершивъ ночной туалетъ, онъ легъ въ постель и подумалъ:

— Наступила самая блаженная минута въ теченіе всего дня. Сейчасъ я оторвусь отъ повседневной прозы,

отъ гнетущихъ, назойливыхъ мыслей... Быть можетъ, мнѣ даже приснится что-нибудь хорошее: жена, дочь, какой-нибудь эпизодъ изъ незабвеннаго прошлаго...

Иванъ Петровичъ заснулъ и увидѣлъ странный сонъ.

Ему приснилось, что онъ съ покойнымъ императоромъ и всей его семьей находится въ какомъ-то мрачномъ подвалѣ. Онъ, Вѣринъ, при царской семьѣ играетъ роль совѣтника и утѣшителя. Къ нему всѣ обращаются съ вопросами, при чемъ особенно волнуется одна изъ великихъ княжёнъ, одѣтая въ какой-то сѣрый арестантскій халатъ. Эта молодая дѣвушка возбуждаетъ въ Иванѣ Петровичѣ особенно жалостливое чувство, и онъ съ горячимъ участіемъ пытается ей объяснить, что никакой рѣшительно опасности нѣтъ, что Колчакъ уже занялъ городъ и ихъ сейчасъ всѣхъ освободятъ... Но вдругъ подвалъ наполняется солдатами съ звѣрскими и пьяными лицами. Они съ хохотомъ выстраиваются у одной изъ стѣнъ, выхватываютъ изъ кобуръ револьверы и открываютъ стрѣльбу въ царя и его семью. Та великая княжна, которая въ сѣромъ халатѣ, бросается къ генералу, обхватываетъ его шею руками и начинаетъ умолять его спасти ее... Но револьверные выстрѣлы все учащаются и учащаются, падаетъ, обливаясь кровью, императоръ, падаютъ одна за другой великія княжны, раздается страшный трескъ, грохотъ и... Вѣринъ просыпается и вскакиваетъ съ постели...

Въ двери его комнаты кто-то настойчиво стучить, и раздается голосъ Ванды:

— Скорѣй вставайте, генераль, и выходите въ коридоръ. У насъ не все благополучно.

Въ эту минуту раздался звонъ разбиваемаго гдѣ-то стекла.

— Разбойники напали, — подумалъ Иванъ Петровичъ, поспѣшно одѣваясь.

Съ палкой въ рукахъ онъ выскочилъ изъ своей комнаты. Въ одномъ изъ концовъ нижняго коридора онъ засталъ Ванду, лакея Павла и Дорна, вечеромъ пріѣхавшаго въ Людгофъ. Главный лѣсничій держалъ въ рукахъ охотничье ружье.

Генералу сообщили, что какая-та шайка атакуетъ замокъ, выбиваетъ камнями стекла и при помощи бревна пытается выломать наружную входную дверь.

Вдругъ послышался трескъ, и мимо головы Дорна, посмотрѣвшаго въ окно, пролетѣлъ увѣсистый камень. Одно-

временно раздались повторные удары въ наружную дверь, сопровождаемые гиканьемъ, визгомъ и хохотомъ.

— Я могъ бы стрѣлять, — замѣтилъ главный лѣсничій, — но, быть можетъ, у нихъ тоже имѣется огнестрѣльное оружіе, и тогда начнется между нами перестрѣлка.

— Надо выждать, — рѣшилъ Иванъ Петровичъ, — вотъ если они взломаютъ двери и ворвутся къ намъ, тогда вамъ, конечно, придется стрѣлять.

Осажденные прошли изъ коридора въ бывшую бильярдную, помѣщавшуюся рядомъ со столовой. Тамъ они застали всѣхъ трехъ перепуганныхъ горничныхъ, которыхъ, когда начался штурмъ замка, накинувъ кое-какъ на себя юбки, выскочили изъ своихъ комнатъ, расположенныхъ въ полуподвальномъ этажѣ, и забились въ бильярдной.

Наружная дверь оказалась настолько прочной, что взломать ее нападающимъ не удалось. Въ виду же того, что всѣ окна полуподвального этажа были защищены крѣпкими желѣзными рѣшетками, попытки проникнуть въ замокъ черезъ окна также потерпѣли неудачу.

Перебивъ нѣсколько десятковъ оконныхъ стеколъ, осаждающіе внезапно разбѣжались. Потомъ оказалось, что ихъ испугали какіе-то возвращающіеся домой прохожіе. Все происшествіе длилось минутъ сорокъ.

Только поздно ночью удалось Вѣрину опять заснуть.

На слѣдующій день выяснилось, что людгофскіе парни хотѣли ночью проникнуть къ горничнымъ, которыхъ раньше они часто посѣщали. Но на этотъ разъ дамы закапризничали и къ себѣ своихъ кавалеровъ не пустили. А такъ какъ кавалеры были выпивши, то они и учинили описанный дебошъ. „Исторію“ пришлось предать забвенію, такъ какъ на мѣстахъ царилъ періодъ безвластія.

Въ тотъ же день послѣ скромнаго ужина, состоявшаго изъ картофеля и простокваши, когда Дорнъ и Вѣринъ сидѣли въ гостиной и разговаривали, въ комнату неожиданно вошла Тилла фонъ Пфейль. Она была въ дорожномъ костюмѣ и, видимо, сильно продрогла. Оказалось, что Тилла пріѣхала изъ города по порученію своей матери. Изъ Дальсена возвращался домой управляющій сосѣдняго имѣнія Брайгофа. Онъ и подвезъ дѣвушку до Людгофа, а самъ поѣхалъ дальше.

Тиллу поспѣшили напоить чаемъ, а затѣмъ ее усадили передъ пылающимъ каминомъ на удобномъ креслѣ и приступили къ распросамъ.

— Я прїѣхала за вами, — объявила дѣвушка, — бермондтцы покидаютъ этотъ край. Они разбиты и отступаютъ къ границамъ Германіи. Здѣсь, вѣроятно, на нѣкоторое время водворится анархія, а потомъ начнется большевизація. Мы уѣдемъ съ войсками въ Германію. Вы должны непременно присоединиться къ намъ, а то, если вы останетесь здѣсь, васъ могутъ убить. Однимъ словомъ, собирайтесь, укладывайтесь, и мы вмѣстѣ немедленно отсюда уѣдемъ. Рѣшительно всѣ помѣщики и нѣмцы покидаютъ этотъ край. Мама поручила мнѣ все это вамъ передать. Я сама прїѣхала, такъ какъ некого было послать. Вошла я въ замокъ никѣмъ незамѣченной. Входная дверь оказалась отпертой... Итакъ, ѣдемъ!

Тилла замолчала и вопросительно взглянула на генерала и Дорна. Послѣдній послѣ минуты молчанія нерѣшительно проговорилъ:

— Здѣсь, видимо, дѣйствительно, начинается анархія. Пожалуй, будетъ благоразумнѣе намъ на нѣкоторое время покинуть край. А вы, генераль, какого мнѣнія?

Въ душѣ Вѣрина въ это время происходила борьба. Онъ отлично сознавалъ, что, оставаясь въ Людгофѣ, рискуетъ своей жизнью, но вмѣстѣ съ тѣмъ тронуться въ дальнюю дорогу безъ денегъ въ самомъ началѣ зимы, чтобы искать счастья въ странѣ, гдѣ онъ провелъ многіе мѣсяцы въ плѣну, казалось ему свыше его силъ.

— Какого я мнѣнія? — медленно отвѣтилъ онъ на вопросъ Дорна. — Я никуда рѣшительно отсюда не двинусь. Денегъ у меня нѣтъ, я боленъ, душу мою охватила полная апатія. Возможно, что меня и убьютъ, но жизнь моя сейчасъ рѣшительно никому не нужна. Если я уѣду въ Германію, что я тамъ буду дѣлать? Милостыню просить? Вѣдь работы подходящей я не найду... Однимъ словомъ, фрейлейнъ Тилла, скажите вашей матери, что я безконечно тронуть ея заботой обо мнѣ, страшно ей благодаренъ, но отсюда никуда не тронусь. Берите съ собой Карла Карловича и уѣзжайте, а меня предоставьте моей собственной участи.

— Если вы, генераль, не уѣдете, — твердо заявилъ Дорнъ, — то и я не уѣду. Одного васъ здѣсь я не оставляю. Къ тому же, я имѣю довѣренности отъ нѣсколькихъ помѣщиковъ и офиціально считаюсь ихъ представителемъ. Бросить четыре имѣнія на произволъ судьбы я не могу.

Тилла съ жаднымъ вниманіемъ вслушивалась въ каждое слово Ивана Петровича и Дорна, и на прелестномъ лицѣ ея, какъ въ зеркалѣ, отражались волнующія ея душу чувства: страхъ, разочарованіе, досада и даже негодованіе.

— Господа, господа! — начала возражать дѣвушка, стараясь говорить спокойно, хотя вздрагивающіе углы рта выдавали охватившее ее волненіе. — Остаться здѣсь совершенно невысказано. Въ тотъ моментъ, когда войска Бермондта покинуть этотъ край, а латыши еще не успѣютъ организовать своей власти, у насъ воцарится на нѣкоторое время полная анархія. И сейчасъ уже вездѣ бродятъ банды мародеровъ-солдатъ и большевиковъ. Вѣдь вы же слышали, что подобныя банды уже разгромили Зегевольдъ, Угалень, Порагень и другія имѣнія. Доберутся разбойники безъ всякаго сомнѣнія и до Людгофа. Никто васъ не защититъ, никто не подастъ вамъ помощи, если къ вамъ ворвутся нѣсколько мародеровъ или шайка большевиковъ. Остаться здѣсь — самоубійство!... Подумайте только: вы вотъ, генераль, здѣсь погибнете, а ваша семья окажется жива. Какое горе вы ей причините! Денегъ и у насъ, и у васъ, дѣйствительно, нѣтъ, но мы все же какъ-нибудь пробьемся. У васъ, генераль, простите меня за откровенность, припадокъ неврастеніи, припадокъ болѣзненной апатіи, но съ этимъ состояніемъ вы должны мужественно бороться. Если мама и я, а мы вѣдь женщины, рѣшили бороться до конца, то вы, мужчины, тѣмъ болѣе не должны добровольно подставлять свои головы подъ удары судьбы. И господинъ Дорнъ обязанъ отсюда уѣхать. Какая польза будетъ для его довѣрителей, если его убьютъ? Онъ вернется сюда тогда, когда опасность минуетъ... Итакъ, господа, укладывайте свои вещи и теперь же поѣдемъ, чтобы еще до зари попасть въ городъ. Ну?

Тилла замолчала. Дорнъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на дѣвушку, ожидая, что скажетъ Вѣринъ. Онъ рѣшилъ поступить такъ, какъ поступитъ генераль: ѣхать, если послѣдній поѣдетъ, и оставаться, если онъ останется.

Иванъ Петровичъ заговорилъ не сразу. Онъ взялъ сначала маленькую кочергу и поправилъ ея дрова въ каминъ, потомъ задумался и только черезъ нѣсколько минутъ проговорилъ какимъ-то глухимъ, старческимъ голосомъ, точно разсуждая самъ съ собою:

— Вы, фрейлейнъ Тилла, правы, совершенно правы. Всѣ ваши доводы убѣдительны, логичны и неотразимы. И какъ вы краснорѣчивы! Право, я не шучу: вы такъ горячо,

красиво и ясно высказали свои мысли! Вы всякого можете убѣдить...

При этихъ словахъ генерала лицо дѣвушки залило румянецъ, она бросила быстрый взглядъ въ сторону Дорна и подумала:

— Побѣдила, убѣдила! Вотъ счастье! А я боялась, что старикашка упрется.

— Но, — продолжалъ Вѣринъ, — я все же отсюда рѣшительно никуда не тронусь. Дитя мое, послушайте меня до конца! Попытайтесь понять мое душевное состояніе. Я потерялъ вкусъ къ жизни, я не хочу и не могу больше бороться за свое существованіе... Я, однимъ словомъ, сейчасъ „живой трупъ“. Впрочемъ, вамъ трудно понять это. Вы вѣдь такъ молоды, такъ прелестны, будущее ваше такое заманчивое... Трудно, очень трудно понять вамъ, дорогая моя, психологію такого отжившаго старика, какъ я. Дорнъ, конечно, долженъ уѣхать съ вами. Я останусь здѣсь одинъ. Буду сторожить Людгофъ. Авось кое-что спасу для Жоржа! Вѣдь если я уѣду, свои же служащіе могутъ его разгромить и все растаскать...

До утра почти продолжался споръ. Генерала убѣдить не удалось. Дорнъ также рѣшительно заявилъ, что остается. Даже слезы Тиллы, иногда появлявшіяся на ея длинныхъ рѣсницахъ, не помогли.

Попрощавшись съ дѣвушкой и Дорномъ, генералъ направился къ себѣ, а Дорнъ пошелъ провожать Тиллу до дверей ея комнаты.

Въ коридорѣ Тилла остановилась и, потупивъ глаза, тихо спросила Дорна:

— А если я васъ попрошу не упрямиться, въ Людгофъ не оставаться и ѣхать съ нами, — исполните вы мою просьбу?

При этихъ словахъ дѣвушки у Дорна усиленно забило сердце, и онъ почувствовалъ безумное желанье бросить всѣ свои дѣла, генерала, Людгофъ и слѣдовать за любимымъ существомъ на край свѣта.

— Не соблазняйте меня, фрейлейнъ Тилла, — отвѣтилъ онъ чуть слышно. — Вы понимаете, что мой долгъ оставаться здѣсь. Если я уѣду, бросивъ на произволь судьбы всѣ довѣренныя мнѣ имѣнія и нашего генерала, вы первая перестанете уважать меня. Я не могу уѣхать.

— Но я боюсь за васъ, — не сдавалась дѣвушка, — генералъ старъ, немного выжилъ уже изъ ума, упрямя, его

не переубѣдишь, вы же... вы же не имѣете права такъ без-
полезно рисковать своей жизнью.

— Моя жизнь, — вырвалось у Дорна, — съ нѣкоторыхъ
поръ меня тяготитъ. Иногда мнѣ до того тяжело, что...

— Но почему, почему? — съ ноткой раздраженія
прервала Тилла главнаго лѣсничаго.

— Да потому, — скороговоркой продолжалъ Дорнъ, —
что я... Тутъ онъ осѣкся и замолчалъ.

Тилла глубоко вздохнула, какъ-то безнадежно трях-
нула своей красивой головкой, виновато и робко взглянула
на своего собесѣдника и устало проговорила:

— Простите меня, но я едва держусь на ногахъ. Спо-
койной ночи!

Молодые люди молча обмѣнялись рукопожатіемъ и
разошлись по своимъ комнатамъ.

Рано утромъ Шульцъ, по распоряженію Дорна, отвезъ
дѣвушку въ городъ. Главный лѣсничій предоставилъ ба-
ронессѣ Пфейль повозку и пару лошадей, а Шульцъ со-
гласился довезти баронессу и ея дочь до нѣмецкой гра-
ницы.

Черезъ недѣлю Шульцъ вернулся въ Людгофъ, но
безъ повозки и лошадей.

— Почему вы не вернулись на лошадяхъ нашихъ? —
спросилъ Дорнъ датчанина.

— Да потому, — отвѣтилъ тотъ, — что всѣхъ лоша-
дей бермондтцы безъ всякой церемоніи отбираютъ. Они съ
лошадьми обратно меня не пустили бы. Добрался я сюда
частью пѣшкомъ, частью пристраиваясь къ проѣзжающимъ.
По дорогѣ меня нѣсколько разъ чуть не убили.

Послѣ спѣшнаго бѣгства бермондтцевъ изъ края, на
нѣкоторое время тамъ воцарилась своего рода анархія.
Кругомъ только и слышно было о разбойныхъ нападеніяхъ,
убійствахъ и грабежахъ.

Управляющій Брайгофа, тотъ самый, который привезъ
Тиллу въ Людгофъ, на слѣдующій же день послѣ своего
возвращенія въ имѣніе былъ застрѣленъ тремя солдатами
среди бѣла дня въ своей комнатѣ. Передавали, что это
убійство явилось местию со стороны рабочихъ, съ кото-
рыми управляющій строго обращался.

Вѣринъ все время ожидалъ, что въ Людгофъ ворвутся
грабители или большевицкія банды Крѣтоля. Каждый ве-
черъ, ложась въ постель, онъ не былъ увѣренъ, что

дождется разсвѣта. Это постоянное ожиданіе катастрофы дѣйствовало удручающе на его нервы. Таково же было и душевное состояніе Дорна, который послѣднее время жилъ въ Людгофѣ.

XXXI.

Къ концу ноября на мѣстахъ опять водворились латышскія власти. Бразды правленія въ Латвіи взялъ въ свои руки Карлъ Ульманъ. Разбои и грабежи въ краѣ, хотя и продолжались, но въ меньшей степени. Бандитовъ преслѣдовала не только полиція, но боролись съ ними и войска.

Какимъ-то чудомъ Людгофъ уцѣлѣлъ, и ни одна разбойничья банда тамъ не появлялась. Когда Дорнъ уѣхалъ, Иванъ Петровичъ остался въ полномъ одиночествѣ. Ванда была цѣлые дни занята, и встрѣчался съ нею генераль лишь изрѣдка въ коридорахъ замка.

Вѣрина не такъ тяготило одиночество, какъ мысль о женѣ и дочери. Уже болѣе года онъ не имѣлъ о нихъ рѣшительно никакихъ извѣстій и опасался, что онѣ погибли.

Печально прошли для генерала рождественскіе праздники. Въ день Сочельника онъ, по приглашенію Ванды, зашелъ вечеромъ на кухню, гдѣ для прислуги была зажжена маленькая елка. Горничныя, принарядившіяся по случаю торжественнаго дня, спѣли по-латышски нѣсколько пѣсень. Иванъ Петровичъ роздалъ имъ заранѣе заготовленные конверты съ деньгами и, пожелавъ всѣмъ пріятно провести праздники, грустно удалился въ свою комнату, гдѣ онъ почувствовалъ себя особенно одинокимъ и несчастнымъ.

Наканунѣ новаго, 1920-го, года Вѣринъ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„Минувшій годъ далъ намъ мало хорошаго, а общее политическое положеніе еще болѣе неопредѣленно и неясно, нежели въ концѣ 1918-го года, когда я покинулъ Москву. Тогда всѣ надѣялись на скорое освобожденіе отъ большевицкаго ига. Сейчасъ же сверженіе большевиковъ представляется чѣмъ-то очень далекимъ, и я начинаю терять надежду, что доживу до горячо ожидаемаго событія... У меня сейчасъ почти совершенно исчезло желаніе продолжать жить. Въ безпросвѣтныхъ тонахъ рисуется мнѣ будущее Россіи и мое собственное будущее. Такъ тяжело

оставаться здѣсь въ качествѣ жалкаго приживальщика! Да и долго ли еще продержится Людгофъ?... Надо жить въ мечтахъ, надѣяться на чудо, самообольщать себя призрачной надеждой. Реальная же дѣйствительность слишкомъ горька, слишкомъ невыносима.

„Въ мечтахъ живи, несчастный, бѣдный!
Вѣдь такъ дѣйствительность блѣдна.
Въ мечтахъ ты пой свой гимнъ побѣдный,
Хоть о побѣдѣ мысль смѣшна.“

Въ мечтахъ забудешь ты страданья,
И расцвѣтутъ въ душѣ цвѣты,
Мечты причудливой созданья,
Не здѣшней, дивной красоты.

Мечта полетомъ гордымъ, смѣлымъ
Тебя высоко вознесетъ,
Твое же сердце счастьемъ свѣтлымъ
И упоенемъ грезъ зальетъ.“

Этимъ стихотвореніемъ кончилъ Вѣринъ свой дневникъ за 1919-ый годъ, на первой страницѣ котораго онъ сдѣлалъ такую надпись: „Въ случаѣ моей смерти, прошу эту тетрадь передать моей женѣ или дочери.“

XXXII.

Четыре зимнихъ мѣсяца Вѣринъ провелъ почти въ полномъ одиночествѣ. Изрѣдка на короткое время въ Людгофъ появлялся Дорнъ и привозилъ генералу старыя газеты и послѣднія устныя новости.

Большую часть дня Иванъ Петровичъ проводилъ въ своей комнатѣ. Послѣ обѣда онъ обыкновенно выходилъ на веранду и тамъ прохаживался взадъ и впередъ. Гулять въ паркѣ нельзя было, такъ какъ всѣ дороги были занесены глубокимъ снѣгомъ.

Когда генераль появлялся на верандѣ, онъ всегда приходилъ тамъ Ракера, который сначала привѣтствовалъ его бурными прыжками и ласковымъ ворчаньемъ, а затѣмъ ложился на одну изъ ступенекъ веранды и въ такомъ положеніи, посматривая зоркими глазами по направленію растягивающагося передъ верандой парка и временами бросая нѣжные взоры въ сторону старика, оставался до тѣхъ поръ, пока Иванъ Петровичъ не возвращался въ домъ.

Собака очень привязалась къ Вѣрину. Эта симпатія развилась у нея не сразу. Первое время Ракеръ дичился генерала, огрызался, когда тотъ пытался приласкать его, и какъ-то разъ даже укусилъ его. Но послѣ отъѣзда Ватмана изъ Людгофа Вѣрину удалось приручить гордаго пса. Ивану Петровичу нравилось, что собака рѣдко къ кому ласкалась и въ отношеніи постороннихъ лицъ держала себя надменно. Ему было пріятно въ концѣ концовъ побѣдить сердце собаки.

— Ты, Ракеръ, — говорилъ иногда Вѣринъ собакѣ, — здѣсь мой единственный другъ. Только съ тобой я и могу поговорить. Мое настроеніе своей чуткой собачьей душой ты понимаешь лучше, нежели люди. Вѣдь такъ?

При этихъ словахъ генерала Ракеръ усиленно помахивалъ своимъ длиннымъ хвостомъ, умными, пронизательными глазами поглядывалъ на своего собесѣдника и одобрительно рычалъ.

Сынъ Ракера — Тирасъ — походилъ на отца только по внѣшности. Къ людямъ онъ относился гораздо благодуще, нежели Ракеръ. Тирасъ ко всѣмъ ласкался и даже къ постороннимъ относился съ заискивающей угодливостью. Официально Тирасъ считался собственностью Вѣрочки.

Между обѣими собаками дружбы не было. Иногда онѣ вмѣстѣ играли, но если Тирасъ позволялъ себѣ въ отношеніи отца слишкомъ большую фамиллярность, тотъ больно кусалъ его, и игра этимъ кончалась.

Прислуга замка, исключая кухарки, Ракера не любила. Особенно ненавидѣла собаку прачка Марта. У горничной Эммы, краснощекой блондинки, и шестнадцатилѣтней хорошенькой птичницѣ Лизы Марта пользовалась большимъ авторитетомъ, такъ какъ въ 1905 году просидѣла три мѣсяца въ тюрьмѣ за свои „соціалистическія идеи“. Судомойка же и кухарка къ краснымъ убѣжденіямъ прачки относились явно отрицательно.

Въ первыхъ числахъ марта обитатели замка узнали, что Ватманъ окончательно возвращается въ Людгофъ, такъ какъ по случаю роспуска большей части ландсвера ему удалось оставить военную службу. За два дня до возвращенія управляющаго Ракеръ вдругъ безслѣдно исчезъ.

На первыхъ порахъ это обстоятельство не обезпokoило Вѣрина, такъ какъ ему было извѣстно, что ранней весной другъ его обычно дѣлалъ продолжительные визиты слабой половинѣ собачьяго рода, живущей по сосѣднимъ хуторамъ и имѣніямъ.

Но прїѣхаль въ Людгофъ Ватманъ, прошла недѣля, а собака продолжала отсутствовать.

Однажды вечеромъ Иванъ Петровичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и что-то писалъ. Вдругъ въ комнату тихо вошла Ванда. Видь у нея былъ въ высшей степени таинственный и даже торжественный.

— Что случилось, панна Ванда? — спросилъ генераль.

— Такъ что очень даже нехорошее случилось, — тягучимъ голосомъ отвѣтила полька, усаживаясь на указанный ей стулъ. — Я узнала, что произошло съ Ракеромъ. Вы никогда не повѣрите, какъ онъ погибъ.

— Такъ онъ погибъ? — заволновался Вѣринъ. — Не тяните же и скорѣй расскажите мнѣ все, что узнали.

Ванда многозначительно кашлянула и медленно, смакуя каждое слово, проговорила:

— Такъ что я все узнала до послѣдней капли. Это, видите-ли, генераль, цѣльная исторія. Надо вамъ знать, что наша Марта самая настоящая большевичка. Она все и устроила. Эмма и Лиза дуры, сами никогда на такое дѣло не пошли бы, а ихъ подговорила, научила и направила Марта. Она и камень приговорила, и мѣшочекъ сшила для него, и весь планъ составила...

— При чемъ тутъ камень и мѣшочекъ? — удивился Иванъ Петровичъ. — Вы, золотая, приступите прямо къ дѣлу. Что сдѣлали съ Ракеромъ?

— Его утопили, — печально-торжественно прозвучаль отвѣтъ, — утопили вотъ въ этомъ самомъ озерѣ, которое вы видите изъ вашихъ оконъ. Подвели къ проруби, привязали къ ошейнику мѣшочекъ съ камнемъ и столкнули въ воду. Ракеръ тьякнулъ и скрылся сейчасъ же въ пучинѣ водъ. Вотъ какъ дѣло было! Я все доподлинно узнала. Головка у меня умненькая, отъ нея ничего не скроешь; все разнюхала, все выяснила, все обнаружила! Да-а!

— Господи! — съ сокрушеніемъ воскликнулъ Иванъ Петровичъ, — какая гнусность! Но зачѣмъ понадобилось уничтожить эту дивную собаку, которая по уму своему и благородству характера могла положительно соперничать съ человѣкомъ? Откуда вы все это узнали?

— Видите-ли, генераль, — продолжала полька свое повѣствованіе, — это мнѣ все сообщили подъ секретомъ. Марта давно уже подбивала Эмму и Лизу на это дѣло. Она объясняла дѣвушкамъ, что Ракеръ подлая собака, что онъ бросается на простыхъ людей, что изъ-за него Тирасъ худѣетъ, такъ какъ кухарка все отдаетъ Ракеру. Ну,

онѣ, глупыя, и повѣрили всей этой чепухѣ. Вы обо всемъ этомъ лучше никому не говорите, а то еще намъ будутъ мстить.

Но Вѣринъ не нашелъ возможнымъ молчать объ убійствѣ собаки и разсказалъ о немъ Ватману. Когда же въ Людгофъ пріѣхалъ Дорнъ, то и онъ былъ посвященъ въ тайну исчезновенія собаки.

— Такъ этого оставить нельзя, — рѣшительно заявилъ главный лѣсничій, — убійцы Ракера должны быть наказаны. Мы разберемъ это дѣло.

Импровизированный „судъ“ состоялся въ зеленой гостиной. Здѣсь Иванъ Петровичъ, Ватманъ и Дорнъ приступили къ допросу „подсудимыхъ“ и свидѣтелей. Сначала была вызвана прачка. Это была очень полная женщина среднихъ лѣтъ съ краснымъ вульгарнымъ лицомъ и непріятно бѣгающими маленькими глазками. Допросъ велъ Дорнъ на латышскомъ языкѣ. Ватманъ переводилъ генералу показанія допрашиваемыхъ.

На всѣ вопросы Марта отвѣтила категорическимъ отрицаніемъ своей вины, заявивъ, что по поводу смерти собаки рѣшительно ничего не знаетъ.

Марту отпустили и вызвали черезъ Ванду, исполняющую обязанности судебного пристава, Лизу.

Эта дѣвочка, которой едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, обращала на себя вниманіе тонкими чертами своего лица.

— Удивительно красивое лицо, — думалъ иногда Вѣринъ, встрѣчая гдѣ-нибудь во время своихъ прогулокъ Лизу. — Она похожа на переодѣтую въ рубище принцессу. Какіе у нея громадныя и красивые глаза, какая чистота линий! Стильная дѣвчонка!...

При первомъ же вопросѣ Дорна темные глаза юной преступницы наполнились слезами, она начала рыдать и съ полной откровенностью созналась, что, дѣйствительно, совмѣстно съ Эммой по подговору Марты утопила собаку. Кончивъ свой разсказъ, дѣвушка неожиданно бросилась къ Ватману и, покрывая его руки поцѣлуями, стала просить у него прощенія.

Ватманъ страшно сконфузился и не зналъ, какъ успокоить миловидное существо, которое продолжало неутѣшно рыдать и цѣловать его руки, не взирая на сопротивление управляющаго.

— Бѣдненькая, — пронеслось въ головѣ генерала, — она сама не вѣдала, что творила! Эта фурія — прачка сбила ее съ пути. Но какъ она трогательно и красиво плачетъ. Прямо картина!

— Спросите ее, пожалуйста, — обратился онъ къ Дорну, — неужели ей не жалко было собаки? Вѣдь это была такая умная и хорошая собака.

Лѣсничій перевелъ вопросъ генерала. Лиза съ новыми рыданіями отвѣтила, что собаки ей жалко, но ее сбила съ толку прачка, увѣрявшая, что Ракеръ прескверная нѣмецкая собака, кусающая простой народъ.

Эмма вполне подтвердила показаніе Лизы. Тогда между подсудимыми сдѣлали очную ставку. Когда Марта услышала, что обѣ дѣвушки въ одинъ голосъ обвиняютъ ее въ подстрекательствѣ и въ разработкѣ всего плана уничтоженія Ракера, она пришла въ необыкновенную ярость и стала кричать, что Эмма и Лиза наклеветали на нее по злобѣ. А мстили онѣ, по словамъ прачки, ей за то, что она неодобрительно относилась къ ихъ развратному поведенію. Въ заключеніе мегера заявила, что, хотя къ убійству собаки она никого не подстрекала, но рада тому, что собаку утопили, такъ какъ Ракеръ кусался.

— Ну, какъ, господа, — задалъ вопросъ Иванъ Петровичъ, когда подсудимыя вышли изъ гостиной, — что мы съ ними сдѣлаемъ? Признаться, я хотѣлъ бы, чтобы болѣе легкая кара постигла Лизу. Она вѣдь такая молоденькая и еще глупенькая!

Но и Дорнъ, и Ватманъ пришли къ заключенію, что всѣ „преступницы“ подлежатъ одинаковому наказанію, а именно должны быть немедленно уволены со службы.

— Будь по вашему, — со вздохомъ согласился генералъ, — оно, конечно, справедливѣе. Если сдѣлать исключеніе для Лизы, то это будетъ понято какъ слабость съ нашей стороны.

Въ душѣ же Ивана Петровича шевельнулась грустная мысль, что никогда уже во время своихъ прогулокъ онъ не увидитъ красивую, стройную фигуру Лизы и не будетъ больше любоваться ея громадными темными глазами и классически-правильными чертами лица.

Въ тотъ же день рѣшеніе „полевого суда“ было объявлено осужденнымъ. Марта, услыжавъ, что ее изгоняютъ навсегда изъ Людгофа, энергично выругалась и заявила, что она и сама давно уже собиралась оставить

домъ, гдѣ каждой собакѣ живется лучше, нежели трудящемуся человѣку. Эмма же и Лиза покорно собрали свои вещи, всплакнули и безъ всякихъ возраженій уѣхали изъ имѣнія къ своимъ родственникамъ.

XXXIII.

Прошелъ годъ со времени убійства Ракера. Людгаръ съ дѣтьми и Сусанной вернулись въ Людгофъ. Замокъ опять наполнился жизнью, сутолокой и шумомъ.

Новое правительство Латвіи занялось обсужденіемъ земельной реформы, которая ничего хорошаго для обитателей имѣній не сулила. Въ воздухѣ чувствовались тревога и напряженное ожиданіе серьезныхъ событій.

Вѣринъ по старому тосковалъ, думая о прошломъ и оставаясь въ полной неизвѣстности о ближайшемъ будущемъ. Лѣто выдалось теплое, и генераль началъ купаться въ озерѣ, которое находилось въ глубинѣ парка.

Въ первыхъ числахъ іюня онъ, какъ всегда, съ наслажденіемъ около одиннадцати часовъ утра поплавалъ въ довольно еще холодной водѣ и затѣмъ началъ одѣваться. Утро выдалось удивительно мягкое, солнечное и пріятное.

— Какая благодать кругомъ! — принялся мысленно философствовать старикъ, натягивая на свои худыя ноги ветхіе штаны, — какой воздухъ, какая тишина, какое солнце, а на душѣ все же прескверно...

Въ это время одинъ за другимъ прогремѣли два выстрѣла.

— Кто-нибудь въ зайца, вѣроятно, пальнулъ, — подумалъ Иванъ Петровичъ, направляясь домой.

Въ сравнительно бодромъ настроеніи вернулся онъ въ свою комнату и принялся перелистывать старый номеръ „Историческаго Вѣстника“. Вдругъ въ комнату съ шумомъ влетѣлъ Саша.

— Дядя, дядя, — началъ прерывающимся отъ волненія голосомъ мальчикъ, — ты ничего не знаешь? Вѣдь Ватмана убили... Убили въ полѣ; онъ стоялъ тамъ рядомъ съ папой. Сейчасъ принесли... Онъ лежитъ внизу.

— Что? Какъ? Не можетъ быть! — съ ужасомъ воскликнулъ Вѣринъ.

— Кто-то въ него выстрѣлилъ изъ лѣса. Онъ сразу же упалъ и умеръ.

Иванъ Петровичъ бросился внизъ. Въ просторной передней онъ засталъ Жоржа, который сидѣлъ у круглаго стола, закрывъ лицо руками. Вѣрнѣ порывисто обнялъ Людгара и пробормоталъ.

— Какой ужасъ, какой ужасъ!.. Ты рядомъ стоялъ?

— Да, — послѣдовалъ тихій отвѣтъ, — мы были вмѣстѣ. Смотрѣли, какъ сажали картофель. Я стоялъ съ нимъ рядомъ. Мы о чемъ-то долго разговаривали. Затѣмъ я сказалъ, что пойду на скотный дворъ и отошелъ отъ него шаговъ на десять... Вдругъ слышу выстрѣлъ... Я обернулся. Вижу — лицо Ватмана сразу исказилось и на немъ появилось выраженіе безконечной муки... Этого выраженія я никогда, никогда не забуду. Вслѣдъ за первымъ сейчасъ же раздался второй выстрѣлъ. Насъ, ясное дѣло, обстрѣливали... Ватманъ сложилъ руки на животъ, какъ бы корчась отъ боли, и упалъ. Я пригнулся къ землѣ и подползъ къ раненому. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, страшно блѣдный и ничего не говорилъ. Мнѣ пришлось долго звать рабочихъ, которые боялись подойти къ намъ, думая, что обстрѣлъ еще не конченъ. Когда они, наконецъ, подошли, я побѣжалъ домой, чтобы распорядиться перенести бѣднаго Ватмана... Я надѣялся, что рана его не смертельна, но онъ умеръ, не приходя въ сознание, когда мы на простынѣ переносили его.

Генералъ вошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ лежалъ убитый. Лицо его было страшно блѣдно и носило страдальческое выраженіе. Рядомъ съ кроватью стояла панна Ванда и плакала.

— Въ нутро попало, — прошептала она, — что кровито вышло, — страсть! Вошла пуля въ правый бокъ и, должно быть, повредила печенку... Боже-жъ мой! Что-жъ это творится! Такого андела злодѣи убили! Кому и когда онъ вредъ сдѣлалъ? Никому никогда!

А Иванъ Петровичъ въ это время думалъ:

— Сегодня второе іюня 1921-го года, а я пріѣхалъ сюда 15-го октября 1919 года. Сколько событій за это время!.. Еще сегодня утромъ во время кофе я говорилъ съ покойникомъ, шутилъ съ нимъ, а сейчасъ онъ уже ничего не чувствуетъ и никогда больше не заговоритъ... Бѣдный!.. Ему - то жить, вѣроятно, хотѣлось, не то, что мнѣ...

Похоронили убитого черезъ три дня очень торжественно. Во время похоронъ многіе рабочіе плакали и хвалили покойника, считая его жертвой несчастнаго стеченія обстоятельствъ.

Во время слѣдствія выяснилось, что убійца стрѣлялъ изъ лѣсу въ разстояніи около 250 шаговъ. На опушкѣ лѣса нашли двѣ гильзы отъ винтовки военного образца. Всѣ попытки обнаружить виновнаго на первыхъ порахъ не привели ни къ чему.

Только впослѣдствіи оказалось, что убилъ Ватмана шестнадцатилѣтній парень, который подрядился за пятнадцать тысячъ рублей убить Людгара. Но парень ошибся, такъ какъ прѣхалъ въ Людгофъ на гастроли и въ лицо мѣстныхъ жителей не зналъ. Цѣлясь въ управляющаго, онъ предполагалъ, что цѣлится въ помѣщика. Убійцу судили и приговорили къ тюрьмѣ на три года. Подстрекатель къ убійству, какъ выяснилось на судѣ, хотѣлъ отомстить Людгару за то, что тотъ будто-бы не выхлопоталъ помилованія его сыну-коммунисту, котораго разстрѣлялъ отрядъ ландсвера послѣ изгнанія большевиковъ изъ Курляндіи. Въ виду „слабости уликъ“ подстрекатель былъ судомъ оправданъ.

XXXIV.

Наступилъ іюль. Отъ своихъ изъ Москвы Вѣринъ не имѣлъ никакихъ извѣстій, и обстоятельство это безконечно его беспокоило. Неожиданно онъ получилъ изъ Польши очень сердечное и длинное письмо отъ Павлика.

Павликъ писалъ ему, что въ Варшавѣ, благодаря друзьямъ, онъ попалъ въ члены правленія свеклосахарнаго завода, крупная партія акцій котораго ему принадлежитъ, и предлагаетъ своему кузену мѣсто счетовода завода съ вполнѣ приличнымъ окладомъ.

„Итакъ, — писалъ Павликъ, — добывай всѣ нужныя визы и переѣзжай въ Варшаву прямо ко мнѣ. Ты вѣдь долго служилъ въ Польшѣ и польскій языкъ знаешь, а потому съ новыми своими обязанностями справишься. На

переѣздъ посылаю тебѣ двѣсти долларовъ въ четырехъ заказныхъ письмахъ. Если твоя семья вырвется изъ Совдепіи, то она присоединится къ тебѣ въ Варшавѣ, гдѣ ты въ состояніи будешь ее содержать.“

Письмо Павлика страшно обрадовало Ивана Петровича.

— Какое у него доброе сердце! — началъ онъ торговаться передъ Жоржемъ, показывая ему полученное письмо. — Какъ я несправедливо къ нему относился! Онъ является моимъ благодѣтелемъ и спасителемъ. Не могъ же я до безконечности пользоваться твоимъ гостепріимствомъ и продолжать жить здѣсь въ качествѣ паразита. Для полнаго моего счастья не хватаетъ только, чтобы Маришень и Ната оказались живы и выбрались изъ Москвы. Не понимаю, почему такъ долго отъ нихъ нѣтъ ни малѣйшей вѣсточки!.. Но молодчина Павликъ! Вотъ обрадовалъ меня, старика! Славный онъ!

— Вѣрно, — соглашался Людгаръ, — у Павлика золотое сердце. Я страшно радъ за тебя. Къ тому же, кажется, въ скоромъ времени мнѣ придется покинуть окончательно Людгофъ, такъ какъ всѣхъ помѣщиковъ, видимо, новое правительство будетъ выселять изъ ихъ усадебъ. Оставятъ намъ каждому только пятьдесятъ десятинъ, а остальное отнимутъ... Да, для насъ, дворянъ и помѣщиковъ, наступили лихія времена. Весь прежній укладъ нашей жизни разрушается, и наступаетъ новая эра.

Когда изъ Варшавы были получены всѣ заказныя письма съ долларами, Вѣринъ началъ собираться въ путь.

Разставаніе его съ Людгофомъ носило трогательный характеръ. Рано утромъ въ день отъѣзда онъ обошелъ паркъ и всѣ тѣ мѣста, гдѣ такъ часто гулялъ, предаваясь своимъ грустнымъ мыслямъ.

— А все-же, — думалъ онъ, — Людгофъ оставитъ въ моей душѣ неизгладимыя воспоминанія. Сколько я за эти три года здѣсь пережилъ! Сколько написалъ, испыталъ всѣ муки и радости творчества! Положимъ, всѣмъ моимъ писаніямъ, вѣроятно, грошъ цѣна, но они наполнили мою жизнь и дали мнѣ много хорошихъ минутъ.

Жоржъ устроилъ для отъѣзжающаго парадный обѣдъ, на которомъ фигурировала бутылка великолѣпнаго портвейна, а на сладкое, къ большой радости дѣтей, было подано мороженое.

Саша и Вѣрочка съ нѣжнымъ вниманіемъ ухаживали за дядей, все повторяя, что они никогда его не забудутъ и часто, часто будутъ писать ему.

Даже Сусанна растаяла и послѣ рюмки вина заявила, что генераль настоящій джентльменъ и безъ него ей будетъ скучно.

— Неужели? — удивился Вѣринъ. — Вотъ лучшая для меня награда за мое преклоненіе передъ вашей кипучей дѣятельностью. Я такъ счастливъ, что мы расстаемся друзьями, не взирая на то, что я вамъ причинялъ столько хлопотъ своимъ несноснымъ характеромъ.

Послѣ обѣда была подана легкая бричка, въ которую впрягли старую кобылу Лямку, отличавшуюся изумительнымъ темпераментомъ: выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, она всегда рвалась впередъ, заставляя все время кучера сдерживать ее похвальный пылъ. Багажъ генерала былъ уже отправленъ накануне.

Всѣ обитатели людгофскаго замка высыпали на дворъ, когда Вѣринъ, напутствуемый лучшими пожеланіями, взобрался на сидѣнье брички. Кучеръ тронулъ вожжи, и престарѣлая кобыла съ горячностью рѣзваго жеребенка понеслась крупной рысью по березовой аллеѣ, составлявшей одну изъ достопримѣчательностей Людгофа.

Иванъ Петровичъ оглянулся и замахалъ шляпой въ отвѣтъ на тѣ прощальные привѣты, которые посылались ему съ высокаго крыльца замка.

— Какъ они всѣ сердечно меня провожали, — пронеслось въ головѣ Вѣрина, — Ванда даже всплакнула, а Эпервиллиха смотрѣла на меня безъ присущей ей всегда злобы, и въ голосъ ея звучали даже нѣжныя ноты. А дѣти!.. Они, милые, дѣйствительно, искренно огорчены моимъ отъѣздомъ... Какой Жоржъ, въ сущности, не взирая на свою внѣшнюю ледяную холодность, добрый и благородный человекъ! Вѣдь въ теченіе трехъ лѣтъ онъ давалъ мнѣ пріютъ, кормилъ меня и возился со мной!

Въ самомъ хорошемъ настроеніи, къ которому примѣшивалась капелька грусти, эта обычная спутница разставанія съ насиженымъ мѣстомъ, подѣзжалъ Иванъ Петровичъ къ городу.

Къ его большому огорченію, оказалось, что онъ минутъ на десять опоздалъ къ узкоколейному поѣзду, который долженъ былъ доставить его къ станціи главной же-

лѣзнодорожной магистрали. Приходилось дожидаться слѣдующаго поѣзда и ночевать въ гостиницѣ.

— Вотъ такъ неудача! — съ досадой подумалъ Иванъ Петровичъ, входя въ номеръ гостиницы, гдѣ онъ рѣшилъ переночевать. — Плохо началось мое путешествіе! Ужъ не предзнаменованіе ли это? И какъ это я опоздалъ! Первый разъ въ жизни опаздываю къ поѣзду!

Такъ какъ было всего семь часовъ вечера, онъ рѣшилъ побродить по городу, очень живописно расположенному частью на холмахъ, частью въ долинѣ у обширнаго озера. Ему очень нравились узкія и кривыя улочки средневѣковаго типа съ старинными домиками, крытыми темно-красной черепицей.

Когда Вѣринъ выходилъ изъ своего номера, въ довольно плохо освѣщенномъ коридорѣ онъ натолкнулся на дѣвочку лѣтъ семи, выбѣжавшую изъ сосѣдней комнаты. Дѣвочка съ разбѣга нечаянно его толкнула и, видимо, растерявшись, испуганно проговорила:

— Извиняюсь! Я не хотѣла васъ толкнуть!.. Извиняюсь!..

— Ничего, дѣтка, ничего! — благодушно отозвался Иванъ Петровичъ, спускаясь по лѣстницѣ. — Я и самъ вижу, что толкнуть меня ты не хотѣла.

Ребенокъ, одѣтый въ синій чистенькій костюмчикъ, смущенно исподлобья посмотрѣлъ на Вѣрина и вдругъ улынулся ему такъ привѣтливо и мило, что тотъ невольно подумалъ:

— Что за очаровательная маленькая женщина! Вотъ будетъ кружить головы, когда подрастетъ! Моя Наточка, вѣроятно, въ такомъ же возрастѣ.

Вѣринъ вышелъ на улицу и направился въ городской садъ, расположенный на склонѣ холма. Въ саду почти никого не было, и генераль сталъ медленно гулять по липовымъ густымъ аллеямъ, любясь видомъ городка, разстилающагося внизу и утопающаго въ зелени. А въ головѣ его крѣпко засѣла мысль о дѣвочкѣ, которая толкнула его въ коридорѣ:

— Какая милая крошка! Она мнѣ страшно напоминаетъ мою Наточку. Вѣроятно, пріѣзжая! Не изъ Россіи ли? Это „извиняюсь“ въ устахъ семилѣтняго ребенка прямо великолѣпно! Надо будетъ навести справки. Быть можетъ, она даже изъ Москвы пріѣхала?!

Иванъ Петровичъ вернулся въ гостиницу. Въ коридорѣ онъ опять замѣтилъ прїѣзжую дѣвочку, которая, увидѣвъ его, дружелюбно улыбнулась ему, какъ знакомому, и весело спросила:

— А вы уже вернулись?

— Вернулся, — отозвался Вѣринъ, — а что ты здѣсь, дѣтка, дѣлаешь? Откуда ты прїѣхала?

— Я съ мамой. Прямо изъ Москвы. Мы московскія. Сегодня прїѣхали, а завтра дальше поѣдемъ, — словоохотливо объяснила дѣвочка.

Въ это время послышался женскій голосъ:

— Наточка!.. Наточка!.. Иди ко мнѣ!

— Это мамочка зоветъ меня! — бросила дѣвочка и быстро, быстро перебирая ножками, побѣжала въ свой номеръ.

У Ивана Петровича сердце готово было выпрыгнуть изъ груди: онъ узналъ голосъ своей жены.

— Неужели это Марихенъ! — молніей пронеслось въ его головѣ. — А эта прелестная дѣвочка — моя Наточка! Я, кажется, съ ума сойду отъ счастья.

Съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ постучался онъ въ дверь, за которой скрылась дѣвочка.

— Войдите! — раздался столь знакомый милый грудной голосъ,

Вѣринъ вошелъ въ комнату. Передъ нимъ на диванѣ сидѣла Марихенъ, на колѣняхъ у которой была Наточка.

— Ты, ты!.. — радостно воскликнула Вѣрина, бросаясь въ объятія мужа. — Наконецъ-то! Ты получилъ мои письма? Ты ждалъ насъ и прїѣхалъ за нами?..

— Никакихъ писемъ я отъ тебя не получалъ, — отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, схвативъ Наточку на руки и покрывая ее головку поцѣлуями. — Письма твои, вѣроятно, потерялись, такъ какъ сейчасъ почта работаетъ отвратительно. Но какъ вы очутились здѣсь?

— Мы прїѣхали сюда черезъ Финляндію, — отозвалась Марихенъ, глядя сіяющими глазами на мужа, — ты не повѣришь, какъ намъ было трудно добраться сюда!

— Въ насъ на границѣ даже стрѣляли, — вставила свое слово Наточка, — чуть-чуть не убили, когда мы пробились черезъ лѣсъ.

— Наточка, — обратилась Вѣрина къ дочери, — это твой папочка. Узнаешь его?

— Сначала не узнала, — отвѣтила дѣвочка, доврчиво прижимаясь къ отцу, — а теперь узнала. По фотографіямъ узнала. Я же была совсѣмъ маленькая, когда папочка уѣхалъ. Только по фотографіямъ сейчасъ и узнала его. Какъ все хорошо вышло! Чудесно вышло! Я постоянно молилась о томъ, чтобы скорѣй встрѣтиться съ папой. Вотъ и встрѣтились наконецъ!...

Вѣрины рѣшили на слѣдующій день выѣхать въ Ригу, а оттуда въ Варшаву, чтобы тамъ начать устраивать вновь свой семейный очагъ, налаживать опять свою семейную жизнь.

К О Н Е Ц Ъ.

Отзывы печати о романах

барона Ивана фонъ Нолькена

„Зарево“ и „Живые и Мертвые“.

„Фабула „Зарева“ развивается на фонѣ эпохи, непосредственно предшествовавшей войнѣ, однако политической и общественный элементъ почти совершенно отсутствуетъ: автора пока интересуетъ только быть великосвѣтской среды русскаго общества предреволюціоннаго періода, и **этотъ быть онъ рисуетъ легко, свободно, ярко и правдиво.** Беззлобное отношеніе къ отрицательнымъ сторонамъ великосвѣтской жизни и нѣжное къ тѣмъ изъ героевъ, въ комъ живетъ лобота и благородство, — вотъ отличительное свойство литературнаго дарованія бар. Ив. Нолькена“. *Б.Х.*
(„Сегодня“, № 39).

„Въ „Заревѣ“ мы находимъ отдѣльныя **живыя, очень тонко и любовно выписанныя авторомъ страницы,** относящіяся къ восстановленію живыхъ образовъ прошлаго“. *Н. Р-из.*
(„Слово“, № 426).

„Если вы хотите отдохнуть душой, перенесая мысль въ прежнее доброе старое время — прочтите „Зарево“. Баронъ Нолькенъ, вдумчивый и мягкій бытописатель ушедшей въ вѣчное великосвѣтской жизни, **даетъ вѣрные и правдивые типы близкой ему среды.** Объективность и снисходительность къ отрицательнымъ явленіямъ этой жизни — вотъ основная черта творчества барона Нолькена“. („Новая Недѣля“, № 8).

„Написанный хорошимъ русскимъ языкомъ, живой и разнообразный, романъ „Зарево“ И. Нолькена составитъ **пріятное чтеніе**“. *А. Формановъ.*
(„Двинскій Голосъ“, № 9).

„Въ общемъ, „Зарево“ оставляетъ пріятное впечатлѣніе и искренностью тона, и несомнѣнной любовью къ недавней „старинѣ“. Особенно хорошо удалось автору описаніе Москвы. **Книга — желанный гостъ**“. *Н. Рыбинскій.*
(„Новое Время“, № 1752).

„Передъ нами Кисловодскъ и Москва. Читаешь о нихъ не безъ интереса — особенно о Москвѣ. Любопытство читателя задѣвается еще и потому, что авторъ „Зарева“ вводитъ насъ въ круги, литературой почти не использованные: таковы Московскій военно-окружный судъ и тамошній же Англійскій клубъ, послѣ „Войны и Мира“, кажется, ничѣмъ перомъ спеціально не затронутый. При этомъ баронъ Нолькенъ, хотя романъ его и не задуманъ, какъ историческій, выводитъ опредѣленныхъ реальныхъ людей... У него, напримѣръ, выступаютъ московскіе губернаторъ Джунковскій, градоначальникъ Адриановъ и его жена, командующій войсками Плева, предводители дворянства Самаринъ и Базилевскій“.
Ю. Айхенвальдъ.
(„Рулъ“, № 1907).

„Вплоть до порога мировой войны доводить своего читателя талантливый и умудренный опытом авторъ. Онъ хорошо знакомъ съ тѣми правящими кругами, которые передъ войной господствовали въ Россіи. Съ интересомъ можно ожидать появленія второй части романа. **„Зарево“ же принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, отъ которыхъ нельзя оторваться до тѣхъ поръ, пока не прочитаешь послѣдней страницы“.**

О. Гросбергъ.
(„Rigasche Rundschau“, № 62).

„Зарево“ доставитъ своему читателю удовольствіе — способностью автора въ легкой формѣ высказать серьезные мысли, вдумчивостью его и знаніемъ изображаемой среды... **Книга даетъ не только цѣнный матеріалъ, но написана съ исключительнымъ талантомъ.** Характеры дѣйствующихъ лицъ обрисованы отчетливо и ясно; дѣйствіе захватываетъ.“ *П. Франкъ.*
(„Die Woche im Bild“, № 18).

„Я, человекъ занятой, самъ писатель-профессионалъ, однако, романъ барона Нолькена **„Живые и Мертвые“ съ большимъ удовольствіемъ, не отрываясь, прочелъ въ одинъ день.** А потому имѣю полное основаніе настойчиво рекомендовать этотъ романъ, съ полной увѣренностью, что никто за это на меня не посягнетъ, а наоборотъ — такъ же поблагодарить, какъ я мысленно поблагодарилъ автора“.
Н. Брешко-Брешковскій.
(„Новое Время“, № 1886).

„Факты, историческіе и бытовые, подобраны такъ, что **въ своей совокупности они возстановляютъ передъ нами наше недавнее прошлое.** Оживающій тусклѣющая въ памяти война... Въ эпопеѣ начальнаго большевизма сильное впечатлѣніе производитъ описаніе того, какъ 4 августа 1918 г. согнали въ Москвѣ офицеровъ въ Алексѣевское военное училище и какъ ихъ тамъ морально и физически истязали... **Исторически „Живые и Мертвые“ полезны;** эстетически они безвредны, а кое-гдѣ даже **подымаются до живой выразительности** и трогаютъ своимъ грустнымъ колоритомъ“.
Ю. Айхенвальдъ.
(„Рулъ“, № 2065).

„Романъ „Живые и Мертвые“ читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. **Подъ талантливымъ перомъ умнаго очевидца оживаютъ картины общей разрухи.** Съ большой тонкостью и красиво рисуетъ авторъ любовь Милочки къ своему жениху, сдѣлавшемуся потомъ ея мужемъ, а также романъ между Вѣриной и Чинадзе. Въ общемъ, очень **культурная** книга, рисующая то время, когда культура находилась въ полномъ загонѣ“.
О. Гросбергъ.
(„Rigasche Rundschau“, № 195).

„Романъ „Живые и Мертвые“ волнуетъ читателя, будитъ рой воспоминаній, порой терзаетъ сердце, но читается легко, ибо книга **написана литературно, вдумчиво и любовно,** безъ всякой нарочитости и надуманнаго надѣленія героевъ качествами и доблестями, которыхъ въ жизни не бываетъ. У него все человѣческое, жизненное, реальное и потому понятное и близкое каждому изъ насъ. Вотъ почему у автора нѣтъ центрального героя. У него обыкновенные люди съ ихъ сильными и слабыми качествами. Въ этомъ цѣнность книги, въ этомъ сказался талантъ писателя“.
Нео-Сильвестръ.
(„Слово“, № 611).

„Много яркихъ словъ нашелъ авторъ для описанія подвиговъ тѣхъ кто, жертвуя жизнью, хотѣлъ спасти Россію и не могъ равнодушно покориться побѣждающему большевизму. Въ общемъ, романъ **„Живые и Мертвые“** правдиво и объективно показываетъ кусокъ того полотна, которое называется **„картина Россіи въ 14 — 17 г. г.“**.

В. Брандъ.

(„За Свободу“, № 2258).

„Интересный романъ „Живые и Мертвые“ **безусловно** найдеть своего читателя“.

А. Форманковъ.

(„Двинскій голось“, № 40/1927 г.).

„Авторъ „Живыхъ и Мертвыхъ“ развѣртываетъ передъ читателемъ **рядъ захватывающихъ картинъ** чловѣческаго счастья и горя среди военныхъ невзгодъ и революціонной смуты. Передъ нами то трогательная идиллія юной влюбленной четы, то романъ жены попавшаго въ плѣнъ генерала съ жильцомъ-грузиномъ. И въ заключеніе — кровавый разгулъ большевickaго издѣательства надъ чловѣческой жизнью и личностью“.

III.

(„Наша газета“, № 147).

Романомъ „Въ Курляндскомъ Замкѣ“ аканчивается задуманная авторомъ трилогія, состоящая изъ трехъ **самостоятельныхъ** („Зарево“, „Живые и Мертвые“ и „Въ Курляндскомъ замкѣ“) произведеній, объединенныхъ тѣмъ, что во всѣхъ трехъ романахъ нѣкоторыя дѣйствующія лица одни и тѣ же.

Съ требованіями о высылкѣ романовъ барона фонъ Нолькена слѣдуетъ обращаться прямо къ автору: **Jean de Nolcken. Lettonie. Riga. Dzirnau ielā № 5. dz. 18.**

Деньги могутъ быть отправляемы почтовымъ переводомъ или въ заказномъ письмѣ.

